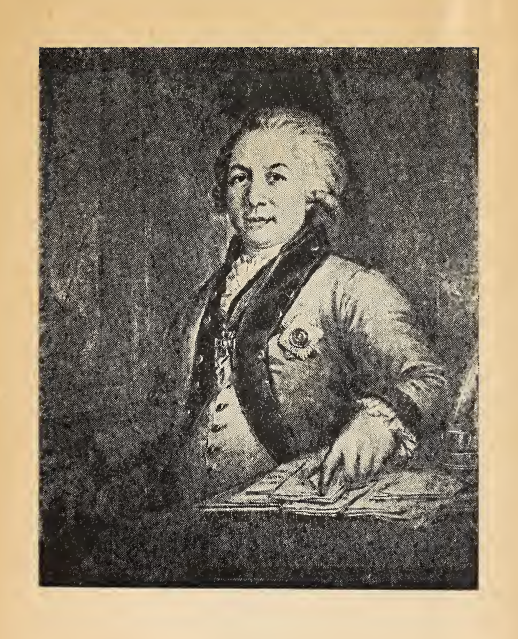
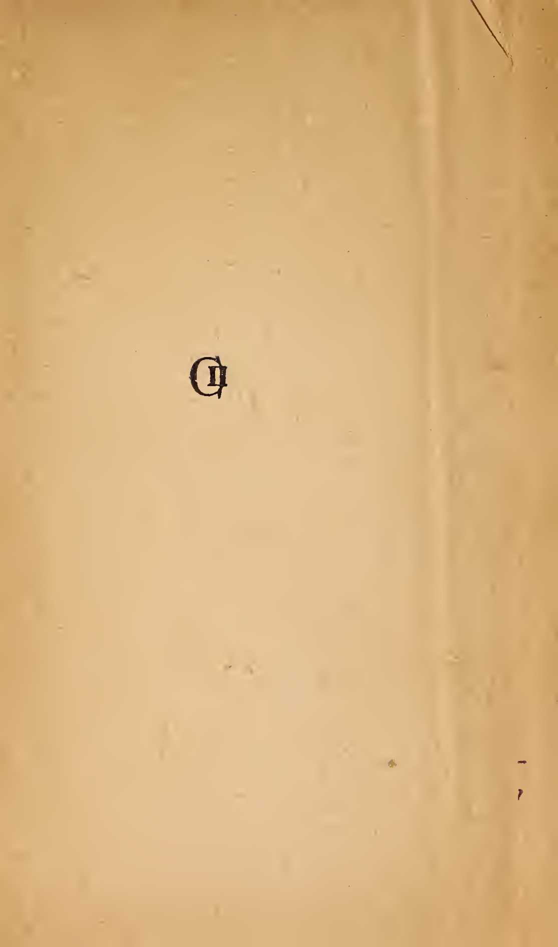
ДЕРЖАВИН

БИБЛИОТЕКА ПОЭТА

ОСНОВАНА М. ГОРЬКИМ

Малая серия • Второе издание

Советский писатель

Г. ДЕРЖАВИН

СТИХОТВОРЕНИЯ

Вступительная статья,
редакция
и примечания
Г. А. ГУКОВСКОГО

Советский Писатель • 1947

Малая серия № 17

Г. Р. ДЕРЖАВИН

Величайший из русских поэтов допушкинского периода Гаврила Романович Державин родился 3 июля 1743 года (ст. стиля) в семье мелкопоместных дворян в Казанской губернии. Детство и юность его прошли в бедности. Образование он получил незначительное — сначала у случайных и весьма мало осведомленных учителей, потом в Казанской гимназии, в которой тоже учили плохо. В 19 лет Державин начал службу солдатом в Преображенском полку. Только через 10 лет он дослужился до первого офицерского чина. Вскоре затем вспыхнуло Пугачевское восстание, оказавшее огромное влияние на весь ход как политической, так и культурной жизни России. Но Державин, оставшийся верным крепостнической монархии, не мог понять смысла этого грандиозного крестьянского восстания. В качестве офицера он принял участие в его подавлении. Неуживчивый характер Державина, самоуправство, нежелание считаться ни с каким начальством нажили ему сильных вра-

гов. В конце концов в 1777 году Державин был переведен в штатскую службу с чином коллежского советника, и ему было дано имение в Белоруссии с тремястами крестьян.

Вскоре Державин добился личного знакомства с генерал-прокурором Вяземским, вошел в его свиту и устроился на службу в Сенат. Тогда же, в 1778 году, он женился на Екатерине Яковлевне Бастидон; ей было шестнадцать лет, ему тридцать четыре.

Когда Державин, поссорившись с Вяземским, принужден был уйти со службы из Сената (в начале 1784 г.), он получил чин действительного статского советника (т. е. генеральский чин). В это время Державин как поэт был уже знаменитостью.

Он начал писать стихи с юности. В казарме он сочинял письма и прошения для офицеров и солдат и казарменные стишки. В 70-х годах он писал уже песни, басни, оды, эпиграммы; все это было еще очень наивно, неумело и в высшей степени подражательно. Но кое-где уже видны своеобразные державинские черты, и весь облик поэтической системы уже предсказывает будущего поэта. В 1773 году Державин впервые выступил в печати — анонимно — с прозаическим переводом. В 1776 году он издал книжечку «Оды, переведенные и сочиненные при горе Читалагае (в Поволжьи).

В конце 70-х годов Державин сблизился с Н. А. Львовым. Львов, Державин, Капнист, Хемницер составили как бы особую литературную дружескую группу. Державин был самым старшим в этом кружке: ему, начинающему поэту, было в 1779 году тридцать шесть лет. Но все другие были более образованны, чем Державин; гениальный поэт учился у своих культурных друзей. Друзья надолго сохранили право контроля над его творчеством.

В сущности, Львов, этот изящный эстет-дилетант, тонкий интеллигент и остроумный придворный, и по своему личному характеру и по характеру своего творчества был довольно далек от Державина. В свою очередь придерживавшийся передовых взглядов помещик Капнист и разночинец Хемницер были людьми и писателями, не сходными ни друг с другом, ни с Львовым и Державиным. Кружок Державина был объединением поэтов различной общественной ориентации, связанных, однако, и личной дружбой и единством общих творческих исканий: все они вышли из классицизма и все отвергли его; они искали путей художественного воплощения идеологических заданий своего времени, воплощения идеи личности, ценности человеческой индивидуальности, человеческого чувства, боролись против запретов и канонов классицизма и стремились к выражению национальной идеи в искусстве.

Около 1779 года Державин осознал свой самостоятельный путь в поэзии. В 1805 году он вспоминал о том, что до этого времени он «хотел подражать г. Ломоносову, но как талант сего автора не был с ним внушаем одинаковым гением, то, хотев парить, не мог выдерживать постоянно красивым набором слов свойственного единственно российскому Пиндару велелепия и пышности. А для того с 1779 года избрал он совсем особый путь».

В 1779 году появились первые значительные произведения Державина, напечатанные анонимно, главным образом в журнале «Санкт-петербургский вестник»: «Ключ», «На рождение порфирородного отрока», «На смерть к. Мещерского» (в ранней редакции, менее совершенной, чем общеизвестная позднейшая). Ценители литературы обратили внимание на неизвестного поэта. В оде «Ключ» читателей не могли не поразить яркие образы природы, конкретная словесная живопись. В оде «На смерть к. Мещерского» Державин открыл своим современникам не только новые для них глубины философской мысли, объединяющей судьбы человека и природы в общей концепции жизни мироздания, но и лиризм индивидуальной человеческой души.

По внешности это была как будто обычная ода, размышление в духе Хераскова. Но сила человеческого переживания, выра-

женного в ней, явно выводила ее за пределы херасковского классицизма. Ода Державина сближалась со страстной поэзией раннего романтизма.

В 1780—1784 годах Державин писал оду «Бог», ставшую одним из наиболее знаменитых его произведений [1]. Он выступил в ней против французских материалистов XVIII века, но не с официально-церковных позиций, а исходя из романтического мировоззрения с его культом чувства слияния человека с природой и целым мирозданием.

В 1782 году Державин написал оду «К Фелице». Ода стала известна в придворных кругах. О ней заговорили. Ода «К Фелице» подала мысль издавать журнал, — и вот под редакцией кн. Дашковой и под покровительством и при активнейшем участии Екатерины II начал выходить «Собеседник любителей российского слова». Первый номер журнала (1783) открывался одой «К Фелице». Далее в этом номере и в следующих шли в изобилии стихи Державина. Державина хвалили в журнале в стихах и в прозе. Его стихи обсуждали, за него боролись. Ода «К Фелице» произвела

---

[1] Она была переведена на французский язык не менее пятнадцати раз, на немецкий — не менее восьми, несколько раз на польский. Кроме того — на английский, итальянский, испанский, шведский, чешский, латинский, греческий и японский.

такое сильное впечатление потому, что новая система, намеченная уже Державиным в предшествующих стихотворениях, одержала здесь победу в наиболее, казалось, традиционном жанре русской поэзии, в оде. Казалось, тип оды был навсегда установлен Ломоносовым. Многочисленные подражатели поставляли еще в 80-е годы множество стандартных од, отвлеченных, условных, наполненных обязательным «парением» и надоевшими восторгами, отлитыми в застывшие формулы «высокого штиля». Но вот появляется похвала императрице, написанная живой речью простого человека, говорящая о простой и подлинной жизни, лирическая без искусственной напряженности и в то же время пересыпанная шутками, сатирическими образами, чертами быта.

Это была как будто и похвальная ода и в то же время значительную часть ее занимала сатира на придворных; а в целом это была и не ода и не сатира, а свообдная поэтическая речь человека, показывающего жизнь в ее многообразии, с высокими и низкими, лирическими и сатирическими чертами в их переплетении.

В мае 1784 года Державин опять поступил на службу: он получил место олонецкого губернатора.

Больше года он провел в Петрозаводске и в губернии; но стремление Державина добиваться свободы действий во всех делах

поссорило его с начальником, генерал-губернатором (наместником) олонецким и архангельским, Тутолминым. Державин добился перевода в Тамбов также губернатором. Здесь он опять занял неприязненную позицию по отношению к наместнику Гудовичу. Дошло до того, что наместник стал подавать на Державина жалобы, обвиняя его в превышении власти, дерзости и т. п. Державин был отрешен от должности и предан суду Сената. В январе 1789 года он приехал в Москву, где должен был жить до окончания процесса. Начались хлопоты. В конце концов Державин был оправдан. Он приехал в Петербург и стал добиваться службы. Он рассчитывал при этом на свои стихи, например на оду «Изображение Фелицы», написанную в это время не без практической цели и наполненную непомерными похвалами царице.

В 1791 году Державин был назначен секретарем императрицы. Екатерина предполагала, что «поощрение» заставит Державина прославлять ее в стихах, но ее надежда не оправдалась. Придворной ловкости у Державина не было. Он был резок с царицей, надоедал ей придирчивостью и мешал своей честностью чиновника. Екатерина решила отделаться от него. В сентябре 1793 года Державина назначили сенатором с чином тайного советника и с орденом. Это была почетная опала.

Потом Державин был сделан президентом коммерц-коллегии.

При Павле Державин сначала пошел в гору, но вскоре поссорился с царем; в результате — указ царя Сенату о том, что Державин «за непристойный ответ, им перед нами учиненный, отсылается к прежнему его месту». Державин написал оду «На новый 1797 год», — похвалу Павлу, не лишенную лести, и дела его поправились. Павел давал ему поручения, потом в течение шести дней он получил пять разнообразных и отчасти противоречивых назначений.

При Александре, в 1802 году, Державин был назначен министром юстиции. Он неукротимо вел свою линию, протестовал против новшеств, ссорился с другими министрами, с Сенатом. Через год ему пришлось выйти в отставку. Он сохранил жалованье и положение при дворе. Он прожил последние тринадцать лет своей жизни на покое богатым помещиком: зимой в Петербурге, в своем большом доме на Фонтанке, летом в имении Званка на берегу Волхова. У него было 1300 крепостных «душ». В это время он был женат уже вторично: Екатерина Яковлевна умерла в 1794 году, и вскоре Державин женился на Дарье Алексеевне Дьяковой.

Державин добился всего, о чем мечтал во времена своей молодости: он был богат, он имел высший чин в государстве. Он до-

бился всего без большого образования, без связей, без знатной родни. Его неукротимая воля к жизни, его дарование, его энергия — всё это делало его незаурядной личностью.

Он сам ясно осознавал этот принцип своей личной жизни, принцип, характерно выражавший идейную устремленность его времени. Он требовал уважения к себе не как дворянин, не как сановник, а именно только как человек, как независимая ни от каких условностей личность. И этот культ личности, ее дарований, ее гордости проходит через всю жизнь Державина.

Уже к 90-м годам его слава как поэта возросла необычайно. Критика умолкла, и общим голосом он был признан величайшим поэтом эпохи. Его прославляли на все лады. Литературная молодежь благоговела перед ним. Он сам много работал над своими стихами, постоянно совершенствовал их и двигался вперед от одной творческой победы к другой. Он завоевал успех одами типа «Фелицы», включавшими элементы сатиры, одами на гражданские темы, в то же время лишенными напряженной «высокости» торжественной оды старой традиции. Затем появилась ода на взятие Измаила (1790), прославлявшая героизм и победу русских солдат, вся выдержанная в величественных тонах, чуждая сатирических нот, и это была новая победа Державина.

1790-е годы — эпоха наибольшего расцвета творчества Державина. Граждански-сатирическая ода приобретает у него наивысшее звучание в таких, например, произведениях, как «Вельможа» — патетическая сатира на порочных правителей государства, соединяющая насмешку с высоким гневом и с прославлением идеала мудрого государственного мужа. К этому же периоду относится работа над крупнейшей одой Державина «Водопад», в которой говорится о смерти «великолепного князя Тавриды», Потемкина. Начиная с середины 90-х годов, Державин все более обращается к разработке короткого, легкого интимно-лирического стихотворения, «анакреонтической» оды. Не покидая крупной поэтической формы, он создает целые циклы маленьких стихотворений нового типа.

Он стремится к изяществу стиля и стиха, к передаче мимолетных настроений, живых картинок природы, человека, быта. Он создает ряд маленьких шедевров в этой новой форме, например «Русские девушки», обаятельный образ народной пляски. Одновременно идет усиление в его творчестве тенденции романтизма. Державин все более заинтересован идеей возрождения национальных форм искусства, в частности поэзии северных народов, к которым он причисляет и русский народ. Он все шире пользуется образами поэзии битв, сумрачной природы

Севера, поэзии бури и ночи, ставшими популярными во всей Европе после появления «Поэм Оссиана» Макферсона (1760). Мы встречаемся с этими новыми мотивами в «Водопаде» или в оде «На победы в Италии».

Все эти течения и виды творчества развиваются в поэзии Державина и позднее, в XIX столетии, как и мощная струя реалистического изображения жизни, быта, природы, давшая одно из величайших созданий Державина — «Евгению, Жизнь званская» — эпопею обыденного быта, нарисованного со всеми его каждодневными подробностями и в то же время воспетого с глубоким лиризмом.

На старости лет Державин попробовал свои силы в драматургии. Драматические произведения Державина не имели успеха и не отличались сколько-нибудь значительными достоинствами. Местами в них находятся прекрасные стихи, но построить драматическое действие Державин, лирик по натуре, не умел. В 1811 году Державин начал работать над теоретическим трактатом «Рассуждение о лирической поэзии или об оде» (опубликованном до сих пор не полностью). В 1811—1812 годах Державин написал свои «Записки», обширную автобиографию, дающую обильный материал нравоописания эпохи, а еще раньше, в 1809 году, он начал дикто-

вать подробные примечания к своим стихотворениям.

В 1790 году Державин познакомился с молодым Карамзиным; между ними установились добрые отношения. Державин приветствовал творчество Карамзина (стихотворение «Прогулка в Сарском Селе») и усердно сотрудничал в его «Московском журнале». Это не помешало ему примкнуть с 1804 года к кружку писателей-архаистов, противников карамзинских литературных реформ. Не разделяя полностью позиций этого кружка, Державин испытал, однако, влияние его идейного руководителя А. С. Шишкова, пытаясь совместить начала обеих враждующих школ. С 1807 года кружок установил еженедельные собрания, причем один раз в месяц собирались у Державина. В 1811 году кружок организовался в общество «Беседа любителей российского слова», открытые собрания которого устраивались с большой пышностью в специально для этого отделанном зале дома Державина. В то же время Державин не забывал и Карамзина, а когда появился Жуковский, признал его дарование.

8 января 1815 года действительный тайный советник Державин, вельможа, один из последних екатерининских «столпов», прославленный поэт, общепризнанный величайший лирик русской литературы, приехал в Царскосельский лицей на публичный экзамен. Пятнадцатилетний Пушкин читал

перед ним свои стихи. «Державин был в восхищении: он меня требовал, хотел меня обнять», — записал Пушкин через 18 лет.

9 июля 1816 года Державин умер.

Путь Державина к литературе, путь к успеху, а потом к славе, был необычен для XVIII века. Державин нигде не обучался поэзии, он не прошел через дворянские кружки или салоны, он не имел ничего общего ни с Московской духовной академией, ни с Московским университетом или иными признанными «очагами» словесной культуры дворянской интеллигенции. Он вошел в литературу из среды самой элементарной, «грубой» и чуждой искусству. Творчество Державина началось грамотками для солдатских жен и прибасками на гвардейские полки. Он сочинял сатирические стишки на сослуживцев и начальников или, например, «Стансы» некоей солдатской дочери Наташе. Поэзия пришла к Державину в бытовом окружении; «стишки» на случай, написанные казарменным грамотеем, а не сознательная подготовка к поэтическому делу — отсюда шел Державин. Вдалеке от литературы, в то время, когда Державин не знал, повидимому, о борьбе идеологических течений внутри дворянской литературы, о сложной эволюции литераторских групп, в Преображенском полку, протекла подготовка Державина к его литературному труду. Подготовка эта не

была нарочитой. Державин навсегда остался чиновником, государственным деятелем, пишущим стихи, так же как он начал свою карьеру солдатом, пописывающим вирши; пришла слава, и «неправильные» пути, приведшие к ней Державина, оказались исторически реальными, а практически деловая, жестокая житейская подготовка Державина позволила ему разорвать путы разнообразных норм, правил и штампов в составе поэзии, в общем облике ее и даже в типе поэта как носителя поэтического творчества.

Политическое мировоззрение Державина было консервативно. Он никогда не сомневался в том, что крепостничество — социальная основа российского государства на веки веков, ни тогда, когда он орудовал против пугачевцев, ни тогда, когда разразилась французская революция. К самой революции он относился, как к бунту, подлежащему подавлению, а идеи равенства считал безумием. Он, вероятно, никогда и не думал всерьез об основах политики и социальной практики в России; он принимал самодержавие, бюрократию, крепостничество как реальный факт и не хотел мечтать о чем-либо другом. Он вовсе не был доволен при этом всем, что делало царское правительство его времени. Наоборот, он осуждал почти всех руководителей его; но он наивно думал, что дела идут плохо вследствие дур-

ных моральных свойств тех лиц, которые оказались у власти, и что весь вопрос только в выборе лиц и смене их.

Консервативность Державина не мешала ему активно чувствовать себя связанным с народом, — не в вопросах политики, в которых он был беспомощен, а в общем складе мысли, чувства, взгляда на мир. Среди вельможного круга, в который он попал, он чувствовал себя чужим, да и был таким на самом деле. Его детство, как и годы, проведенные в казарме, наложили на него неизгладимый отпечаток. Весь его грубоватый облик, даже его простое, нисколько не «интеллигентское» лицо, даже его незнание французского языка, необходимого для светского человека того времени, так же как его сочная, демократическая русская речь, — все это ставило его в положение плебея, затесавшегося в «лучшее общество». И его творчество, в котором так много говорится о царях, вельможах, важных людях, находило себе больше отклика вдалеке от дворцов, чем в самих дворцах. Да и не обращался Державин со своей поэзией к придворным, хотя иной раз не прочь был воздействовать своими стихами на самого царя. Но он знал, что силу его слову дает именно эта полускрытая и глубокая связь его поэзии со складом мысли широкого круга людей.

Может быть, это сознание опоры на сочувствие «публики», это впервые столь ярко

обретенное сознание мощи общественной поддержки поэта давало возможность Державину выступить как поэту, подчеркнуто независимому от указки начальства, поэту — судие. Он ощущает себя представителем широкого общественного мнения, не только дворянского, но и вообще народного, и он начинает разговаривать с монархами и вельможами, как равный с равными, не потому, что он дворянин, а потому, что он поэт, голос общества и голос истории. Он хвалит одних деятелей политики, других — порицает, и делает это, как власть имущий. Единственный его критерий при этом — благо общества; он понимает это благо неправильно, искаженно, но самый принцип, самый пафос общественного служения, не государственного только, а именно служения обществу, звучал смело и звучал прогрессивно.

Державин создает величавый образ идеального государственного мужа и героя и этим своим идеалом меряет дела и даже помышления всех реальных деятелей своего времени. Его стихи, прославляющие героев русской истории — Суворова, Румянцова, так же как и его стихи, гневно бичующие недостойных вельмож, смело нападающие на всевластных Потемкиных, Орловых, Зубовых, — это новая гражданская поэзия, предсказывающая рылеевские «Думы» и «Временщика».

Недаром убийственная сатира Пушкина на министра Уварова («На выздоровление Лукулла») представляет собой не столько подражание Горацию, сколько непосредственную стилизацию оды Державина.

Высокий гражданский пафос Державина, создавший «Фелицу», «Вельможу», «Водопад» и др., опирался не только на идею беззаветного служения обществу вообще, но и на идею служения родине в частности. Именно Россию любит Державин и именно ради благополучия и славы России должны жить и действовать его герои. Об этом ярко писал Чернышевский в «Очерках гоголевского периода русской литературы»: «Историческое значение каждого русского великого человека измеряется его заслугами родине, его человеческое достоинство — силой его патриотизма; Ломоносов страстно любил науки, но думал и заботился исключительно о том, что нужно было для блага его родины. Он хотел служить не чистой науке, а только отечеству. Державин даже считал себя имеющим право на уважение не столько за поэтическую деятельность, сколько за благие свои стремления в государственной службе. Да и в своей поэзии что ценил он? Служение на пользу общую. То же думал и Пушкин. Любопытно в этом отношении сравнить, как они видоизменяют существенную мысль Горациевой оды «Памятник», выставляя свои права на бессмертие.

Гораций говорит: я считаю себя достойным славы за то, что хорошо писал стихи; Державин заменяет это другим: я считаю себя достойным славы за то, что говорил правду и народу и царям».[1]

С точки зрения своего идеала Державин обозрел в своем творчестве всю свою эпоху, откликнулся на все ее проявления. Державин не был суровым моралистом-стоиком. Идеал общественного служения нимало не противоречил в его понимании идеалу сытой, веселой жизни, идеалу плотских наслаждений. Он с восторгом описывает пиры, праздники; он, как никто, упивается в своих стихах изображением вкусных яств, красивых вещей.

Он стремится к приятному равновесию по пословице: «делу время, а потехе час», но уж потеху он хочет воспринять всласть, с широким размахом. Эта радость плотских удовольствий, свобода земных страстей, воспетая Державиным так сочно и красочно, — это был не просто низменный идеал сытого помещика; это был гимн освобождения от ставшей уже схоластической морали классицизма, от стоицизма Сумарокова и Хераскова, гимн свободе человеческих стремлений, гимн реальному миру, разрушаю-

[1] Н. Г. Чернышевский. Очерки гоголевского периода русской литературы, гл. IV.

щему условные схемы, навязанные живым проявлениям индивидуальной воли.

Державин был поэтом своего века и своей страны. В его одах рассказано о войнах, которые вела Россия, с конца 1770-х годов и до 1814 года, о внешне-политических событиях, и о приобретении Крыма, и о попытке проникнуть в Персию, — рассказано не «вообще», а с конкретными подробностями, точно, живо.

В его одах рассказано и о внутренних делах — начиная от учреждения новых губерний, организации милиции в 1807 году, смены фаворитов и министров и кончая распоряжением властей о том, чтобы в морозные ночи на площадях Петербурга горели костры. В его одах мы найдем сведения об увлечениях общества его времени: и о том, что в 80-х годах в аристократических салонах стали заниматься магнетизмом, и о том, какие были моды в то время, например на полосатые фраки. В его одах дана широкая картина его времени со множеством характерных деталей; в них показаны и гулянья в Петербурге 1 мая, и дружеские обеды, и народные гулянья на городских площадях, и занятия и развлечения помещиков в деревне, и беседы друзей у камелька, и народная пляска, и танец придворных девушек, и многое, многое другое. В его одах перед нами проходит галерея портретов и характеристик людей его времени. Некоторые

из них являются как бы постоянными персонажами целых циклов его стихотворений, например Екатерина II, Александр I, Потемкин, Румянцов, Суворов и др. Их образы даны у Державина также не в виде отвлеченных схем, а живо, конкретно, индивидуально. Он не скрывает своего личного отношения к ним. Так, Суворов — это его герой; в Суворове Державина подкупает и его непосредственность, и его военный гений, и его человеческая простота, и независимость его мнений, твердость, и его подлинный патриотизм.

Румянцов для Державина — также благородный деятель и великий полководец. Наоборот, к Потемкину Державин относится двойственно: ему импонирует грандиозный размах мероприятий Потемкина, ореол великолепия, которым сумел окружить себя «светлейший»; но он осуждает в нем властолюбие, забвение общественной пользы, неуважение к личности и достоинству человека, гордость зазнавшегося фаворита.

«Можно сказать, — писал Белинский, — что в творениях Державина ярко отпечатлелся русский XVIII век».[1] Он рисует свою страну с любовью и с пониманием ее. Он не старается увидеть ее в отвлеченных категориях «разума», но он реально видит ее глазами очень индивидуального, но все же

---

[1] В. Г. Белинский. Стихотворения Державина.

типического русского человека. Белинский, резко осуждавший в Державине «риторику», подчеркивал значение элементов народности, свойственных его поэзии.

В «Литературных мечтаниях» он писал: «Ум Державина был ум русский, положительный, чуждый мистицизма и таинственности. Его стихиею и торжеством была природа внешняя, а господствующим чувством — патриотизм»... «В сатирических одах Державина видна практическая философия ума русского, посему главное отличительное их свойство есть народность, состоящая не в подборе мужицких слов, или насильственной подделке под лад песен и сказок, но в сгибе ума русского, в русском образе взгляда на вещи. В сем отношении Державин народен в высочайшей степени».

2

Державин — это одно из высших и наиболее могучих поэтических выражений того периода культурного развития человечества, который наступил в момент распада системы мышления абсолютистского государства, в момент, когда передовое движение Европы и Америки готовило и осуществляло буржуазные революции конца XVIII столетия. Этот этап прогресса культуры, один из важнейших и плодотворнейших в истории умственного раз-

вития нового времени, принес с собою радикальный переворот в области эстетического мышления и литературного творчества во всех странах Европы — и в России наряду с Англией, Францией и Германией. Именно в эту пору катастрофически распадалась власть классицизма с его абстракциями и законами, сковывавшими свободный творческий полет индивидуального человеческого духа. Классицизм, владевший умами в Европе на протяжении нескольких десятилетий, явившийся развитием основ, заложенных еще в литературе Возрождения, уже с начала XVIII столетия заколебался под ударами новых идейных образований (Стиль и Адиссон, Свифт — в Англии, «новые» во Франции, Кантемир и Ломоносов в России); но он еще держался до середины столетия, когда мощная волна антифеодального движения, отвергнувшего абсолютистскую гражданственность во имя свободы личности и прав человека и народа, привела его к внутреннему распаду и потере гегемонии в поэтическом искусстве. Началась эпоха переоценки всех ценностей, бодрого разрушения авторитетов, низвержения оков всяческих правил и образцов, пора утверждения в искусстве и права бурного вдохновения поэта рвать все запреты, и права страстного чувства человека рвать все схемы механистической логики отвлеченного разума. Эта же пора выдвинула идею права нации

строить на основе древней своей традиции свой собственный идеал прекрасного, несходный с условно принятой и навязанной всем народам нормой красоты греко-римского мира. Тогда же возникла мысль и о праве человечества с помощью искусства видеть и изображать конкретного человека в окружении его конкретного и нимало не «возвышенного» человеческого быта. Культ личности привел к разработке психологической сложности человеческой души (Стерн, Руссо, Карамзин). Культ национального своеобразия народа привел к «открытию» фольклора, к увлечению им, к увлечению национальными древними мифологиями, к увлечению национальной героической стариной (фольклорные сборники Перси в Англии, Чулкова и Попова в России; фольклорные национальные искания в поэзии у Попова, позднего Сумарокова, Богдановича, Львова, Радищева и многих других — в России, Клопштока и Бюргера — в Германии, «оссианизм» в Англии и во всей Европе). Культ свободного творческого дерзания души человека и народа привел к разрушению системы жанров и канонов классицизма, к выдвижению на первый план эмоции и фантазии, к возрождению сказки и мечты, прежде отвергавшихся классицизмом (Богданович, сказочные поэмы Хераскова и Радищева, драматическая фантазия Львова — в России, легенды и баллады в школе Клопштока — в Германии и у Коль-

риджа и его сотоварищей — в Англии). Культ конкретного, живого человека, а не отвлеченного, подвергнутого «разумному» анализу и рассеченного на элементы человека классицизма, культ человека, имеющего право на жизнь, свободу, мысль, творчество и счастье независимо от того, монарх он или подданный, дворянин или крепостной, — привел к изображению простых, обыкновенных людей, полнокровных и целостных, с их духом, душой и плотью, с их бытом, окружением, нравами, привычками, со всеми материальными мелочами их жизни (Фонвизин, Радищев и др. в России, Ричардсон в Англии, Руссо во Франции). И все это было выражением могучего порыва передового человечества к свободе личности и народа, стремительного движения сознания народов к революции, явившейся, как буржуазная революция в Америке и во Франции, и чаемой, как народная, крестьянская революция в России, того порыва истории, который воплотился в книгах Руссо, речах и деятельности Робеспьера, конституции Джеферсона, — а в России в революционном демократизме Радищева. Именно Радищев, мыслитель-революционер, был наиболее глубоким и передовым выразителем прогрессивного движения этой эпохи. Именно Радищев смог увидеть перспективы развития демократической мысли и за пределами своего времени, смог заглянуть в будущее столь смело,

как никто из современных ему писателей. Но и в литературном движении этой великой эпохи была заложена подлинная освободительная сила. В то же время оно было ограничено — на Западе буржуазным индивидуализмом, в России (где сказывались также — в меньшей мере — буржуазные воздействия) — и крестьянской стихийностью. Это литературное движение выражало антифеодальную демократическую устремленность эпохи подъема буржуазных революций, но оно же — если не говорить о Радищеве — закономерно не видело, не понимало основы демократии в организованной силе коллектива; оно замыкалось в понимании человека как отдельной замкнутой индивидуальности, а народа — только как национального своеобразия, неизменяемой индивидуальности нации, понятой как единство характера всех слоев ее. Это литературное движение было предвестием и первым этапом будущего романтизма начала XIX столетия. В качестве же художественного течения, движимого демократической идеей, выдвинувшего задачи изображения живой конкретности человека и его бытия, оно было предвестием будущего реализма XIX века.

В области романа, которому суждено было впоследствии стать центральным видом литературы, это движение воплотилось в творчестве Ричардсона и Руссо; в области гражданственной художественной прозы — в

творчестве Радищева; в области драмы — в творчестве Лессинга, Дидро, Фонвизина, Гете; в области поэмы и баллады — в творчестве английских поэтов и Клопштока. Но в лирике, в которой отдельные стороны эпохи и ее художественного осознания выразились у поэтов озерной школы, у Парни, у поэтов школы Клопштока, — вся совокупность движения, весь смысл и все грани, все завоевания литературы эпохи нашли свое воплощение именно в грандиозном творчестве Державина. Он вырос из русского классицизма и сохранил еще некоторую связь с ним, но он же и разрушал его с силой и энергией, не знавшими равных. Он построил свое искусство, ослепившее современников и сохранившее могучее обаяние до наших дней, на основе идеи свободной творческой индивидуальности, разрешившей себе и мечтать и требовать права на личное мнение и личное счастье. Он обратился к родникам народного духа, народной речи, национальной легенды, национальной героики. И он же открыл русской поэзии конкретные картины жизни, быта, материальный, вещественный красочный и радостный мир природы, человеческого бытия, человеческой силы. В нем, в его поэзии кипели пылкие стремления к независимости человека от всяческих пут и запретов, хотя его сковывали патриархальнейшие традиции социального и политического консерватизма, застойного

мышления тяготевшего над ним общественного уклада. Он был родоначальником русского романтизма, и его сынами в поэзии были и Жуковский, и Гнедич, и Рылеев, и Катенин. Но он же был и предтечей — в поэзии — русского реализма, и немалым обязаны ему и Крылов и сам Пушкин, в итоге своего творчества установивший свою связь с ним тем, что свой «Памятник» он создал как поэтический отклик на «Памятник» Державина. Так Державин, видевший еще Сумарокова и Ломоносова и приветствовавший на старости лет юношу-Пушкина, стоит перед нами, как живая связь между всем предшествующим развитием русской поэзии и всем будущим ее, как великий итог русского XVIII столетия и преддверие к XIX, как вершина русской допушкинской поэзии, наряду с вершинами русской прозы и общественной мысли XVIII века — Фонвизиным и Радищевым.

Подобно всем русским поэтам своей эпохи, Державин получил первые творческие импульсы от школы русского классицизма. И в его искусстве надолго, почти до конца его жизни, остались следы воздействия поэтики классицизма в том его виде, который получил оформление у писателей школы Ломоносова и школы Сумарокова. Однако это были лишь внешние черты, некоторые внешние признаки системы, подвергшейся глубокой и органической перестройке уже с первых

самостоятельных шагов Державина на поэтическом поприще. Так, Державин широко использует ставшие уже привычными и потерявшие свой древний смысл мифологические слова — образы античного Олимпа; впрочем, Аполлон, музы и весь мифологический аппарат сохранятся в русской поэзии еще долго, еще у зрелого Пушкина («Пока не требует поэта...» и др.), еще отчасти у Некрасова («Муза» и др.), что разумеется не делает ни Пушкина ни Некрасова представителями классицизма в искусстве, ибо дело не в том только, какие слова применяет поэт, а в том, какой идейный и художественный смысл придает он этим словам. Таким же образом Державин сохраняет в своих стихах пристрастие к «славянизации» речи — в порядке придания ей возвышенности в тех случаях, когда он говорит о высоких явлениях жизни; он готов даже сохранить для своих стихотворений «классическое» название жанра «ода», хотя этот термин почти совсем теряет у него определенное значение, поскольку все свои стихотворения — очень разнообразные по темам, стилю, объему, манере — он безразлично именует одами.

В самом деле, не стремясь во что бы то ни стало ниспровергать устои старой традиции искусства, Державин тем не менее всем своим мировоззрением, всеми основами своего поэтического метода противостоял класси-

цизму с его рационалистическим анализом, принципиальной отвлеченностью, сознательной удаленностью от конкретной жизни и отрицанием ценности единичного бытия вообще и единичной индивидуальности человека в частности.

Вся поэзия Державина — это прежде всего воссоздание в художественном слове личности самого поэта, его неповторимой, конкретной индивидуальности.

У Державина в его собрании стихотворений деления на жанры нет. Самые разнообразные по тону, эмоциональному характеру, стилистическому и тематическому составу стихотворения Державина были принципиально равны в созданной им системе именно потому, что все они выстраивались в единый ряд высказываний одного и того же человека о самом себе, в единый ряд индивидуальной жизни, воплощенной в слове.

Державин женился, и мы узнаем это из его стихов. Потом читатель узнает все, что необходимо ему узнать о счастливой жизни супругов. Потом узнает о том, что «Пленира» умерла, узнает о скорби вдовца; наконец — о вторичной женитьбе его на «Милене», или иначе — Дашеньке. Державин угнетен врагами, он смещен с губернаторства, отдан под суд — и об этом говорят читателю его стихи, и тут герой, оклеветанный правдолюбец, — это все тот же Гаврила Романович, тот самый, который же-

нился и потом овдовел. Тот же Гаврила Романович показан как упрямый и добродетельный статс-секретарь императрицы. И все это так и было, т. е. он действительно в жизни занимал этот пост, и т. д. От стихотворения к стихотворению перекидывается мост; все они — это жизнь и творчество Державина. Из его книг вырастает образ, обильный различными чертами, характерный для своей эпохи, несходный с другими.

Этот образ стоит в центре того пестрого, многообразного мира, о котором говорит творчество Державина. Читатель прежде всего должен осознать и уверовать, что весь мир, раскрытый в стихах поэта, увиден глазами именно данного поэта-человека, сотканного из материала живой жизни, самого Гаврилы Державина.

Личное, индивидуальное образно-автобиографическое обоснование искусства Державина выражается весьма характерно и в его языке. Державин пишет не так, как учит школьная теория языка, а так, как реально говорит в жизни он сам, автор и герой своих од. А поскольку он показан как человек не из ученых, человек простой, прямолинейный, не салонный, близкий народу, — он и говорит соответственным образом. Поэтому Державин не видит ни малейшей нужды «выправлять» свой язык, добиваясь общепринятой литературной нормы и общепринятого лоска, стирающего индивидуальные черты

его речи и ее «простонародный» характер. Поэтому он свободно пишет в серьезных, даже высоких стихах: «Метаться нам туды, сюды» («Капнисту», ср. в «Ласточке»: «Ты часто как молния реешь Мгновенно туды и сюды»), пишет «пужать» и «пущать» вместо «пугать» и «пускать», без стеснения отбрасывает окончание «ся» в возвратных причастиях, как это часто бывало в речи некнижных людей: «Оставший прах костей моих» вместо «оставшийся» («Приношение монархине»), «Целуя раскрасневши щеки» («Львову»). Поэтому же он не склоняет в родительном падеже слова на-мя: «Сын время, случая, судьбины» («На счастье») или: «Когда от бремя дел случится» («Благодарность Фелице»), а может написать и так: «В водах и пламе» («Осень во время осады Очакова»). У него попадаются такие сравнительные степени: «строжае», «громчай» и т. д. Все эти и аналогичные особенности речи Державина не пропагандируются им в литературном языке вообще для других: это — *его* язык, именно его личный, и притом бытовой, домашний, свободный склад речи. И в этом оправдание и смысл его своеобразия.

Вообще же язык Державина изобилует выражениями, словами, оборотами, непривычными для поэтической речи его предшественников, а в серьезной лирике считавшимися до него недопустимыми выражениями раз

говорной и явственно окрашенной демократически речи. Это проявления не салонной дворянской разговорности, а прямой, простой, краткой и образной речевой стихии народа, иногда перекликающиеся с фольклором:

«Ни в сказках складно рассказать, ни написать пером красиво» («На счастье»), «Фертиком руки вы в боки, Делайте легкие скоки» («Любителю художеств»), «Извольте вы мой толк послушать» («Приглашение к обеду»), «Где можно говорить и слушать Тара-бара про хлеб и соль» («На рождение царицы Гремиславы»), «Что ж ты стоишь так мало утешен? Плюнь на твоих лихих супостат!» («Весна»), «Вздремли после стола немножко, Приятно часик похрапеть. . .» («Гостю») и мн. др.

Нет необходимости уточнять здесь лингвистический характер таких примеров, достаточно разнообразный. Общий стилистический колорит, свойственный этим просторечным выражениям, вырастает из всего характера языка Державина, размашистого, живого интонацией живой речи, не сглаженного условной нормой XVIII столетия, иногда «неправильного» с точки зрения этой нормы и в своей «неправильности» своеобразно выразительного. Гоголь, сам великий мастер речи, написал о Державине:

«Недоумевает ум решить, откуда взялся у него этот гиперболический размах его речи.

Остаток ли это нашего сказочного русского богатырства... — что бы то ни было, но это свойство в Державине изумительно».(«В чем же, наконец, существо русской поэзии»). Ниже Гоголь пишет: «Все у него крупно. Слог у него так крупен, как ни у кого из наших поэтов... Разъяв анатомическим ножом, увидишь, что это происходит от необыкновенного соединения самых высоких слоев с самыми низкими и простыми, на что бы никто не осмелился, кроме Державина».

Существенно при этом, что эти «низкие и простые» слова и обороты встречаются у Державина вовсе не только в сатирических одах, но и в его высокой лирике разных оттенков. Впрочем, и самые сатирические оды, несмотря на появляющийся в них юмор, вовсе не означают никакого «снижения». Белинский, со свойственной ему тонкостью и глубиной взгляда, писал: «Видение Мурзы принадлежит к лучшим одам Державина. Как все оды к Фелице, она написана в шуточном тоне, но этот шуточный тон есть истинно высокий лирический тон — сочетание, свойственное только державинской поэзии и составляющее ее оригинальность».

Исследователи языка Державина указали у него не мало заимствований из «простонародного языка». Державин не смог, обработав народный язык, создать на основе его новой свободной нормы (это сделал

Пушкин), но его язык — это язык народный, пусть эмпирически или даже натуралистически воспроизведенный, но и в своей эмпирии противостоящий логизированной схеме, классической поэтической норме. И этому не мешают обильные у Державина славянизмы, ни даже мифология или же канцеляризмы его речи. Все эти элементы, книжные и традиционные, попадая в окружение державинской вольной речи, подчиняясь общему характеру его поэзии, приобретают и сами новые качества: они выступают во всей своей пестроте как образцы пестрой, неслаженной, но реальной речевой практики человека того времени.

Принцип свободно-индивидуальной авторской воли, строящей искусство и ломающей все предписания ему, выведенные «разумными» правилами классицизма, лежит в основе поэтики Державина. У поэтов классицизма все элементы художественного произведения подчинялись принципу согласованности друг с другом по закону искусства и жанра: «высокая» тема сочеталась с «высокой» лексикой и т. д. Державин, в этом отношении близкий Радищеву, выдвинул новый принцип искусства, новый критерий отбора его средств — принцип индивидуальной выразительности. Он берет те слова, те образы, которые соответствуют его личному, человеческому, конкретному намерению воздействия. «Высокое» и «низкое» у него сли-

ваются. Его стихи — не проявления жанрового закона, а документы его жизни. В высокую оду врывается басня: «И, словом, тот хотел арбуза, А тот соленых огурцов» — рядом с «посланницей небес Тебя быть мыслил в восхищенье И лил в восторге токи слез» («Видение Мурзы»); рядом с Калигулой и стихом «Сияют добрые дела» — «Осел останется ослом, Хотя осыпь его звездами; Где должно действовать умом, Он только хлопает ушами» («Вельможа») и т. д. В сущности смешение стилей, тем, слов, свойственных до Державина различным жанрам — сатире, басне, оде, — приводит у него к снятию самого понятия о четком разграничении жанров, характерного для классицизма. «Фелица» не сатира и не ода в прежнем смысле, это — сплав разноречивых элементов, образующий новый, индивидуальный тип произведения, очертания которого обусловлены не принятой заранее классификацией жанров, а индивидуальным образно-тематическим заданием автора.

Выразительность каждой детали, а не ученое построение рационального единства — таков закон поэзии Державина. Это осуществляется и в рифме и в звучании его стиха. Поэзия Державина исключительно богата ритмически; Державин использует самые разнообразные метрические формы, строфы, размеры, иногда стихи вольного ритма, — он ищет индивидуализированной ритмической

выразительности вместо сковывающих, заданных традиций метрико-ритмических канонов сумароковской школы.

В интересах той же конкретно образной, чувственной выразительности ищет Державин звукоподражаний, яркой живописи звуков речи. В предисловии к своему сборнику «Анакреонтические песни» Державин писал: «По любви к отечественному слову желал я показать его изобилие, гибкость, легкость и вообще способность к выражению самых нежнейших чувствований, каковые в других языках едва ли находятся. Между прочим для любопытных, в доказательство его изобилия и мягкости послужат песни... в которых буква «р» совсем не употреблена».

В самом деле, в некоторых из таких «песен» без единого «р» Державин добился исключительной мягкости «льющихся» звукосочетаний (напр., «Соловей во сне»).

Впечатлению свободной, индивидуальной и в то же время народной речи способствует свободная, часто «неточная» рифмовка Державина.

Он рифмует: перунам — лазурям, василисков — близко, потомки — Потемкин, поступках — шутках, любимец — крылец, неизмерны — бездны, гром — холм, кругом — сонм, написать — власть, богатырь — пыль и т. д.

Значение открытия для русской поэзии живого индивидуального человека было

огромно и в художественном и в непосредственно идейном отношении. Ведь Державин ответил тем самым на великий запрос своего времени, всколыхнувший передовые умы всей Европы. Ведь идея личности человека, требующего прав на внимание к себе именно потому и только потому, что он человек, была выражением прогрессивного требования «прав человека и гражданина». Ведь культ человеческого в человеке рвал в искусстве и идеологии путы феодального и церковного угнетения личности, путы, сковывавшие земные стремления человека всяческими «потусторонними» обетами, сковывавшие гордость человека, его личное достоинство ярмом сословной иерархии.

Державин недаром так подчеркивал всем своим творчеством, что он простой человек, из «низов» выбившийся к славе, что он не обязан своей славой, своим успехом ни роду, ни связям, ни богатству, а обязан только самому себе, своей одаренности, своей воле, своей внутренней силе.

Творчество Державина подготовляло «рождение человека» в русской поэзии. Поэтому оно открывало возможности для будущего развития на русской почве и индивидуально-лирической медитации в поэзии Жуковского и — в перспективе — психологической прозы XIX века. С другой стороны, построение образа поэта связано было у Державина с элементами нового понимания

самой психологии творчества. Раньше, в пору классицизма, поэт хотел быть разумным математиком стиха, ученым, слагающим из отточенных слов и мыслей здание храма рационального искусства. Державин хочет руководиться в своем творчестве не чертежом, не ученым построением, а беззаконным вдохновением. Романтическая идея вдохновения, диктующего поэту высшие откровения, впервые в русской литературе звучит в творчестве Державина.

Эмоциональный жреческий подъем, по взглядам Державина, обуревает поэта, и словесная оболочка его произведений — это лишь слабый отблеск высших вдохновений; задача поэзии — воплотить в этом отблеске и полноту подлинной жизни и полноту вдохновенных прозрений поэта.

Тенденции того стиля, который мы можем условно назвать предромантизмом, с годами все более явственно выражались в творческих исканиях Державина. Уже в 80-х годах он поставил практически в своей поэзии вопрос о национальном своеобразии искусства, о национальной самобытности его и об отражении в нем национальной характерности бытия и культуры родины. Сам он, поэт, стоящий в центре своего создания, — русский с ног до головы; и его окружает русская жизнь и русская природа. В этом отношении Державин совершил в литературе переворот, значение которого было

огромно. Он положил конец отвлеченному космополитизму поэзии классицизма, выдвинув идею и образ родины в ее неповторимом облике, в ее праве на свободу проявления своего облика. Так возникли в поэзии Державина картины русского быта, русской зимы, возникли образы русского идеала человеческих достоинств (размах, ширь, сила, вольная радость бытия, мужество); и самый склад речи Державина выражает ту же мысль о национально-народном характере создаваемой им культуры.

В конце жизни Державин, чутко улавливавший передовые искания времени, вплотную подходит к созданию романтической поэзии. Такие его произведения, как «На победы в Италии», «Явление», «Полигимнии», строят принципы новой поэтической образности, антирационалистической, напряженно-страстной, сплетающей смыслы слов в комплексы широкого звучания.

При всем том Державин никогда, на всем протяжении своего поэтического пути, не сливался полностью с тенденциями романтического психологизма. Ему был глубоко чужд путь замыкания в свое субъективное *я*, путь отречения от внешнего мира, ухода из него в мечтательство, путь, обрекший на скепсис и пессимизм Карамзина и Жуковского. Державинское *я*, автор-поэт его творчества, — это не «чистая» духовность

идеала, а живой человек во плоти; наоборот, тонкие психологические оттенки и переливы душевной жизни не занимают Державина. Личность, воссоздаваемая им и требующая в его стихах права на духовную власть над миром, — не отрешена от мира, а является его частью; она эмпирична, материальна; она радуется своей крепкой связи с устойчивым, ярким и здоровым телесным бытием. Объективность и материальность мировосприятия Державина и обусловили то обстоятельство, что он не только стоит во главе русских «предромантиков», но и стоит вместе с Фонвизиным и отчасти Радищевым в ряду тех великих русских писателей, которые готовили почву для русского реализма.

3

С Державиным в русскую поэзию вошла живая, реальная, материальная жизнь.

Быт, подлинный факт, политическое событие — вторглись в мир поэзии и расположились в нем, изменив и сместив в нем все привычные, респектабельные и законные соотношения вещей. Тема стихотворения получила принципиально новое бытие; в категориях прежнего классического искусства то, о чем говорилось в стихах Державина, вовсе не было темой, но было «сырым» житейским фактом. Державин говорит в стихах не о родовых умопостигаемых сущностях (любовь,

слава, героизм, благо и т. п.), существующих как отрешенно-художественные темы, а об отдельных подлинных и единичных реальных явлениях окружающей действительности: вот об этой любви, о том человеке, об этом вот хорошем или дурном поступке. Стихи Державина поэтому не живут без знания истории, быта, материального окружения жизни, фактов дворцовой жизни, сплетен, наружности деятелей эпохи и т. д. Один из характерных приемов Державина — намек. Берется факт или примечательное явление — и указывается косвенно, под видом других явлений, в словесной маске. Возникает особый процесс узнавания житейских вещей в словах, соотнесенных с ними более или менее сложно. Читатель угадывает в стихотворении намек, он идет навстречу автору, он вкладывает в слова второй, подлинный смысл.

Там же, где Державин дает не намек, а прямое указание на житейский факт, принцип остается неизменным; факт указывается читателю, поэт не хочет «обработать» его методами поэзии, он хочет, наоборот, чтобы его поэтический текст помог становлению образа житейского явления именно как житейского. Общее же, что объединяет показ вещей и событий у Державина, — даны ли они в намеках, в иносказаниях или прямо, — это выпадение вещи и события из ряда элементов жанровой тематики; человек у Держа-

вина — определенный живой человек, а дом — определенный и вполне вещественный дом, тот самый, что стоит в наши дни под таким-то номером на такой-то улице, например под № 118 по набережной реки Фонтанки.

В самой сущности своего поэтического метода Державин тяготеет к живой действительности. Он, впервые в русской поэзии, воспринимает и выражает в слове мир зримый, слышимый, плотский мир отдельных, неповторимых вещей. Радость обретения внешнего мира звучит в его стихах. Он видит детали, конкретные мелочи чувственно ощущаемой действительности, он любовно вглядывается в них и ищет необычайно точных слов для их обозначения. Трудно оценить теперь значение переворота, произведенного в этом отношении Державиным. Он сказал первые слова в новой русской поэзии о подлинном материальном мире, он рассыпает эти конкретные детали везде. Если он говорит о прогулке Екатерины II, то тут же ряд мельчайших штрихов: Екатерина —

На восклицающих смотрела
Поднявших крылья лебедей,
Иль на станицу сребробоких,
Ей милых, сизых голубков,
Или на пестрых краснооких,
Ходящих рыб среди прудов,
Иль на собачек, ей любимых,
Хвосты несущих вверх кольцом,

Друг с другом с лаяньем гонимых,
Мелькающих между леском. . .

(*«Развалины»*)

Если он говорит о друге и о его жене, то:

Когда тебя в темнозелену,
Супругу в пурпурову шаль
Твою я вижу облеченну

(*«Капнисту»*)

Он видит и плетенье на бутылке итальянского вина («Весна») и оттенок — «бархатпух грибов» («Евгению») и т. д.

Известная строфа в оде «Жизнь званская», описывающая обеденный стол, столь типичная для творчества Державина вообще, — это ведь торжество совершенно нового для русской поэзии того времени способа видеть и изображать мир. Державин отказывается от стремления аналитическими определениями указать логическую сущность раскрываемого предмета или, вернее, понятия, — стремления, характерного для классицизма; он определяет предмет его чувственными признаками, прямо, открыто, эмпирически наблюденными признаками цвета, формы, иногда — признаком мгновенного впечатления, производимого предметом.

У Державина на первом плане — красочное пятно, выразительно образная черта, у него — красная, «багряна ветчина» именно

не вообще мясная пища, а ветчина, так конкретно и бытовым словом обозначенное «блюдо». Так же и все остальное:

Багряна ветчина, зелены щи с желтком,
Румяно-желт пирог, сыр белый, раки красны,
Что смоль, янтарь, икра, и с голубым пером
Там щука пестрая — прекрасны.

Здесь замечательна и поэтизация таких простых домашних вещей, как щи да пирог, и самый метод изображения, а не анализа действительности. И таков Державин всегда. Он ищет всевозможных средств изображения материального мира. Он подбирает сверхточные, именно в смысле внешней конкретности, эпитеты, а когда их нехватает, создает новые, составные, такие, как «тенносвесистый лаплистный клен» («Явление»), «краезлатые облака», «белорумяны персты» («Любителю художеств»), «густокудрява ель» («Соловей), «златордяная броня» («Водопад»), «краснобелая грудь» ласточки, «милосизая птичка» («Ласточка»).

Державин открыл для новой русской литературы природу, пейзаж; до Державина природа давалась в эклогах, песнях, поэмах совершенно условно, не конкретно:

Распустилися деревья, на лугах цветы цветут,
Веют тихие зефиры, с гор ключи в долины бьют,

Воспевают сладки песни птички в рощах на кустах,
А пастух в свирель играет, сидя при речных струях.

Это весна у Сумарокова. Сравните с ней «Весну» Державина, так же как и другие его описания природы. Державин видит, как «бежит под черной тучей тень по копнам, по снопам, коврам желтозеленым» («Евгению»); видит, как рыбы ходят в отраженных водой облаках («Водопад»). Он воспринимает природу зрительно, воспринимает ее и в слуховых образах. Для Державина характерны при этом две черты. Во-первых, яркость, бодрость, великолепие красок его живописи, все эти драгоценности, рассыпаемые им в изобилии и так соответствующие общему оптимистическому его воззрению на мир: «Сребром сверкают воды, Рубином облака, Багряным златом кровы...» («Прогулка в Сарском Селе»); или «Граненных бриллиантов холмы Вслед сыпались за кораблем» («Изображение Фелицы»); или радуга красок: «Пурпур, лазурь, злато, багрянец, С зеленью тень, слиясь с серебром...» («Радуга»); или перья павлина: «Лазурно-сизо-бирюзовы. На каждого конце пера Тенисты круги, волны новы, Струятся злата и сребра, Наклонит — изумруды блещут, Повернет — яхонты горят» («Павлин»).

Другая характерная черта: Державин конкретизирует и материализует отвлеченные темы; самые отвлеченные идеи приобретают

у него вещный, предметный, даже бытовой образ. Он весь на земле и парить в сфере рационализма не хочет и не может. Муза у него «сквозь окошечка хрустальна, Склоча волосы», глядит («Зима»); смерть у него — «И смерть к нам смотрит чрез забор» («Приглашение к обеду»); или вот Екатерина II дает «милости» народу: «Златая бы струя бежала За скоропишущим пером» («Изображение Фелицы»); или мысль о «кроткой» политике царицы: «Самодержавства скиптр железный Моей щедротой позлащу» (там же); или мысль о благополучии, молодости, здоровьи человека, которые когда-нибудь покинут его: «Когда твои ланиты тучны Престанут грации трепать. . .» («К первому соседу») и т. д.

И в этом зримом, трепещущем жизнью мире природы, быта, вещей, обычаев находят свое место великолепные в своей яркости образы живых людей, чаще всего — крупных людей, могучих и страстных. Они окружают центральный образ поэзии Державина, но они живут каждый своей жизнью. В совокупности они образуют богатую красками картину жизни, клокочущей вокруг поэта, — жизни домашней и жизни общественной. Первая включает вереницу образов родных поэта и его друзей, вторая вереницу образов государственных и военных деятелей эпохи — от царей до храброго русского солдата.

Однако и в устремленности Державина к основам будущего реализма он был существенно ограничен своей эпохой. Его образы людей, событий и нравов эпохи эмпиричны. Он не поднимается над изображением множества отдельных людей, отдельных фактов к обобщению, к пониманию закономерностей развития действительности. Он научил русских поэтов изображать явления реального мира, но он не смог обосновать свои изображения их историческим и социальным осмыслением. Это отделяет его поэзию от реализма, созданного Пушкиным.

4

В одном отношении Державин полностью сохранил принципы своих предшественников, русских поэтов XVIII столетия, — в понимании цели поэзии как нравственной и гражданской проповеди. Его творчество пронизано высоким пафосом общественного учительства. Он выступает перед читателем как судия, карающий общественные пороки, славящий гражданскую добродетель, и как наставник, открывающий пути человеческого блага. Но и это качество русской поэзии приобретает у него новый смысл. Суд и проповедь Державина индивидуально свободны. Они обусловлены не законом абстрактной государственности или этики, а

личным мнением честного гражданина-патриота, самого Державина.

Взяв на себя роль учителя своих читателей, настаивая на своем человеческом достоинстве и независимости своего суда над современностью, Державин прояснил тем самым еще одну важную идею, существенную для дальнейшего развития русской передовой литературы, идею личной ответственности поэта за свои суждения, личной искренности, правдивости до конца в своей идеологической пропаганде. Конечно, и Ломоносов, и Сумароков, и Херасков, и еще раньше Кантемир — были вполне правдивы и искренни, проповедуя свои идеи. Но они думали, что для читателя неважно, как и что думает лично сам поэт, а важна общечеловеческая доказательность его произведений. Они считали, что их устами говорит государство или сама отвлеченная истина, — и авторитет этих высоких идей снимал для них вопрос о личном авторитете человека-поэта. У Державина дело обстоит иначе. Он учит людей и судит именно как человек-поэт, и он должен высоко держать знамя своей личности, становящейся авторитетом нового идейного характера. И он всеми силами оберегает этот свой свободный авторитет гражданина. Отсюда возникает его замечательная стихотворная дискуссия с Храповицким, из которой так ясно, что

Державин, монархист, сам чувствует, что самодержавие удушает его.

Державин демонстративно воспел в 1796 году в оде «Афинейскому витязю» А. Г. Орлова, находившегося в опале, и сам в начале этой оды подчеркнул значение независимости и правдивости похвал и осуждений в творчестве поэта и в частности в его, державинском, творчестве. А в 1797 году он посвятил оду опальному В. А. Зубову.

Державин и в самом деле хотел быть искренним в своих похвалах и — что важно — хотел, чтобы его читательская аудитория верила его искренности. Он воспевал «Фелицу»-Екатерину восторженно. Издалека она представлялась ему такою. Екатерина назначила его своим статс-секретарем. В глазах Державина обаяние Фелицы померкло при более близком знакомстве с нею и с ее политикой; и вот — Державин не мог более писать о ней в хвалебном тоне. Между тем Екатерине надоело ждать новых прославлений, и она всеми способами показывала Державину свое желание прочитать новую «Фелицу»; Державину стали прямо говорить и даже писать об этом придворные по наущению Екатерины. А он не мог, — даже пытался было, — и не мог ничего написать похвального, когда он не видел, за что хвалить, «не будучи возбужден каким-либо патриотическим славным подвигом, не мог он воспламенить своего духа, чтобы под-

держивать свой высокий идеал, когда вблизи увидел подлинник человеческий с великими слабостями». Это слова самого Державина.

Державинская независимость, несмотря на срывы его в «лесть», привлекала к нему симпатии радикальной молодежи и заставляла «благонамеренных» слуг правительства видеть в нем «крамольника». Ему приписывались в списках всякие вольнодумные стихотворения — от оды Клушина, безбожника и разночинного бунтаря (ода «Человек»), до оды «Древность», автором которой скорей всего являлся Радищев.

Державин-человек был непокорным бюрократом, сановником с неуживчивым характером; Державин-поэт оказывался непокорным гражданином, «вольно» беседующим с царями. Неизбежно Державин-поэт становился силой, опасной для самодержцев. Голос человека, не желающего повиноваться ничему, кроме своих мнений и вдохновений, как бы ни хотел быть верноподданным этот человек, был неприятен для царя. Этот свободный голос мог дойти до читателей, искавших только поводов для выражения своего недовольства и иногда вовсе не верноподданных. Именно поэтому Державин, выступивший в начале 80-х годов почти как правительственный поэт, через десяток лет был взят тем же правительством под подозрение. Екатерина готова видеть в его стихах крамолу, которой в них, может быть, и нет.

Оды Державина читались и потаенно распространялись в списках как подпольная литература.

Влияние Державина на русскую литературу было огромно. Это влияние было глубоко воспринято не идеалистически настроенными руководителями дворянского сентиментализма, а более демократическими литературными течениями. Учениками Державина оказались уже в конце XVIII века молодые поэты-бунтари в журнале «Зритель» — Иван Крылов и Клушин. Их лирика иногда очень близка державинским одам. Но то, что было свойственно Державину стихийно, глубокий освобождающий смысл его тяги к реализму, его культ человека, личности, свобода его «простонародной» речи — все это было идеологически, политически осознано Крыловым и Клушиным и связано в их творчестве с радикальным мировоззрением. Державинский художественный метод они сделали орудием своей антифеодальной пропаганды, потому что этот метод нес в себе глубокие возможности именно в таком направлении.

Гражданская поэзия Державина высоко ценилась и декабристами и писателями их круга, и самый образ Державина, поэта-правдолюбца, учителя общественной свободной морали, импонировал им. Последняя из «Дум» Рылеева — «Державин»; в ней Рылеев создал образ Державина-патриота.

Так Рылеев перебрасывал мост от поэзии Державина к своему декабристскому творчеству. Пушкин, испытавший влияние Державина в юности, затем, в первой половине 20-х годов, преодолевает его и осуждает Державина. Но в 30-х годах он возвращается к Державину как к своему предшественнику. Белинский, который любил поэзию Державина, но боролся, и страстно боролся, с ее «риторикой», — потому что он должен был расчистить место для зрелого реализма, для Лермонтова, для правильного понимания Пушкина, — тем не менее указывал на народность державинской поэзии. Подводя итог своему анализу творчества Державина, он написал: «Державин — отец русских поэтов», и ниже: «Державин был первым живым глаголом юной поэзии русской».

СТИХОТВОРЕНИЯ

КЛЮЧ

Седящ, увенчан осокою,
В тени развесистых древес,
На урну облегшись рукою,
Являющий лице небес
Прекрасный вижу я источник.

Источник шумный и прозрачный,
Текущий с горной высоты,
Луга поящий, долы злачны,
Кропящий перлами цветы,
О коль ты мне приятен зришься!

Ты чист, — и восхищаешь взоры,
Ты быстр, — и утешаешь слух;
Как серна скачуща на горы,
Так мой к тебе стремится дух,
Желаньем петь тебя горящий.

Когда в дуги твои сребристы
Глядится красная заря:
Какие пурпуры огнисты
И розы пламенны, горя,
С паденьем вод твоих катятся!

Гора, в день стадом покровенну,
Себя в тебе любуясь зрит;
В твоих водах изображенну
Дуброву ветерок струит,
Волнует жатву золотую.

Багряным брег твой становится,
Как солнце катится с небес;
Лучом кристалл твой загорится,
В дали начнет синеться лес;
Туманов море разольется.

О! коль ночною темнотою
Приятен вид твой при луне,
Как бледны холмы над тобою
И рощи дремлют в тишине:
А ты один, шумя, сверкаешь!

Сгорая стихотворства страстью,
К тебе я прихожу, ручей:
Завидую Пиита счастью,
Вкусившего воды твоей,
Парнасским лавром увенчанна.

Напой меня, напой тобою,
Да воспою подобно я,
И с чистою твоей струею
Сравнится в песнях мысль моя;
А лирный глас с твоим стремленьем.

Да честь твоя пройдет все грады,
Как эхо с гор сквозь лес дремуч:
Творца бессмертной Россиады,
Священный Гребеневский ключ,
Поил водой ты стихотворства.

НА СМЕРТЬ К. МЕЩЕРСКОГО

Глагол времен! металла звон!
Твой страшный глас меня смущает,
Зовет меня, зовет твой стон,
Зовет — и к гробу приближает.
Едва увидел я сей свет,
Уже зубами смерть скрежещет,
Как молнией, косою блещет
И дни мои, как злак, сечет.

Ничто от роковых кохтей,
Никая тварь не убегает;
Монарх и узник снедь червей,
Гробницы злость стихий снедает;
Зияет время славу стерть:
Как в море льются быстры воды,
Так в вечность льются дни и годы;
Глотает царства алчна смерть.

Скользим мы бездны на краю,
В которую стремглав свалимся;
Приемлем с жизнью смерть свою,
На то, чтоб умереть, родимся.
Без жалости все смерть разит:
И звезды ею сокрушатся,

И солнцы ею потушатся,
И всем мирам она грозит.

Не мнит лишь смертный умирать
И быть себя он вечным чает;
Приходит смерть к нему, как тать,
И жизнь внезапу похищает.
Увы! где меньше страха нам,
Там может смерть постичь скорее;
Ее и громы не быстрее
Слетают к гордым вышинам.

Сын роскоши, прохлад и нег,
Куда, Мещерский! ты сокрылся?
Оставил ты сей жизни брег,
К брегам ты мертвых удалился;
Здесь персть твоя, а духа нет.
Где ж он? — Он там; — Где там?
— Не знаем.
Мы только плачем и взываем:
О горе нам, рожденным в свет!

Утехи, радость и любовь
Где купно с здравием блистали,
У всех там цепенеет кровь
И дух мятется от печали.
Где стол был яств, там гроб стоит;
Где пиршеств раздавались клики,
Надгробные там воют лики,
И бледна смерть на всех глядит.

Глядит на всех, — и на царей,
Кому в державу тесны миры;
Глядит на пышных богачей,
Что в злате и сребре кумиры;
Глядит на прелесть и красы,
Глядит на разум возвышенный,
Глядит на силы дерзновенны,
И точит лезвее косы.

Смерть, трепет естества и страх!
Мы гордость, с бедностью совместна;
Сегодня бог, а завтра прах;
Сегодня льстит надежда лестна,
А завтра: где ты, человек?
Едва часы протечь успели,
Хаоса в бездну улетели,
И весь, как сон, прошел твой век.

Как сон, как сладкая мечта,
Исчезла и моя уж младость;
Не сильно нежит красота,
Не столько восхищает радость,
Не столько легкомыслен ум,
Не столько я благополучен;
Желанием честей размучен,
Зовет, я слышу, славы шум.

Но так и мужество пройдет
И вместе к славе с ним стремленье;
Богатств стяжание минет
И в сердце всех страстей волненье
Прейдет, прейдет в череду свою.

Подите счастьи прочь возможны,
Вы все пременны здесь и ложны: —
Я в дверях вечности стою.

Сей день, иль завтра умереть,
Перфильев! должно нам конечно:
Почто ж терзаться и скорбеть,
Что смертный друг твой жил не вечно?
Жизнь есть небес мгновенный дар;
Устрой ее себе к покою,
И с чистою твоей душою
Благословляй судеб удар.

НА РОЖДЕНИЕ В СЕВЕРЕ ПОРФИРОРОДНОГО ОТРОКА

С белыми Борей власами,
И с седою бородой,
Потрясая небесами,
Облака сжимал рукой;
Сыпал инеи пушисты
И метели воздымал,
Налагая цепи льдисты,
Быстры воды оковал.
Вся природа содрогала
От лихова старика;
Землю в камень претворяла
Хладная его рука;
Убегали звери в норы,
Рыбы крылись в глубинах,
Петь не смели птичек хоры,
Пчелы прятались в дуплах;
Засыпали Нимфы с скуки
Средь пещер и камышей,
Согревать Сатиры руки
Собирались вкруг огней.
В это время, столь холодно,
Как Борей был разъярен,
Отроча порфирородно

В царстве Северном рожден.
Родился, — и в ту минуту
Перестал реветь Борей;
Он дохнул, и зиму люту
Удалил Зефир с полей;
Он воззрел, — и солнце красно
Обратилося к весне;
Он вскричал, — и лир согласно
Звук разнесся в сей стране;
Он простер лишь детски руки,
Уж порфиру в руки брал;
Раздались громовы звуки,
И весь Север воссиял.
Я увидел в восхищеньи
Растворен Судеб чертог;
Я подумал в изумленьи,
Знать, родился некий бог.
Гении к нему слетели
В светлом облаке с небес; —
Каждый Гений к колыбели
Дар рожденному принес:
Тот принес ему гром в руки
Для предбудущих побед;
Тот художества, науки,
Украшающие свет;
Тот обилие, богатство,
Тот сияние порфир;
Тот утехи и приятство,
Тот спокойствие и мир;
Тот принес ему телесну,
Тот душевну красоту;
Прозорливость тот небесну,

Разум, духа высоту.
Словом: все ему блаженствы
И таланты подаря,
Все влияли совершенствы,
Составляющи царя;
Но последний, добродетель
Заараждаючи в нем, рек:
Будь страстей твоих владетель,
Будь на троне человек!
Все крылами восплескали,
Каждый Гений восклицал:
Се божественный, вещали,
Дар младенцу он избрал!
Дар всему полезный миру!
Дар добротам всем венец!
Кто приемлет с ним порфиру,
Будет подданным отец!
Будет, — и Судьбы гласили, —
Он монархам образец!
Лес и горы повторили:
Утешением сердец!
Сим Россия восхищенна
Токи слезны пролила,
На колени преклоненна
В руки отрока взяла;
Восприяв его, лобзает
В перси, очи и уста;
В нем геройство возрастает,
Возрастает красота.
Все его уж любят страстно,
Всех сердца уж он возжог:
Возрастай, дитя прекрасно!

Возрастай, наш полубог!
Возрастай, уподобляясь
Ты родителям во всем;
С их ты матерью равняясь,
Соравняйся с божеством.

К ПЕРВОМУ СОСЕДУ

Кого роскошными пирами
На влажных Невских островах,
Между тенистыми древами,
На мураве и на цветах,
В шатрах Персидских, златошвенных,
Из глин Китайских драгоценных,
Из Венских чистых хрусталей,
Кого толь славно угощаешь,
И для кого ты расточаешь
Сокровищи казны твоей?

Гремит музыка, слышны хоры
Вкруг лакомых твоих столов;
Сластей и ананасов горы,
И множество других плодов
Прельщают чувствы и питают;
Младые девы угощают,
Подносят вина чередой,
И Алиатико с Шампанским,
И пиво Русское с Британским,
И Мозель с Зельцерской водой.

В вертепе мраморном, прохладном,
В котором льется водоскат,

На ложе роз благоуханном,
Средь лени, неги и отрад,
Любовью распаленный страстной,
С младой, веселою, прекрасной
И нежной нимфой ты сидишь;
Она поет, ты страстью таешь,
То с ней в весельи утопаешь,
То, утомлен весельем, спишь.

Ты спишь, — и сон тебе мечтает,
Что в век благополучен ты,
Что само небо рассыпает
Блаженства вкруг тебя цветы;
Что парка дней твоих не косит,
Что откуп вновь тебе приносит
Сибирски горы серебра,
И дождь златый к тебе лиется. —
Блажен, кто поутру проснется
Так счастливым, как был вчера!

Блажен! кто может веселиться
Беспрерывно в жизни сей;
Но редкому пловцу случится
Безбедно плавать средь морей·
Там бурны дышут непогоды,
Горам подобно гонят воды
И с пеною песок мутят.
Петрополь сосны осеняли:
Но вихрем пораженны пали,
Теперь корнями вверх лежат

Непостоянство доля смертных,
В пременах вкуса счастье их;
Среди утех своих несметных
Желаем мы утех иных;
Придут, придут часы те скучны,
Когда твои ланиты тучны
Престанут Грации трепать;
И, может быть, с тобой в разлуке
Твоя уж Пенелопа в скуке
Ковер не будет распускать.

Не будет, может быть, лелеять
Судьба уж более тебя,
И ветр благоприятный веять
В твой парус: — береги себя!
Доколь текут часы златые
И не приспели скорби злые,
Пей, ешь и веселись, сосед!
На свете жить нам время срочно;
Веселье то лишь непорочно,
Раскаянья за коим нет.

ВЛАСТИТЕЛЯМ И СУДИЯМ

Восстал всевышний бог, да судит
Земных богов во сонме их;
Доколе, рек, доколь вам будет
Щадить неправедных и злых?

Ваш долг есть: сохранять законы,
На лица сильных не взирать,
Без помощи, без обороны
Сирот и вдов не оставлять.

Ваш долг спасать от бед невинных,
Несчастливым подать покров;
От сильных защищать бессильных,
Исторгнуть бедных из оков.

Не внемлют! — видят и не знают!
Покрыты мздою очеса:
Злодействы землю потрясают,
Неправда зыблет небеса.

Цари! — Я мнил, вы боги властны,
Никто над вами не судья;
Но вы, как я, подобно страстны,
И так же смертны, как и я.

И вы подобно так падете,
Как с древ увядший лист падет!
И вы подобно так умрете,
Как ваш последний раб умрет!

Воскресни, боже! боже правых!
И их молению внемли:
Приди, суди, карай лукавых,
И будь един царем земли!

НА НОВЫЙ ГОД

Рассекши огненной стезею
Небесный синеватый свод,
Багряной облечен зарею,
Сошел на землю новый год;
Сошел, — и гласы раздалися,
Мечты, надежды понеслися
Навстречу божеству сему.

Гряди, сын вечности прекрасный!
Гряди, часов и дней отец!
Зовет счастливый и несчастный:
Подай желаниям венец!
И самого среди блаженства
Желаем блага совершенства,
И недовольны мы судьбой.

Еще вельможа возвышаться,
Еще сильнее хочет быть;
Богач богатством осыпаться,
И горы злата накопить;
Герой бессмертной жаждет славы,
Корысти льстец, Лукулл забавы,
И счастия игрок в игре.

Мое желание: предаться
Всевышнего во всем судьбе,
За счастьем в свете не гоняться,
Искать его в самом себе.
Меня здоровье, совесть права,
Достаток нужный, добра слава
Творят счастливее царей.

А если милой и приятной
Любим Пленирой я моей,
И в светской жизни коловратной
Имею искренних друзей,
Живу с моим соседом в мире,
Умею петь, играть на лире:
То кто счастливее меня?

От должностей в часы свободны
Пою моих я радость дней;
Пою творцу хвалы духовны,
И добрых я пою царей.
Приятней гласы становятся,
И слезы нежности катятся,
Как Россов матерь я пою.

Петры, и Генрихи, и Титы
В народных век живут сердцах;
Екатерины незабыты,
Пребудут в тысящи веках.
Уже я вижу монументы,
Которых свергнуть элементы
И время не имеют сил.

ФЕЛИЦА

Богоподобная царевна
Киргиз-Кайсацкия орды!
Которой мудрость несравненна
Открыла верные следы
Царевичу младому Хлору
Взойти на ту высоку гору,
Где роза без шипов растет,
Где добродетель обитает:
Она мой дух и ум пленяет,
Подай, найти ее, совет.

Подай, Фелица! наставленье:
Как пышно и правдиво жить,
Как укрощать страстей волненье
И счастливым на свете быть?
Меня твой голос возбуждает,
Меня твой сын препровождает;
Но им последовать я слаб.
Мятясь житейской суетою,
Сегодня властвую собою,
А завтра прихотям я раб.

Мурзам твоим не подражая,
Почасту ходишь ты пешком,
И пища самая простая
Бывает за твоим столом;
Не дорожа твоим покоем,
Читаешь, пишешь пред налоем
И всем из твоего пера
Блаженство смертным проливаешь;
Подобно в карты не играешь,
Как я, от утра до утра.

Не слишком любишь маскарады,
А в клоб не ступишь и ногой;
Храня обычаи, обряды,
Не донкишотствуешь собой;
Коня Парнасска не седлаешь,
К духам в собранье не въезжаешь,
Не ходишь с трона на Восток;
Но кротости ходя стезею,
Благотворящею душею,
Полезных дней проводишь ток.

А я, проспавши до полудни,
Курю табак, и кофе пью;
Преобращая в праздник будни,
Кружу в химерах мысль мою:
То плен от персов похищаю,
То стрелы к туркам обращаю;
То, возмечтав, что я султан,
Вселенну устрашаю взглядом;
То вдруг, прельщаяся нарядом,
Скачу к портному по кафтан.

Или в пиру я пребогатом,
Где праздник для меня дают,
Где блещет стол сребром и златом,
Где тысячи различных блюд;
Там славный окорок вестфальской,
Там звенья рыбы астраханской,
Там плов и пироги стоят,
Шампанским вафли запиваю;
И все на свете забываю
Средь вин, сластей и аромат.

Или средь рощицы прекрасной
В беседке, где фонтан шумит,
При звоне арфы сладкогласной,
Где ветерок едва дышит,
Где все мне роскошь представляет,
К утехам мысли уловляет,
Томит и оживляет кровь:
На бархатном диване лежа,
Младой девицы чувства нежа,
Вливаю в сердце ей любовь.

Или великолепным цугом
В карете английской, златой,
С собакой, шутом или другом,
Или с красавицей какой
Я под качелями гуляю;
В шинки пить меду заезжаю;
Или, как то наскучит мне,
По склонности моей к премене,
Имея шапку на бекрене,
Лечу на резвом бегуне.

Или музыкой и певцами,
Органом и волынкой вдруг,
Или кулачными бойцами
И пляской веселю мой дух;
Или, о всех делах заботу
Оставя, езжу на охоту
И забавляюсь лаем псов;
Или над Невскими брегами
Я тешусь по ночам рогами
И греблей удалых гребцов.

Иль сидя дома я прокажу,
Играю в дураки с женой;
То с ней на голубятню лажу,
То в жмурки резвимся порой;
То в свайку с нею веселюся,
То ею в голове ищуся;
То в книгах рыться я люблю,
Мой ум и сердце просвещаю,
Полкана и Бову читаю;
За Библией зевая сплю.

Таков, Фелица, я развратен!
Но на меня весь свет похож.
Кто сколько мудростью ни знатен;
Но всякий человек есть ложь. —
Не ходим света мы путями,
Бежим разврата за мечтами.
Между лентяем и брюзгой,
Между тщеславья и пороком,
Нашел кто разве ненароком
Путь добродетели прямой.

Нашел; — но льзя ль не заблуждаться
Нам слабым смертным в сем пути,
Где сам рассудок спотыкаться
И должен вслед страстям идти;
Где нам ученые невежды,
Как мгла у путников, тмят вежды? —
Везде соблазн и лесть живет:
Пашей всех роскошь угнетает. —
Где ж добродетель обитает? —
Где роза без шипов растет?

Тебе единой лишь пристойно,
Царевна! свет из тьмы творить;
Деля хаос на сферы стройно,
Союзом целость их крепить;
Из разногласия согласье
И из страстей свирепых счастье
Ты можешь только созидать.
Так кормщик, через понт плывущий,
Ловя под парус ветр ревущий,
Умеет судном управлять.

Едина ты лишь не обидишь,
Не оскорбляешь никого,
Дурачествы сквозь пальцы видишь,
Лишь зла не терпишь одного;
Проступки снисхожденьем правишь,
Как волк овец, людей не давишь,
Ты знаешь прямо цену их.
Царей они подвластны воле,
Но богу правосудну боле,
Живущему в законах их.

Ты здраво о заслугах мыслишь,
Достойным воздаешь ты честь;
Пророком ты того не числишь,
Кто только рифмы может плесть:
А что сия ума забава
Калифов добрых честь и слава.
Снисходишь ты на лирный лад;
Поэзия тебе любезна,
Приятна, сладостна, полезна,
Как летом вкусный лимонад.

Слух идет о твоих поступках,
Что ты ни мало не горда;
Любезна и в делах и в шутках,
Приятна в дружбе и тверда;
Что ты в напастях равнодушна;
А в славе так великодушна,
Что отреклась и мудрой слыть.
Еще же говорят не ложно,
Что будто завсегда возможно
Тебе и правду говорить.

Неслыханное также дело,
Достойное тебя одной,
Что будто ты народу смело
О всем, и въявь и под рукой,
И знать и мыслить позволяешь,
И о себе не запрещаешь
И быль и небыль говорить;
Что будто самым крокодилам,
Твоих всех милостей Зоилам,
Всегда склоняешься простить.

Стремятся слез приятных реки
Из глубины души моей.
О! коль счастливы человеки
Там должны быть судьбой своей,
Где ангел кроткой, ангел мирной,
Сокрытый в светлости порфирной,
С небес ниспослан скиптр носить!
Там можно пошептать в беседах,
И казни не боясь, в обедах
За здравие царей не пить.

Там с именем Фелицы можно
В строке описку поскоблить,
Или портрет неосторожно
Ее на землю уронить.
Там свадеб шутовских не парят,
В ледовых банях их не жарят,
Не щелкают в усы вельмож;
Князья наседками не клохчут,
Любимцы въявь им не хохочут
И сажей не марают рож.

Ты ведаешь, Фелица! правы
И человеков и царей;
Когда ты просвещаешь нравы,
Ты не дурачишь так людей;
В твои от дел отдохновеньи,
Ты пишешь в сказках поученьи,
И Хлору в азбуке твердишь:
«Не делай ничего худого,
«И самого сатира злого
«Лжецом презренным сотворишь»

Стыдишься слыть ты тем великой,
Чтоб страшной, нелюбимой быть;
Медведице прилично дикой
Животных рвать и кровь их пить.
Без крайнего в горячке бедства
Тому ланцетов нужны ль средства,
Без них кто обойтися мог?
И славно ль быть тому тираном,
Великим в зверстве Тамерланом,
Кто благостью велик, как бог?

Фелицы слава, слава бога,
Который брани усмирил;
Который сира и убога
Покрыл, одел и накормил;
Который оком лучезарным
Шутам, трусам, неблагодарным
И праведным свой свет дарит;
Равно всех смертных просвещает,
Больных покоит, исцеляет,
Добро лишь для добра творит.

Который даровал свободу
В чужие области скакать,
Позволил своему народу
Сребра и золота искать;
Который воду разрешает,
И лес рубить не запрещает;
Велит и ткать, и прясть, и шить;
Развязывая ум и руки,
Велит любить торги, науки,
И счастье дома находить.

Которого закон, десница
Дают и милости и суд. —
Вещай, премудрая Фелица!
Где отличен от честных плут?
Где старость по миру не бродит?
Заслуга хлеб себе находит?
Где месть не гонит никого?
Где совесть с правдой обитают?
Где добродетели сияют? —
У трона разве твоего!

Но где твой трон сияет в мире?
Где, ветвь небесная, цветешь?
В Багдаде — Смирне — Кашемире? —
Послушай, где ты ни живешь;
Хвалы мои тебе приметя,
Не мни, чтоб шапки, иль бешметя
За них я от тебя желал.
Почувствовать добра приятство
Такое есть души богатство,
Какого Крез не собирал.

Прошу великого пророка,
Да праха ног твоих коснусь,
Да слов твоих сладчайша тока
И лицезренья наслаждусь!
Небесные прошу я силы,
Да их простря сафирны крылы,
Невидимо тебя хранят
От всех болезней, зол и скуки;
Да дел твоих в потомстве звуки,
Как в небе звезды, возблестят.

БЛАГОДАРНОСТЬ ФЕЛИЦЕ

Предшественница дня златого,
Весення утрення заря,
Когда от понта голубого
Ведет к нам звездного царя,
Румяный взор свой осклабляет
На чела гор, на лоно вод,
Багряным златом покрывает
Поля, леса и неба свод.

Крылаты кони по эфиру
Летят и рассекают мрак,
Любезное светило миру
Пресветлый свой возносит зрак;
Бегут толпами тени черны:
Какое зрелище очам!
Там блещет брег в реке зеленый,
Там светят перлы по лугам.

Там степи, как моря, струятся,
Седым волнуясь ковылем;
Там тучи журавлей стадятся,
Волторн с высот пуская гром;
Там небо всюду лучезарно
Янтарным пламенем блестит:

Мое так сердце благодарно,
К тебе усердием горит.

К тебе усердием, Фелица,
О кроткий ангел во плоти!
Которой разум и десница
Нам кажут к счастию пути.
Когда тебе в нелицемерном
Угодна слоге простота,
Внемли: — но в чувствии безмерном
Мои безмолвствуют уста.

Когда поверх струистой влаги
Благоприятный дунет ветр,
Попутны вострепещут флаги
И ляжет между водных недр
За кораблем сребро грядою:
Тогда испустят глас пловцы,
И с восхищенною душою
Вселенной полетят в концы.

Когда небесный возгорится
В Пиите огнь, он будет петь;
Когда от бремя дел случится
И мне свободный час иметь:
Я праздности оставлю узы,
Игры, беседы, суеты;
Тогда ко мне приидут музы,
И лирой возгласишься ты.

ВИДЕНИЕ МУРЗЫ

На темноголубом эфире
Златая плавала луна,
В серебряной своей порфире
Блистаючи с высот, она
Сквозь окна дом мой освещала,
И палевым своим лучем
Златые стекла рисовала
На лаковом полу моем.
Сон томною своей рукою
Мечты различны рассыпал,
Кропя забвения росою,
Моих домашних усыплял;
Вокруг вся область почивала,
Петрополь с башнями дремал,
Нева из урны чуть мелькала,
Чуть Бельт в брегах своих сверкал;
Природа в тишину глубоку
И в крепком погруженна сне,
Мертва казалась слуху, оку,
На высоте и в глубине;
Лишь веяли одни зефиры,
Прохладу чувствам принося.
Я не спал, — и со звоном лиры
Мой тихий голос соглася,

Блажен, воспел я, кто доволен
В сем свете жребием своим,
Обилен, здрав, покоен, волен
И счастлив лишь собой самим;
Кто сердце чисто, совесть праву
И твердый нрав хранит в свой век,
И всю свою в том ставит славу,
Что он лишь добрый человек;
Что карлой он и великаном
И дивом света не рожден,
И что не создан истуканом
И оных чтить не принужден;
Что все сего блаженствы мира
Находит он в семье своей;
Что нежная его Пленира
И верных несколько друзей
С ним могут в час уединенный
Делить и скуку и труды! —
Блажен и тот, кому царевны
Какой бы ни было орды,
Из теремов своих янтарных,
И серебророзовых светлиц,
Как будто из улусов дальных,
Украдкой от придворных лиц,
За росказни, за растабары,
За вирши, иль за что-нибудь,
Исподтишка драгие дары
И в досканцах червонцы шлют;
Блажен! — Но с речью сей незапно
Мое все зданье потряслось,
Раздвиглись стены, и стократно
Ярчее молний пролилось

Сиянье вкруг меня небесно;
Сокрылась, побледнев, луна.
Виденье я узрел чудесно:
Сошла со облаков жена, —
Сошла, — и жрицей очутилась,
Или богиней предо мной.
Одежда белая струилась
На ней серебряной волной;
Градская на главе корона,
Сиял при персях пояс злат;
Из черноогненна виссона,
Подобный радуге, наряд
С плеча десного полосою
Висел на левую бедру;
Простертой на олтарь рукою
На жертвенном она жару
Сжигая маки благовонны,
Служила вышню божеству.
Орел полунощный, огромный,
Сопутник молний торжеству,
Геройской провозвестник славы,
Сидя пред ней на груде книг,
Священны блюл ее уставы;
Потухший гром в кохтях своих
И лавр с оливными ветвями
Держал, как будто бы уснув.
Сафиросветлыми очами,
Как в гневе, иль в жару, блеснув,
Богиня на меня воззрела. —
Пребудет образ в век во мне,
Она который впечатлела! —
«Мурза! она вещала мне:

Ты быть себя счастливым чаешь,
Когда по дням и по ночам
На лире ты своей играешь
И песни лишь поешь царям.
Вострепещи, Мурза несчастный!
И страшны истины внемли,
Которым стихотворцы страстны
Едва ли верят на земли:
Одно к тебе лишь доброхотство
Мне их открыть велит. — Когда
Поэзия не сумасбродство,
Но вышний дар богов: — тогда
Сей дар богов лишь к чести
И к поученью их путей
Быть должен обращен, не к лести
И тленной похвале людей.
Владыки света люди те же,
В них страсти, хоть на них венцы;
Яд лести их вредит не реже:
А где поэты не льстецы?
И ты Сирен поющих грому,
В вред добродетели, не строй;
Благотворителю прямому
В хвале нет нужды никакой. —
Хранящий муж честные нравы,
Творяй свой долг, свои дела,
Царю приносит больше славы,
Чем всех пиитов похвала. —
Оставь нектаром наполненну
Опасну чашу, где скрыт яд». —
Кого я зрю столь дерзновенну,
И чьи уста меня разят?

Кто ты? — Богиня, или жрица?
Мечту стоящу я спросил. —
Она рекла мне: — «Я Фелица».
Рекла, — и светлый облак скрыл
От глаз моих ненасыщенных
Божественны ее черты;
Курение мастик бесценных
Мой дом, и место то цветы
Покрыли, где она явилась.
Мой бог! мой ангел во плоти! ..
Душа моя за ней стремилась;
Но я за ней не мог итти,
Подобно громом оглушенный,
Бесчувствен я, безгласен был.
Но током слезным орошенный
Пришел в себя и возгласил:
Возможно ль, кроткая царевна!
И ты к Мурзе чтоб своему
Была сурова столь и гневна,
И стрелы к сердцу моему
И ты, и ты чтобы бросала,
И пламени души моей
К себе и ты не одобряла?
Довольно без тебя людей,
Довольно без тебя Поэту,
За кажду мысль, за каждый стих
Ответствовать лихому свету
И от сатир щититься злых!
Довольно золотых кумиров,
Без чувств мои что песни чли;
Довольно Кадиев, Факиров,
Которы в зависти сочли

Тебе их неприличной лестью;
Довольно нажил я врагов!
Иной отнес себе к бесчестью,
Что не дерут его усов;
Иному показалось больно,
Что он наседкой не сидит;
Иному — очень своевольно
С тобой Мурза твой говорит;
Иной вменял мне в преступленье,
Что я посланницей с небес
Тебя быть мыслил в восхищенье
И лил в восторге токи слез.
И словом: тот хотел арбуза,
А тот соленых огурцов;
Но пусть им здесь докажет муза,
Что я не из числа льстецов;
Что сердца моего товаров
За деньги я не продаю,
И что не из чужих анбаров
Тебе наряды я крою;
Но, венценосна добродетель!
Не лесть я пел и не мечты,
А то, чему весь мир свидетель;
Твои дела суть красоты. —
Я пел, пою и петь их буду,
И в шутках правду возвещу;
Татарски песни из-под-спуду,
Как луч, потомству сообщу;
Как солнце, как луну, поставлю
Твой образ будущим векам;
Превознесу тебя, прославлю;
Тобой бессмертен буду сам.

БОГ

О ты, пространством бесконечный,
Живый в движеньи вещества,
Теченьем времени превечный,
Без лиц, в трех лицах божества!
Дух всюду сущий и единый,
Кому нет места и причины,
Кого никто постичь не мог,
Кто все собою наполняет,
Объемлет, зиждет, сохраняет,
Кого мы называем: — бог.

Измерить океан глубокий,
Сочесть пески, лучи планет,
Хотя и мог бы ум высокий, —
Тебе числа и меры нет!
Не могут духи просвещенны,
От света твоего рожденны,
Исследовать судеб твоих:
Лишь мысль к тебе взнестись
дерзает,
В твоем величьи исчезает,
Как в вечности прошедший миг.

Хаоса бытность довременну
Из бездн ты вечности воззвал,
А вечность прежде век рожденну
В себе самом ты основал:
Себя собою составляя,
Собою из себя сияя,
Ты свет, откуда свет истек.
Создавый все единым словом,
В твореньи простираясь новом,
Ты был, ты есть, ты будешь в век!

Ты цепь существ в себе вмещаешь,
Ее содержишь и живишь;
Конец с началом сопрягаешь
И смертию живот даришь.
Как искры сыплятся, стремятся,
Так солнцы от тебя родятся;
Как в мразный, ясный день зимой
Пылинки инея сверкают,
Вратятся, зыблются, сияют:
Так звезды в безднах под тобой.

Светил возженных миллионы
В неизмеримости текут,
Твои они творят законы,
Лучи животворящи льют.
Но огненны сии лампады,
Иль рдяных кристалей громады,
Иль волн златых кипящий сонм,
Или горящие эфиры,
Иль вкупе все светящи миры —
Перед тобой — как нощь пред днем.

Как капля в море опущенна
Вся твердь перед тобой сия.
Но что мной зримая вселенна?
И что перед тобою я? —
В воздушном океане оном,
Миры умножа миллионом
Стократ других миров — и то,
Когда дерзну сравнить с тобою,
Лишь будет точкою одною:
А я перед тобой — ничто.

Ничто! — Но ты во мне сияешь
Величеством твоих доброт;
Во мне себя изображаешь,
Как солнце в малой капле вод.
Ничто! — Но жизнь я ощущаю,
Несытым некаким летаю
Всегда пареньем в высоты;
Тебя душа моя быть чает,
Вникает, мыслит, рассуждает;
Я есмь; — конечно есть и ты!

Ты есть! — Природы чин вещает,
Гласит мое мне сердце то,
Меня мой разум уверяет,
Ты есть; — и я уж не ничто!
Частица целой я вселенной,
Поставлен, мнится мне, в почтенной
Средине естества я той,
Где кончил тварей ты телесных,
Где начал ты духов небесных,
И цепь существ связал всех мной.

Я связь миров повсюду сущих,
Я крайня степень вещества;
Я средоточие живущих,
Черта начальна божества;
Я телом в прахе истлеваю,
Умом громам повелеваю,
Я царь, — я раб, — я червь, — я бог!
Но, будучи я столь чудесен,
Отколе происшел? — безвестен;
А сам собой я быть не мог.

Твое созданье я, создатель!
Твоей премудрости я тварь,
Источник жизни, благ податель,
Душа души моей и царь!
Твоей то правде нужно было,
Чтоб смертну бездну преходило
Мое бессмертно бытие;
Чтоб дух мой в смертность облачился
И чтоб чрез смерть я возвратился,
Отец! — в бессмертие твое.

Неизъяснимый, непостижный!
Я знаю, что души моей
Воображении бессильны
И тени начертать твоей;
Но если славословить должно,
То слабым смертным невозможно
Тебя ничем иным почтить,
Как им к тебе лишь возвышаться,
В безмерной разности теряться
И благодарны слезы лить.

НА СМЕРТЬ ГРАФИНИ РУМЯНЦОВОЙ

Не беспрестанно дождь стремится
На класы с черных облаков,
И море не всегда струится
От пременяемых ветров;
Не круглый год во льду спят воды,
Не всякий день бурь слышен свист,
И с скучной не всегда природы
Падет на землю желтый лист.

Подобно и тебе крушиться
Не должно, Дашкова, всегда,
Готово ль солнце в бездну скрыться,
Иль паки утру быть чреда;
Ты жизнь свою в тоске проводишь,
По английским твоим коврам,
Уединясь, в смущеньи ходишь,
И волю течь даешь слезам.

Престань! и равнодушным оком
Воззри на оный кипарис,
Который на брегу высоком
На Невские струи навис,
И мрачной тени под покровом,

Во дремлющих своих ветвях,
Сокрыл недавно в гробе новом
Румянцовой почтенный прах.

Румянцовой! — Она блистала
Умом, породой, красотой,
И в старости любовь снискала
У всех любезною душой;
Она со твердостью смежила
Супружний взор, друзей, детей;
Монархам осмерым служила,
Носила знаки их честей.

И зрела в торжестве и славе
И в лаврах сына своего;
Не изменялась в сердце, нраве,
Ни для кого, ни для чего;
А доброе и злое купно
Собою испытала все,
И как вертится всеминутно
Людской фортуны колесо.

Воззри на памятник сей вечной
Ты современницы твоей,
В отраду горести сердечной,
К спокойствию души своей,
Прочти: «Сия гробница скрыла
«Затмившего мать лунный свет;
«Смерть добродетели щадила,
«Она жила почти сто лет».

Как солнце тускло ниспущает
Последние свои лучи,
По небу, по водам блистает
Румяною зарей в ночи:
Так с тихим вздохом, взором ясным
Она оставила сей свет;
Но именем своим прекрасным
Еще, еще она живет.

И ты, коль победила страсти,
Которы трудно победить;
Когда не ищешь вышней власти
И первою в вельможах быть;
Когда не мстишь, и совесть права,
Не алчешь злата и сребра:
Какого же, коль телом здрава,
Еще желаешь ты добра?

Одно лишь в нас добро прямое,
А прочее все в свете тлен;
Почиет чья душа в покое,
Поистине тот есть блажен.
Престань же ты умом крылатым
По треволнению летать;
С убогим грузом, иль богатым,
Всяк должен к вечности пристать.

Пожди; — и сын твой с страшна бою
Иль на щите, иль со щитом,
С победой, с славою, с женою,
С трофеями приедет в дом;
И если знатности и злата

Невестка в дар не принесет,
Благими нравами богата,
Прекрасных внучат приведет.

Утешься, — и в объятьи нежном
Облобызай своих ты чад;
В семействе тихом, безмятежном,
Фессальский насаждая сад,
Живи и распложай науки;
Живи и обессмертвь себя,
Да громогласной лиры звуки
И Музы воспоют тебя.

Седый собор Ареопага,
На истину смотря в очки,
На счет общественного блага
Нередко ей давал щелчки;
Но в век тот Аристиды жили,
Сносили ссылки, казни, смерть;
Когда судьбы благоволили,
Не должно ли и нам терпеть?

Терпи! — Самсон сотрет льву зубы,
А Навин потемнит луну;
Румянцов молньи дхнет сугубы,
Екатерина тишину;
Меня ж ничто вредить не может,
Я злобу твердостью сотру;
Врагов моих червь кости сгложет;
А я Пиит, — и не умру.

ОСЕНЬ
ВО ВРЕМЯ ОСАДЫ ОЧАКОВА

Спустил седой Эол Борея
С цепей чугунных из пещер;
Ужасные криле расширя,
Махнул по свету богатырь;
Погнал стадами воздух синий,
Сгустил туманы в облака,
Давнул, — и облака расселись,
Пустился дождь и восшумел.

Уже румяна осень носит
Снопы златые на гумно,
И роскошь винограду просит
Рукою жадной на вино.
Уже стада толпятся птичьи,
Ковыл сребрится по степям;
Шумящи красножелты листьи
Расстлались всюду по тропам.

В опушке заяц быстроногий,
Как колпик поседев, лежит;
Ловецки раздаются роги,
И выжлят лай и гул гремит.

Запасшися крестьянин хлебом,
Ест добры щи и пиво пьет;
Обогащенный щедрым небом,
Блаженство дней своих поет.

Борей на Осень хмурит брови,
И Зиму с севера зовет:
Идет седая чародейка,
Косматым машет рукавом;
И снег, и мраз, и иней сыплет,
И воды претворяет в льды;
От хладного ее дыханья
Природы взор оцепенел.

На место радуг испещренных
Висит по небу мгла вокруг:
А на коврах полей зеленых
Лежит рассыпан белый пух.
Пустыни сетуют и долы,
Голодны волки воют в них;
Древа стоят и холмы голы,
И не пасется стад при них.

Ушел олень на тундры мшисты,
И в логовище лег медведь;
По селам Нимфы голосисты
Престали в хороводах петь;
Дымятся серым дымом домы,
Поспешно едет путник в путь,
Небесный Марс оставил громы
И лег в туманы отдохнуть.

Российский только Марс, Потемкин,
Не ужасается зимы:
По развевающим знаменам
Полков, водимых им, орел
Над древним царством Митридата
Летает и темнит луну;
Под звучным крил его мельканьем
То черн, то бледн, то рдян Эвксин.

Огонь, в волнах неугасимый,
Очаковские стены жрет,
Пред ними Росс непобедимый
И в мраз зелены лавры жнет;
Седые бури презирает,
На льды, на рвы, на гром летит,
В водах и в пламе помышляет:
Или умрет, иль победит.

Мужайся, твердый Росс и верный,
Еще победой возблистать!
Ты не наемник, сын усердный;
Твоя Екатерина мать,
Потемкин вождь, бог покровитель;
Твоя геройска грудь твой щит,
Честь мзда твоя, вселенна зритель,
Потомство плесками гремит.

Мужайтесь, Росски Ахиллесы,
Богини северной сыны!
Хотя вы в Стикс не погружались,
Но вы бессмертны по делам.
На вас всех мысль, на вас всех взоры,

Дерзайте ваших вслед отцов!
И ты спеши скорей, Голицын!
Принесть в твой дом с оливой лавр.

Твоя супруга златовласа,
Пленира сердцем и лицом,
Давно желанного ждет гласа,
Когда ты к ней приедешь в дом;
Когда с горячностью обнимешь
Ты семерых твоих сынов,
На матерь нежны взоры вскинешь,
И в радости не сыщешь слов.

Когда обильными речами
Потом восторг свой изъявишь,
Бесценными побед венцами
Твою супругу удивишь;
Геройские дела расскажешь
Ее ты дяди и отца,
И дух и ум его докажешь,
И как к себе он влек сердца.

Спеши, супруг, к супруге верной,
Обрадуй ты, утешь ее;
Она задумчива, печальна,
В простой одежде, и власы
Рассыпав по челу нестройно,
Сидит за столиком в софе;
И светлоголубые взоры
Ее всечасно слезы льют.

Она к тебе вседневно пишет:
Твердит то славу, то любовь,
То жалостью, то негой дышит,
То страх ее смущает кровь;
То дяде торжества желает,
То жаждет мужниной любви,
Мятется, борется, вещает:
Коль долг велит, ты лавры рви!

В чертоге вкруг ее безмолвном
Не смеют Нимфы пошептать;
В восторге только Музы томном
Осмелились сей стих брящать. —
Румяна осень! — радость мира!
Умножь, умножь еще твой плод!
Приди желанна весть! — и лира
Любовь и славу воспоет.

НА СЧАСТИЕ

Всегда прехвально, препочтенно,
Во всей вселенной обоженно
И вожделенное от всех,
О ты, великомощно счастье!
Источник наших бед, утех,
Кому и в ведро и в ненастье,
Мавр, Лопарь, пастыри, цари,
Моляся в кущах и на троне,
В воскликновениях и стоне,
В сердцах их зиждут олтари!

Сын время, случая, судьбины,
Иль недоведомой причины,
Бог сильный, резвый, добрый, злой!
На шаровидной колеснице,
Хрустальной, скользкой, роковой,
Во след блистающей деннице
Чрез горы, степь, моря, леса,
Вседневно ты по свету скачешь,
Волшебною ширинкой машешь,
И производишь чудеса.

Куда хребет свой обращаешь,
Там в пепел грады претворяешь,
Приводишь в страх богатырей;
Султанов заключаешь в клетку,
На казнь выводишь королей;
Но если ты ж, хотя в издевку,
Осклабишь взор свой на кого:
Раба творишь владыкой миру,
На место рубища порфиру
Ты возлагаешь на него.

В те дни людского просвещенья,
Как нет кикиморов явленья,
Как ты лишь всем чудотворишь:
Девиц и дам магнизируешь,
Из камней золото варишь,
В глаза патриотизма плюешь,
Катаешь кубарем весь мир;
Как резвости твоей примеров
Полна земля вся кавалеров
И целый свет стал бригадир.

В те дни, как всюду скороходом
Пред Русским ты бежишь народом
И лавры рвешь ему зимой,
Стамбулу бороду ерошишь,
На Тавре едешь чехардой;
Задать Стокгольму перцу хочешь,
Берлину фабришь ты усы;
А Темзу в фижмы наряжаешь,
Хохол Варшаве раздуваешь,
Коптишь Голландцам колбасы.

В те дни, как Вену ободряешь,
Парижу пукли разбиваешь,
Мадриду поднимаешь нос,
На Копенгаген иней сеешь,
Пучок подносишь Гданску роз;
Венецьи, Мальте не радеешь,
А Греции велишь зевать;
И Риму, ноги чтоб не пухли,
Святые оставляя туфли,
Царям претишь их целовать.

В те дни, как все везде в разгулье:
Политика и правосудье,
Ум, совесть и закон святой
И логика пиры пируют,
На карты ставят век златой,
Судьбами смертных пунтируют,
Вселенну в трантелево гнут;
Как полюсы, меридианы,
Науки, музы, боги — пьяны,
Все скачут, пляшут и поют. —

В те дни, как всюду ерихонцы
Не сеют, но лишь жнут червонцы,
Их денег куры не клюют;
Как вкус и нравы распестрились,
Весь мир стал полосатый шут;
Мартышки в воздухе явились,
По свету светят фонари,
Витийствуют уранги в школах;
На пышных карточных престолах
Сидят мишурные цари.

В те дни, как мудрость среди тронов
Одна не месит макаронов,
Не ходит в кузницу ковать;
А разве временем лишь скучным
Изволит Муз к себе пускать
И перышком своим искусным,
Не ссоряся ни как, ни с кем,
Для общей и своей забавы,
Комедьи пишет, чистит нравы,
И припевает *хем, хем, хем.*

В те дни, ни с кем как несравненна
Она с тобою сопряженна,
— Ни в сказках складно рассказать,
Ни написать пером красиво, —
Изволит милость проливать,
Изволит царствовать правдиво,
Не жжет, не рубит без суда;
А разве кое-как вельможи,
И так, и сяк, нахмуря рожи,
Тузят инова иногда.

В те дни, как мещет всюду взоры
Она вселенной на рессоры
И весит скипетры царей,
Следы орлов парящих видит
И пресмыкающихся змей;
Разя врагов, не ненавидит,
А только пресекает зло;
Без лат богатырям и в латах
Претит давить лимоны в лапах:
А хочет, чтобы все цвело.

В те дни, как скипетром любезным
Она перун к странам железным
И гром за тридевять земель
Несет на лунно государство,
И бомбы сыплет будто хмель;
Свое же ублажая царство,
Покоит, греет и живит;
В мороз камины возжигает,
Дрова и сено запасает,
Бояр и чернь благотворит.

В те дни и времена чудесны
Твой взор и на меня всеместный
Простри, о над царями царь!
Простри, и удостой усмешкой
Презренную тобою тварь;
И если я не создан пешкой,
Валяться не рожден в пыли,
Прошу тебя моим быть другом;
Песчинка может быть жемчугом,
Погладь меня и потрепли.

Бывало, ты меня к боярам
В любовь введешь: беру все даром,
На вексель, в долг без платежа;
Судьи, дьяки и прокуроры,
В передней про себя брюжжа,
Умильные мне мещут взоры
И жаждут слова моего:
А я всех мимо по паркету
Бегу, нос вздернув, к кабинету,
И в грош не ставлю никого.

Бывало, под чужим нарядом
С красоткой чернобровой рядом,
Иль с беленькой, сидя со мной,
Ты в шашки, то в картеж играешь;
Прекрасною твоей рукой
Туза червонного вскрываешь,
Сердечный твой тем кажешь взгляд;
Я к крале короля бросаю,
И ферзь к ладье я придвигаю,
Даю марьяж, иль шах и мат.

Бывало, милые науки
И Музы, простирая руки,
Позавтракать ко мне придут,
И все мое усядут ложе;
А я свирель настроя тут,
С их каждой лирой то же, то же
Играю, что вчерась играл.
Согласна трель! взаимны тоны!
Восторг всех чувств! За вас короны
Тогда бы взять не пожелал.

А ныне пятьдесят мне било;
Полет свой счастье пременило,
Без лат я Горе-богатырь;
Прекрасный пол меня лишь бесит,
Амур без перьев нетопырь,
Едва вспорхнет, и нос повесит.
Сокрылся и в игре мой клад;
Не страстны мной, как прежде, Музы;
Бояра понадули пузы,
И я у всех стал виноват.

Услышь, услышь меня, о Счастье!
И солнце как сквозь бурь, ненастье,
Так на меня и ты взгляни;
Прошу, молю тебя умильно,
Мою ты участь премени;
Ведь всемогуще ты и сильно
Творить добро из самых зол;
От божеской твоей десницы
Гудок гудит на тон скрыпицы
И вьется локоном хохол.

Но ах! как некая ты сфера,
Иль легкий шар Монгольфиера,
Блистая в воздухе, летишь;
Вселенна длани простирает,
Зовет тебя, — ты не глядишь;
Но шар твой часто упадает
По прихоти одной твоей
На пни, на кочки, на колоды,
На грязь и на гнилые воды;
А редко, редко на людей.

Слети ко мне, мое драгое,
Серебреное, золотое,
Сокровище и божество!
Слети, причти к твоим любимцам!
Я храм тебе и торжество
Устрою, и везде по крыльцам
Твоим рассыплю я цветы;
Возжгу куреньи благовонны,
И буду ездить на поклоны,
Где только обитаешь ты.

Жить буду в тереме богатом,
Возвышусь в чин, и знатным браком
Горацию в родню причтусь;
Пером моим славно-школярным
Рассудка выше вознесусь,
И став тебе неблагодарным,
— *Беатус!* брат мой, на волах
Собою сам поля орющий,
Или стада свои пасущий! —
Я буду восклицать в пирах.

Увы! еще ты не внимаешь,
О Счастие! моей мольбе,
Мои обеты презираешь;
Знать, не угоден я тебе;
Но на софах ли ты пуховых,
В тенях ли миртовых, лавровых,
Иль в золотой живешь стране;
Внемли, — шепни твоим любимцам,
Вельможам, королям и принцам: —
Спокойствие мое во мне!

ИЗОБРАЖЕНИЕ ФЕЛИЦЫ

Рафаэль! живописец славный,
Творец искусством естества!
Рафаэль чудный, бесприкладный,
Изобразитель божества!
Умел ты кистию свободной
Непостижимость написать;
Умей моей богоподобной
Царевны образ начертать.

Изобрази ее мне точно
Осанку, возраст и черты,
Чтоб в них я видел и заочно
Ее и сердца красоты
И духа чувствы возвышенны,
И разума ее дела: —
Фелица, ангел воплощенный,
В твоей картине бы жила.

Небесно-голубые взоры
И по ланитам нежна тень,
Сквозь мрак времен, стихиев споры,
Блистали бы, как ясный день;

Как утрення заря весення,
Так улыбалась бы она;
Как пальма, в рае насажденна,
Так возвышалась бы стройна.

Как пальма клонит благовонну
Вершину и лице свое,
Так тиху, важну, благородну
Ты поступь напиши ее. —
Коричными чело власами,
А перлом перси осени;
Премудрость и любовь устами,
Как розы дышут, изъясни.

Представь в лице ее геройство,
В очах величие души;
Премилосердо, нежно свойство
И снисхожденье напиши.
Не позабудь приятность в нраве
И кроткий глас ее речей;
Во всей изобрази ты славе
Владычицу души моей.

Одень в доспехи, в брони златы,
И в мужество ее красы:
Чтоб шлем блистал на ней пернатый,
Зефиры веяли власы;
Чтоб конь под ней главой крутился
И бурно бразды опенял;
Чтоб Норд седый ей удивился
И обладать собой избрал.

Избрал, — и падши на колена,
Поднес бы скиптр ей и венец;
Она, мольбой его смягченна
И став владычицей сердец,
Бесстрашно б узы разрешила
Издревле скованных цепьми,
Свободой бы рабов пленила
И нарекла себе детьми.

Престол ее на Скандинавских,
Камчатских и Златых горах,
От стран Таймурских до Кубанских
Поставь на сорок двух столпах;
Как восемь бы зерцал стояли
Ее великие моря;
С полнеба звезды освещали,
Вокруг багряная заря.

Средь дивного сего чертога
И велелепной высоты
В величестве, в сияньи бога,
Ее изобрази мне ты;
Чтоб сшед с престола, подавала
Скрыжаль заповедей святых;
Чтобы вселенна принимала
Глас божий, глас природы в них.

Чтоб дики люди, отдаленны,
Покрыты шерстью, чешуей,
Пернатых перьем испещренны,
Одеты листьем и корой,

Сошедшися к ее престолу
И кротких вняв законов глас,
По желтосмуглым лицам долу
Струили токи слез из глаз.

Струили б слезы, — и блаженство
Своих проразумея дней,
Забыли бы свое равенство
И были все подвластны ей:
Фин в море бледный, рыжевласый,
Не разбивал бы кораблей,
И узкоглазый Гунн жал класы
Среди седых, сухих зыбей.

Припомни, чтоб она вещала
Бесчисленным ее Ордам:
«Я счастья вашего искала
И в вас его нашла я вам;
Став сами вы себе послушны,
Живите, славьтеся в мой век
И будьте столь благополучны,
Колико может человек.

Я вам даю свободу мыслить
И разуметь себя ценить,
Не в рабстве, а в подданстве числить,
И в ноги мне челом не бить.
Даю вам право без препоны
Мне ваши нужды представлять,
Читать и знать мои законы,
И в них ошибки замечать.

Даю вам право собираться,
И в думах золото копить,
Ко мне послами отправляться
И не всегда меня хвалить.
Даю вам право беспристрастно
В судьи друг друга выбирать,
Самим дела свои всевластно
И начинать и окончать.

Не воспрещу я стихотворцам
Писать и чепуху и лесть;
Халдеям, новым чудотворцам,
Махать с духами, пить и есть;
Но я во всем, что лишь не злобно,
Потщуся равнодушной быть;
Великолепно и спокойно
Мои благодеяньи лить».

Рекла, — и взор бы озарился
Величеством ее души,
Хаос на сферы б разделился
Ее рукою, — напиши.
Чтоб солнцы в путь свой покатились,
И тысящи вкруг их планет;
Из праха грады возносились,
Восстали царствы, — и был свет.

Изобрази мне мир сей новый
В лице младого летня дня;
Как рощи, холмы, башни, кровы,
От горнего златясь огня,

Из мрака восстают, блистают
И смотрятся в зерцало вод;
Все новы чувства получают
И движется всех смертных род.

Представь мне лучезарны храмы
И ангелов поющих лик,
И благовонны фимиамы
Как облака б носились в них;
И чтоб царевна, умиленна,
Вперя свой взор на небеса,
Слезами зрелась окропленна,
Блистающими как роса.

Как с синей крутизны эфира
Лучам случится ниспадать:
От вседержителя так мира
Чтоб к ней сходила благодать,
И в виде счастия земного
Чтоб сыпала пред ней цветы,
И купно века бы драгого
Катилися часы златы.

Чтоб видел я в рога зовущих
Там пастухов стада на луг;
На рощах липовых, цветущих,
Рои жужжащих пчел вокруг;
Шумя младых бы класов волны
Переливались ветерком,
Граненых бриллиантов холмы
В след сыпались за кораблем.

Чтобы с ристалища мне громы
И плески доходили в слух,
И вихрем всадники несомы
Поспешно б натягали лук,
И стрелу, к облакам пущенну,
Пересекали бы другой;
И всю в стязаньи бы вселенну
Я пред Фелицей зрел младой.

И зрел бы я ее на троне
Седящу в утварях царей:
В порфире, бармах и короне,
И взглядом вдруг одним очей
Объемлющу моря и сушу
Во всем владычестве своем,
Всему дающу жизнь и душу,
И управляющую всем.

Чтоб свыше ею вдохновенны
Мурзы, паши и визири,
Сединой мудрости почтенны,
В диване зрелись как цари;
Закон бы свято сохраняли
И по стезям бы правды шли,
Носить ей скипетр пособляли
И пользу общую блюли.

Она б пред ними председала,
Как всемогущий царь царей,
Свои наказы подтверждала
Для благоденствия людей. —

Рекла б: « — Почто писать уставы,
Коль их в диванах не творят?
Развратные вельможей нравы —
Народа целого разврат.

Ваш долг монарху, богу, царству
Служить, и клятвой не играть;
Неправде, злобе, мзде, коварству
Пути повсюду пресекать; —
Пристрастный суд разбоя злея, —
Судьи враги, где спит закон: —
Пред вами гражданина шея
Протянута без оборон».

Представь, чтоб глас сей светозарный,
Как луч с небес, проник сердца,
Извлек бы слезы благодарны,
И все монарха и отца
И бога бы в Фелице зрели,
Который праведен и благ;
Из уст бы громы лишь гремели,
Которы у нее в руках.

Соделай, чтоб судебны храмы
Ее лугами обросли,
Весы бы в них стояли прямы,
И редко к ним бы люди шли;
Чтоб совесть всюду председала
И обнимался с ней закон,
Чтоб милость истину лобзала,
И миру поставляла трон.

Представь, чтоб все царевна средствы
В пособие себе брала,
Предупреждать народа бедствы
И сохранять его от зла;
Чтоб отворила всем дороги
Чрез почту письма к ней писать,
Велела бы в свои чертоги
Для объясненья допускать.

Как молния, ее бы взоры
Сверкали быстро в небесах,
Проникнуть мысли были скоры
И в самых скрытнейших сердцах;
Чтоб издалече познавала
Она невинного ни в чем,
Как ангел бы к нему блистала
Благоволения лицем.

Дерзни мне кистию волшебной
Святилище изобразить,
Где взора смертных удаленной
Благоволит Фелица быть;
Где тайна перстом помавает
И на уста кладет печать,
Где благочестье председает
И долг велит страстям молчать.

Представь ее облокоченну
На Зороастров истукан,
Смотрящу там на всю вселенну,
На огнезвездный океан,

Вещающу: «О ты, превечный!
Который волею своей
Колеса движешь быстротечны
Вратящейся природы всей!

Когда ты есть душа едина
Движенью сих огромных тел:
То ты ж конечно и причина
И нравственных народных дел;
Тобою царствы возрастают,
Твое орудие цари;
Тобой они и померцают,
Как блеск вечерния зари.

Наставь меня, миров содетель!
Да воле следуя твоей,
Тебя люблю и добродетель
И зижду счастие людей;
Да век мой на дела полезны
И славу их я посвящу,
Самодержавства скиптр железный
Моей щедротой позлащу.

Да удостоенна любови,
Надзрения твоих очес,
Чтоб я за кажду каплю крови,
За всякую бы каплю слез
Народа моего пролитых
Тебе ответствовать могла,
И чувств души моей сокрытых
Тебя свидетелем звала».

Представь, чтоб тут кидала взоры
Со отвращением она
На те ужасны приговоры,
Где смерть написана, война
Свинцова грифеля чертами,
И медленно б крепила их, —
И тут же горькими слезами
Смывала бы слова все с них.

Но милости б определяла
Она с смеющимся лицом,
Златая бы струя бежала
За скоропишущим пером,
И проливала бы с престолу
В несчетных тысящах прохлад,
Как в ясный день с крутых гор долу
Лучистый с шумом водопад.

Чтоб сей рекой благодеяний
Покрылась вся ее страна;
Я зрел бы цепь пространных зданий,
Где пользует больных она,
Где бедных пищей насыщает,
Где брошенных берет сирот,
Где их лелеет, возращает,
Где просвещает свой народ.

Представь мне, в мысли восхищенной,
Сходила бы с небес она;
Как солнце грудь, в ткани зеленой,
Рукой метала семена;

Как искры огненны дождились
Златые б зерна в снедь птенцам;
Орлы младые разбудились
И воскрилялись бы к лучам.

Яви искусством чудотворным,
Чтоб льды прияли вид лилей;
Весна дыханьем теплотворным
Звала бы с моря лебедей; —
Летели б с криком вереницы,
Звучали б трубы с облаков:
Так в царство бы текли Фелицы
Народы из чужих краев.

Не позабудь ее представить,
Как вместо олтарей себе
Царя великого поставить
Велела на мольбу орде;
Как всюду раздалися клики
И громы света по конец:
«Предстал нам Зороастр великий,
Воскрес отечества отец!»

Изобрази и то в картине,
Чтоб сей подобный грому клик,
В безмерной времени долине,
Как будто бы катясь, затих;
Фелицы ж славою удвоен,
Громчай в потомстве возгласил:
«Велик, кто олтарей достоен,
Но их другому посвятил!»

Представь, сей славой возбужденны,
Чтоб зреть ее цари пришли,
И как бы древле, удивленны,
В ней Соломона вновь нашли;
Народ счастливый и блаженный
Великой бы ее нарек,
Поднес бы титлы ей священны;
Она б рекла: — «Я человек».

Возвысь до облак лавр зеленый,
И чтоб он на полях стоял;
Под ним бы, тенью прохлажденный,
Спокойно Исполин дремал;
Как мрамор бела б грудь блистала,
Ланиты бы цвели зарей:
Фелица так бы услаждала
Полсвета под своей рукой.

И здравие его спасая,
Без ужаса пила бы яд;
От твердости ее Смерть злая
Свой отвратила б смутный взгляд;
Коса ее дала бы звуки,
Преткнувшись о великий дух;
На небеса воздели б руки
Младенцов миллионы вдруг.

Супругов чувствы благодарны,
За оживленье их детей,
Как бы пылинки лучезарны
Огнистой от стекла струей

Отпрянув, в воздухе сверкали,
Являли б пламень их сердец:
«Мы зрим в Фелице — восклицали —
Твое подобие, творец!»

Изобрази ты мне царевну
Еще и в подвигах других:
Стоглаву гидру разъяренну
И фуриев с земель своих
Чтобы гнала она геройски;
Как мать, своих спасала б чад;
Как царь, — на гордость двигла войски;
Как бог, — свергала злобу в ад.

На сребролунно государство
Простри крылатый, сизый гром;
В железнокаменное царство
Брось молньи, — и поставь вверх дном;
Орел царевнин бы ногою
Вверху рога луны сгибал,
Тогда ж бы на земле другою
У гладна льва он зев сжимал.

Чтобы ее бесстрашны войски,
От колыбели до седин,
Носили дух в себе геройский,
И отрок будто б Исполин
Врагам в сражениях казался;
Их пленник бы сказал о них:
«Никто в бою им не равнялся,
Кроме души великой их».

Чтобы вселенныя владыки
И всяк ту истину узнал:
Где войски Зороастр великий
Образовал и учреждал,
И где великую в них душу
Великая Фелица льет:
Те войски горы, море, сушу
Пройдут, — и им препоны нет.

Чтоб грозный полк их представлялся
Как страшна буря в далеке,
И Мир в порфире приближался
Тогда б к царевниной руке. —
Она б его облобызала
И ветвь его к себе взяла,
«Да будет тишина!» сказала,
И к нам бы тишина пришла.

Как ангел в синеве эфира
И Милосердия в лице,
Со кротостью в душе Зефира
С сияньем тихим звезд в венце,
Благолюбивая б царевна
В день зрелась мирна торжества;
Душа моя бы восхищенна
Была делами божества.

Из уст ее текла бы сладость,
И утишала стон вдовиц;
Из глаз ее блистала б радость,
И освещала мрак темниц;

Рука ее бы награждала
Прямых отечества сынов;
Душа ее в себе прощала
Неблагодарных и врагов.

Приятность бы сопровождала
Ее беседу, дружбу, власть;
Приветливость ее равняла
С монархом подданного часть.
Повсюду Музы, в восхищенье,
Ей сыпали б цветы сердец,
И самое недоуменье
Ей плесков поднесло б венец.

Черты одной красот ей ложно
Блюдися приписать в твой век;
Представь, каков, коль только можно,
Богоподобный человек!
Исполнь ее величеств, власти,
Бессмертных мудрости даров,
Вдохни, вдохни ей также страсти:
Щедроту, славу и любовь.

И славу моему ты взору
Ее представь как бы в ночи
Возженну бриллиантов гору,
От коей бы лились лучи
И живо в вечности играли;
На светлу оной крутизну
Калифы многие желали, —
Ползли, — скользили, — пали в тьму.

Как огнен столп на понте, взорам
К горе сей колебался б путь;
Фелица бы внушала Хлорам:
«Там розы без шипов растут».
Мурза б в восторге, в удивленьи,
Под золотым ее щитом
В татарском упражнялся пеньи
И восклицал открытым ртом:

«Бросай, кто хочет: остры стрелы
От чистой совести скользят;
Имея сердце, руки белы,
Мне стыдно мстить, стыднее лгать;
Того стыднее — в дни блаженны
За истину страшиться зла:
Моей царевной восхищенный,
Я лишь ее пою дела».

Но что Рафаэль! что ты пишешь?
Кого ты, где изобразил?
Не на холсте, не в красках дышешь,
И не металл ты оживил;
Я в сердце зрю алмазну гору,
На нем божественны черты
Сияют исступленну взору:
На нем в лучах — Фелица, ты!

НА ВЗЯТИЕ ИЗМАИЛА

О коль монарх благополучен,
Кто знает Россами владеть!
Он будет в свете славой звучен
И всех сердца в руке иметь.

Ода г. Ломоносова.

Везувий пламя изрыгает,
Столп огненный во тьме стоит,
Багрово зарево зияет,
Дым черный клубом вверх летит;
Краснеет понт, ревет гром ярый,
Ударам в след звучат удары;
Дрожит земля, дождь искр течет;
Клокочут реки рдяной лавы:
О Росс! — Таков твой образ славы,
Что зрел под Измаилом свет!

О Росс! — О род великодушный!
О твердокаменная грудь!
О исполин, царю послушный!
Когда и где ты досягнуть
Не мог тебя достойной славы?
Твои труды — тебе забавы;
Твои венцы — вкруг блеск громов:
В полях ли брань, — ты тмишь свод звездный,
В морях ли бой, — ты пенишь бездны, —
Везде ты страх твоих врагов.

На подвиг твой вождя веленьем
Ты идешь, как жених на брак.
Марс видит часто с изумленьем,
Что и в бедах твой весел зрак:
Где вкруг драконы медны ржали,
Из трех сот жерл огнем дышали,
Ты там прославился днесь вновь.
Вождь рек: «Се стены Измаила!
Да сокрушит твоя их сила! ..»
И воскипела бранна кровь.

Как воды с гор весной в долину
Низвержась, пенятся, ревут,
Волнами, льдом трясут плотину:
К твердыням Россы так текут. —
Ничто им путь не воспящает;
Смертей ли бледных полк встречает,
Иль ад скрежещет зевом к ним;
Идут, — как в тучах скрыты громы,
Как двигнуты безмолвны холмы;
Под ними стон, — за ними дым.

Идут в молчании глубоком,
Во мрачной страшной тишине,
Собой пренебрегают, роком;
Зарница только в вышине
По их оружию играет;
И только их душа сияет,
Когда на бой, на смерть идет.
Уж блещут молнии крылами,
Уж осыпаются громами;
Они молчат, — идут вперед.

Не Бард ли древний, исступленный,
Волшебным их ведет жезлом?
Нет! свыше пастырь вдохновенный
Пред ними идет со крестом;
Венцы нетленны обещает
И кровь пролить благословляет
За честь, за веру, за царя;
За ним вождей ряд пред полками,
Как бурных дней пред облаками
Идет огнистая заря. —

Идут. — Искусство зрит заслугу,
И сколь их дух был тут велик,
Вещает слух земному кругу:
Но мне их раздается крик;
По лествицам на град, на стогны,
Как шумны волны через волны,
Они возносятся челом;
Как угль, — их взоры раскаленны,
Как львы на тигров устремленны, —
Бегут, стеснясь, на огнь, на гром.

О! что за зрелище предстало?
О пагубный, о страшный час!
Злодейство что ни вымышляло,
Поверглось, Россы, все на вас!
Зрю камни, ядра, вар и бревны: —
Но чем Герои устрашены?
Чем может отражен быть Росс? —
Тот лезет по бревну на стену;
А тот летит с стены в геенну;
Всяк Курций, Деций, Буароз!

Всяк помнит должность, честь и веру,
Всяк душу и живот кладет.
О Россы! нет вам, нет примеру;
И смерть сама вам лавр дает.
Там в грудь, в сердца лежат пронзенны,
Без сил, без чувств, полмертвы, бледны;
Но мнят еще стерть вражий рог:
Иной движеньем ободряет,
А тот с победой восклицает:
Екатерина! — с нами бог!

Какая в войсках храбрость рьяна!
Какой великий дух в вождях!
В одних душа, рассудком льдяна:
У тех пылает огнь в сердцах.
В зиме рожденны под снегами,
Под молниями, под громами,
Которых с самых юных дней
Питала слава, верность, вера:
Где можно вам сыскать примера?
Не посреди ль стихийных прей?

Представь: по светлости лазуря,
По наклонению небес,
Взошла чернобагрова буря
И грозно возлегла на лес;
Как страшна нощь, надулась чревом,
Дохнула с свистом, воем, ревом,
Помчала воздух, прах и лист;
Под тяжкими ее крылами
Упали кедры вверх корнями,
И затрещал Ливан кремнист.

Представь последний день природы,
Что пролилася звезд река;
На огнь пошли стеною воды,
Бугры взвились за облака;
Что вихри тучи к тучам гнали,
Что мрак лишь молньи освещали,
Что гром потряс всемирну ось,
Что солнце мглою покровенно
Ядро казалось раскаленно:
Се вид, как вшел в Измаил Росс!

Вошел! — не бойся, рек, — и всюды
Простер свой троегранный штык:
Поверглись тел кровавы груды,
Напрасно слышан жалоб крик;
Напрасно, — бранны человеки! —
Вы льете крови вашей реки,
Котору должно бы беречь:
Но с самого веков начала
Война народы пожирала,
Священ стал долг: рубить и жечь!

Тот мыслит овладеть всем миром,
Тот не принять его оков;
Вселенной царь стал врану пиром,
Герои — снедию волков.
Увы! пал крин, и пали терны. —
Почто ж? — Судьбы небесны темны; —
Я здесь пою лишь браней честь.
Нас горсть, — но полк лежит пред нами;
Нас полк; — но с тысячьми и тьмами
Мы низложили город в персть.

И се уже шумя стремится
Кровавой пены полн Дунай,
Пучина черная багрится,
Спершись от трупов, с краю в край;
Уже беднеюща Мармора
Дрожит пловуща к ней позора,
Костры тел видя за костром!
Луна полна на башнях крови,
Поникли гордой Мекки брови;
Стамбул склонился вниз челом.

О! ежели издревле миру
Побед славнейших звук гремит,
И если приступ славен к Тиру:
К Измайлу больше знаменит.
Там был вселенной покоритель,
Машин и башен сам строитель,
Горой он море запрудил:
А здесь вождя одно веленье
Свершило храбрых Россов рвенье;
Великий дух был вместо крыл.

Услышь, услышь, о ты, вселенна!
Победу смертных выше сил;
Внимай Европа удивленна,
Каков сей Россов подвиг был.
Языки знайте, вразумляйтесь,
В надменных мыслях содрогайтесь;
Уверьтесь сим, что с нами бог;
Уверьтесь, что его рукою
Один попрет вас Росс войною,
Коль встать из бездны зол возмог!

Я вижу страшную годину: —
Его три века держит сон,
Простертую под ним долину
Покрыл везде колючий терн;
Лице туман подернул бледный,
Ослабли мышцы удрученны,
Скатилась в мрак глава его;
Разбойники вокруг суровы
Взложили тяжкие оковы,
Змия на сердце у него.

Он спит! — и несекомы гады
Румяный потемняют зрак,
Войны опустошают грады,
Раздоры пожирают злак;
Чуть зрится блеск его короны,
Страдает вера и законы,
И ты, к отечеству любовь!
Как зверь, — его Батый рвет гладный,
Как змей сосет лжецарь коварный:
Повсюду пролилася кровь!

Лежал он во своей печали,
Как темная в пустыне ночь;
Враги его рукоплескали,
Друзья не мыслили помочь,
Соседи грабежом алкали;
Князья, бояра в неге спали
И ползали в пыли, как червь;
Но бог, но дух его великий
Сотряс с него беды толики, —
Расторгнул лев железну вервь!

Восстал! — как утром холм высокой
Встает, подъемляся челом
Из мглы широкой и глубокой,
Разлитой вкруг его, — и гром
Поверх главы в ничто вменяя,
Ногами волны попирая,
Пошел: — и кто возмог против? —
От шлема молнии скользили,
И океаны уступили,
Стопам его пути открыв.

Он сильны орды пхнул ногою,
Края Азийски потряслись;
Упали царства под рукою,
Цари, царицы в плен влеклись;
И победителей разитель,
Монархий света разрушитель
Простерся под его пятой:
В Европе грады брал, тряс троны,
Свергал царей, давал короны
Могущею своей душой.

Где есть народ в краях вселенны,
Кто б столько сил в себе имел:
Без помощи, от всех стесненный,
Ярем с себя низвергнуть смел,
И вырвав бы венцы лавровы,
Возверг на тех самих оковы,
Кто столько свету страшен был?
О Росс! твоя лишь добродетель
Таких великих дел содетель;
Лишь твой орел луну затмил.

Лишь ты, простря твои победы,
Умел щедроты расточать:
Поляк, Турк, Перс, Прус, Хин и Шведы
Тому примеры могут дать. —
На тех ты зришь спокойно стены,
Тем паки отдал грады пленны;
Там унял прю, тут бунт смирил;
И сколь ты был их победитель,
Не меньше друг, благотворитель,
Свое лишь только возвратил.

О кровь Славян! — Сын предков славных!
Несокрушаемый колосс!
Кому в величестве нет равных,
Возросший на полсвете Росс!
Твои коль славны древни следы!
Громчай суть нынешни победы:
Зрю вкруг тебя лавровый лес;
Кавказ и Тавр ты преклоняешь,
Вселенной на среду ступаешь
И досязаешь до небес.

Уже в Эвксине с полунощи
Меж вод и звезд лежит туман,
Под ним плывут дремучи рощи;
Средь них, как гор отломок льдян,
Иль мужа нека тень седая
Сидит, очами озирая:
Как полный месяц щит его,
Как сосна, рында обоженна,
Глава до облак вознесенна, —
Орел над шлемом у него.

За ним златая колесница
По розовым летит зарям;
Седящая на ней царица,
Великим равная мужам,
Рукою держит крест одною,
Возженный пламенник другою,
И сыплет блески на Босфор;
Уже от северного света
Лице бледнеет Магомета,
И мрачный отвратил он взор.

Не вновь ли то Олег к Востоку
Под парусами флот ведет,
И Ольга к древнему потоку
Занятый ею свет лиет?
Иль Россов идет дух военный,
Христовой верой провожденный,
Ахеян спасть, Агарян стерть?
Я слышу, громы ударяют,
Пророки, камни возглашают:
То будет ныне, или впредь!

О! вы, что в мыслях суетитесь
Столь славный Россу путь претить,
Помочь врагу христову тщитесь
И вере вашей изменить!
Чем столько поступать неправо,
Сперва исследуйте вы здраво
Свой путь, цель Росса, суд небес;
Исследуйте и заключите:
Вы с кем и на кого хотите? —
И что ваш Року перевес?

Ничто; — коль Росс рожден судьбою
От варварских хранить вас уз,
Темиров попирать ногою,
Блюсть ваших от Омаров муз,
Отмстить крестовые походы,
Очистить Иордански воды,
Священный гроб освободить,
Афинам возвратить Афину,
Град Константинов Константину
И мир Афету водворить.

Афету мир? — О труд избранный!
Достойнейший его детей,
Великими людьми желанный,
Свершишься ль ты средь наших дней?..
Доколь Европа просвещенна
С перуном будет устремлена
На кровных братиев своих?
Не лучше ль внутрь раздор оставить
И с Россом грудь одну составить
На общих супостат твоих?

Дай руку! — и пожди спокойно;
Сие и Росс один свершит,
За беспрепятствие достойно
Тебя трофеем наградит. —
Дай руку! — дай залог любови!
Не лей твоей и нашей крови,
Да месть всем в грудь нам не взойдет:
Пусть только ум Екатерины,
Как Архимед, создаст машины;
А Росс вселенной потрясет.

Чего не может род сей славный,
Любя царей своих, свершить?
Умейте лишь, главы венчанны!
Его бесценну кровь щадить. —
Умейте дать ему вы льготу,
К делам великим дух, охоту,
И правотой сердца пленить. —
Вы можете его рукою
Всегда, войной и не войною,
Весь мир себя заставить чтить.

Война, — как северно сиянье,
Лишь удивляет чернь одну:
Как светлой радуги блистанье,
Всяк мудрый любит тишину.
Что благовонней аромата?
Что слаще меда, краше злата,
И драгоценнее порфир?
Не ты ль, которого всем взгляды
Лиют обилие прохлады,
Прекрасный и полезный мир?

Приди, о кроткий житель неба,
Эдемской гражданин страны!
Приди! — и как сопутник Феба,
Дух теплотворный, бог весны,
Дохни везде твоей душою!
Дохни, — да расцветет тобою
Рай сладости в домах, в сердцах!
Под сению Екатерины
Венчанны лавром исполины
Возлягут на своих громах.

Премудрость царствы управляет;
Крепит их вера, правый суд;
Их труд и мир обогащает,
Любовию они цветут.
О пол прекрасный и почтенный,
Кем Россы рождены, кем пленны!
И вам днесь предлежат венцы.
Плоды побед суть звуки славы,
Побед основа тверды нравы:
А добрых нравов вы творцы!

Когда на брани вы предметов
Лишилися любви своей,
И если без войны, наветов,
Полна жизнь наша слез, скорбей:
Утешьтесь! — Ветры в ветры дуют
Стихии меж собой воюют;
Сей свет — училище терпеть.
И брань коль восстает судьбою,
Сын Россиянки среди бою
Со славой должен умереть.

А слава тех не умирает,
Кто за отечество умрет;
Она так в вечности сияет,
Как в море ночью лунный свет.
Времен в глубоком отдаленьи
Потомство тех увидит тени,
Которых мужествен был дух.
С гробов их в души огнь польется,
Когда по рощам разнесется
Бессмертной лирой дел их звук.

ЛЮБИТЕЛЮ ХУДОЖЕСТВ

Сойди, любезная Эрата!
С горы зеленой, двухолмистой,
В одежде белой, серебристой,
Украшенна венцом и поясом из злата,
С твоею арфой сладкогласной! —
Сойди утех собор,
И брось к нам нежнострастной
С улыбкою твой взор;
И царствуй вечно в доме сем
На берегах Невы прекрасных!
Любителю наук изящных,
Мы песнь с тобою воспоем.

Небеса, внемлите
Чистый сердца жар,
И с высот пошлите
Песен сладкий дар.
О! мольба прилежна,
Как роса взнесись:
К нам ты, Муза нежна,
Как Зефир, спустись!

Как легкая серна
Из дола в дол, с холма на холм
Перебегает;

Как белый голубок, она
То вниз, то вверх, под облачком
Перелетает;
С небесных светлых гор дорогу голубую
Ко мне в минуту перешла,
И арфу золотую
С собою принесла;
Резвилась вкруг меня, ласкалася, смотрела
И, будто ветерочек, села
На лоне у меня.
Тут вдруг, веселый вид на важный пременя,
Небесным жаром воспылала,
На арфе заиграла.

Ее белорумяны персты
По звучным бегают струнам;
Взор черноогненный, отверстый,
Как молния во след громам,
Блистает, жжет и поражает
Всю внутренность души моей;
Томит, мертвит и оживляет
Меня приятностью своей.

Боги взор свой отвращают
От нелюбящего Муз,
Фурии ему влагают
В сердце чорство грубый вкус,
Жажду злата и сребра.—
Враг он общего добра!

Ни слеза вдовиц не тронет,
Ни сирот несчастных стон;

Пусть в крови вселенна тонет,
Был бы счастлив только он;
Больше б собрал серебра. —
Враг он общего добра!

Напротив того взирают
Боги на любимца Муз,
Сердце нежное влагают
И изящный нежный вкус;
Всем душа его щедра. —
Друг он общего добра!

Отирает токи слезны,
Унимает скорбный стон;
Сиротам отец любезный,
Покровитель Музам он;
Всем душа его щедра. —
Друг он общего добра!

О день! о день благоприятный!
Несутся ветром голоса,
Курятся крины ароматны,
Склонились долу небеса;
Лазурны тучи, краезлаты,
Блистающи рубином сквозь,
Как испещренный флот, богатый,
Стремятся по эфиру вкось;
И плавая туда,
Сюда,
Спускаются пред нами.
На них сидит небесных Муз собор,
Вкруг Гениев крылатых хор, —

Летят, вслед тянутся цепями,
Как бы весной
Разноперистых птичек рой
Вьет воздух за собою
Кристальною струею,
И провождает к нам дев горних красный лик!
Я слышу вдалеке там резкий трубный зык;
Там бубнов гром,
Там стон
Волторн
Созвучно в воздух ударяет;
Там глас свирелей
И звонких трелей
Сквозь их изредка пробегает.
Как соловьиный свист, сквозь шум падущих
вод.
От звука разных голосов,
Встречающих полубогов
На землю сход,
По рощам эхо, как хохочет,
По мрачным, горным дебрям ропчет
И гул глухой в глуши гудет. —
Я слышу сонм небесных дев поет:

Науки смертных просвещают,
Питают, облегчают труд;
Художествы их украшают,
И к вечной славе их ведут.
Благополучны те народы,
Которы красотам природы
Искусством могут подражать,
Как пчелы мед с цветов сбирать,

Блажен тот муж, блажен стократно,
Кто покровительствует им!
Вознаградят его обратно
Они бессмертием своим.

Наполнил грудь восторг священный,
Благоговейный обнял страх,
Приятный ужас потаенный
Течет во всех моих костях;
В весельи сердце утопает,
Как будто бога ощущает
Присутствующего со мной!
Я вижу, вижу Аполлона
В тот миг, как он сразил Тифона
Божественной своей стрелой:
Зубчата молния сверкает,
Звенит в руке священный лук;
Ужасная змия зияет
И в миг свой испущает дух,
Чешуйчатым хвостом песок перегребая,
И черну кровь ручьем из раны испуская,
Я зрю сие, — и в миг себе представить мог,
Что так невежество сражает света бог.

Полк бледных теней окружает
И ужасает дух того,
Кто кровью руки умывает
Для властолюбья своего;
И черный змей то сердце гложет,
В ком зависть, злость и лесть живет;
И кто своим добром жить может,
Но для богатства мзду берет.

Порок спокоен не бывает;
Нрав варварский его мятет,
Наук, художеств не ласкает,
И света свет ему не льет. —
Как зверь, — он ищет места темна;
Как змей, — он ползая шипит;
Душа коварством напоенна
Глазами прямо не глядит.

Черные мраки,
Злые призраки
Ужасных страстей!
Бегите из града,
Сокройтесь в дно ада
От наших вы дней!
Света перуны,
Лирные струны,
Минервин эгид!
Сыпьте в злость стрелы,
Брань за пределы
От нас да бежит!

Как солнце гонит нощи мрак,
И от его червлена злата
Румянится природы зрак:
Веселорезвая Эрата!
Ты ходишь по лугам зеленым
И рвешь тогда себе цветы,
Свободным духом, восхищенным,
Поешь свои утехи ты;
Во след тебе забав собор,
Певиц приятных хор,

Наяды пляшут и Фауны:
Составь же ты, прелестно божество!
И нам теперя торжество,
Да сладкогласной лиры струны,
Твоею движимы рукой,
Возбудят всех ко пляскам пред тобой.

Радостно, весело в день сей
Вместе сбирайтеся, други!
Бросьте свои недссуги,
Скачите, пляшите смелей:
Бейте в ладоши руками,
Щолкайте громко перстами,
Чорны глаза поводите,
Станом вы всем говорите;
Фертиком руки вы в боки,
Делайте легкие скоки;
Чобот о чобот стучите,
С наступью смелой свищите,
Молвьте, спасибо, душею
Мужу тому, что снисходит
Лаской, любовью своею,
Всем нам веселье находит.
Здравствуй же, Муз днесь любитель!
Здравствуй, их всех покровитель!

ПРОГУЛКА В САРСКОМ СЕЛЕ

В прекрасный майский день,
В час ясныя погоды,
Как всюду длинна тень,
Ложась в стекляны воды,
В их зеркале брегов
Изображала виды;
И как между столпов
И зданиев Фемиды,
Сооруженных ей
Героев Росских в славу,
При гласе лебедей,
В прохладу и забаву,
Вечернею порой
От всех уединяясь,
С Пленирою младой
Мы, в лодочке катаясь,
Гуляли в озерке:
Она в корме сидела,
А посредине я.
За нами в след летела
Жемчужная струя,
Кристал шумел от весел:
О сколько с нею я
В прогулке сей был весел!

Любезная моя —
Я тут сказал — Пленира!
Тобой пленен мой дух,
Ты дар всего мне мира.
Взгляни, взгляни вокруг,
И виждь, красы природы
Как бы стеклись к нам вдруг:
Сребром сверкают воды,
Рубином облака,
Багряным златом кровы;
Как огненна река,
Свет ясный, пурпуровый,
Объял все воды вкруг;
Смотри в них рыб плесканье,
Плывущих птиц на луг
И крыл их трепетанье.

Весна во всех местах
Нам взор свой осклабляет,
В зеленых муравах
Ковры нам подстилает;
Послушай рога рев,
Там эха хохотанье;
Тут шопоты ручьев,
Здесь розы воздыханье!
Се ветер помавал
Крылами тихо слуху.

Какая пища духу!
В восторге я сказал;
Коль красен взор природы
И памятников вид,

Они где зрятся в воды,
И соловей сидит
Где близь и воспевает
Зря розу, иль зарю!
Он будто изъявляет
И богу и царю
Свое благодаренье:
Царю, — за память слуг;
Творцу, — что влил стремленье
К любви всем тварям в дух.
И ты, сидя при розе,
Так, дней весенних сын,
Пой, Карамзин! — И в прозе
Глас слышен соловьин.

КО ВТОРОМУ СОСЕДУ

Не кость резная Колмогор,
Не мрамор Тифды и Рифея,
Не Невски зеркала, фарфор,
Не шелк Баки, не глазумея
Благоуханные пары
Вельможей делают известность;
Но некий твердый дух и честность,
А паче Муз дары.

Почто же, мой вторый сосед,
Столь зданьем пышным, столь отличным,
Мне солнца застеняя свет,
Двором межуешь безграничным
Ты дому моего забор?
Ужель полей, прудов и речек,
Тьмы скупленных тобой местечек
Твой не насытят взор?

В тот миг, как с пошвы до конька
И около, презренным взглядом,
Мое строение слегка
С своим обозревая рядом,

Ты в гордости своей с высот
На низменны мои мнишь кровы
Навесить темный сад кедровый
И шумны токи вод:

Кто весть, что рок готовит нам?
Быть может, что сии чертоги,
Назначенны тобой царям,
Жестоки времена и строги
Во стойлы конски обратят.
За счастие поруки нету,
И чтоб твой Феб светил век свету,
Не бейся об заклад.

Так, так: — но примечай, как день
Увы! — ночь темна затмевает;
Луну скрывает облак, тень;
Она растет, иль убывает:
С сумой не ссорься и тюрьмой.
Хоть днесь к звездам ты высишь стены,
Но знай: — ты прах одушевленный,
И скроешься землёй.

Надежней гроба дома нет,
Богатым он отверст и бедным;
И царь и раб в него придет:
К чему ж с столь рвеньем ты безмерным
Свой постоялый строишь двор,
И ах! сокровищи Тавриды
На барках свозишь в пирамиды
Средь полицейских ссор?

Любовь граждан и слава нам
Лишь воздвигают прочны домы;
Они, подобно небесам,
Стоят и презирают громы.
Зри, хижина Петра до днесь,
Как храм, нетленна средь столицы!
Свят дом, — под кой народ гробницы
Матвееву принес!

Рабочих в шуме голосов,
Машин во скрыпе, во стенаньи,
Средь громких песен и пиров
Трудись, сосед, и строй ты зданьи;
Но мой не отнимай лишь свет.
А то оставь молве правдивой
Решить: чей дом скорей крапивой,
Иль плющем зарастет?

ВОДОПАД

Алмазна сыплется гора
С высот четыремя скалами,
Жемчугу бездна и сребра
Кипит внизу, бьет вверх буграми;
От брызгов синий холм стоит,
Далече рев в лесу гремит.

Шумит, — и средь густого бора
Теряется в глуши потом;
Луч чрез поток сверкает скоро;
Под зыбким сводом древ, как сном
Покрыты волны, тихо льются,
Рекою млечною влекутся.

Седая пена по брегам
Лежит буграми в дебрях темных;
Стук слышан млатов по ветрам,
Визг пил и стон мехов подъемных:
О водопад! в твоем жерле
Все утопает в бездне, в мгле!

Ветрами ль сосны пораженны? —
Ломаются в тебе в куски;
Громами ль камни отторженны? —

Стираются тобой в пески;
Сковать ли воду льды дерзают? —
Как пыль стекляна ниспадают.

Волк рыщет вкруг тебя, и страх
В ничто вменяя, становится;
Огонь горит в его глазах,
И шерсть на нем щетиной зрится; —
Рожденный на кровавый бой,
Он воет согласясь с тобой.

Лань идет робко, чуть ступает,
Вняв вод твоих падущих рев,
Рога на спину приклоняет
И быстро мчится меж дерев;
Ее страшит вкруг шум, бурь свист
И хрупкий под ногами лист.

Ретивый конь, осанку горду
Храня, к тебе порой идет;
Крутую гриву, жарку морду
Подняв, храпит, ушми прядет;
И подстрекаем быв, бодрится,
Отважно в хлябь твою стремится.

Под наклоненным кедром вниз,
При страшной сей красе Природы,
На утлом пне, который свис
С утеса гор на яры воды,
Я вижу, некий муж седой
Склонился на руку главой.

Копье и меч и щит великой,
Стена отечества всего,
И шлем, обитый павеликой,
Лежат во мху у ног его:
В броне блистая златордяной,
Как вечер во заре румяной, —

Сидит, — и взор вперя к водам,
В глубокой думе рассуждает:
Не жизнь ли человеков нам
Сей водопад изображает? —
Он также блеском струй своих
Поит надменных, кротких, злых.

Не так ли с неба время льется,
Кипит стремление страстей,
Честь блещет, слава раздается,
Мелькает счастье наших дней,
Которых красоту и радость
Мрачат печали, скорби, старость?

Не зрим ли всякий день гробов,
Седин дряхлеющей вселенной?
Не слышим ли в бою часов
Глас смерти, двери скрып подземной?
Не упадает ли в сей зев
С престола царь и друг царев?

Падут, — и вождь непобедимый,
В Сенате Цезарь средь похвал,
В тот миг, желал как диадимы,

Закрыв лице плащом, упал,
Исчезли замыслы, надежды,
Сомкнулись алчны к трону вежды.

Падут, — и несравненный муж,
Торжеств несметных с колесницы,
Пример великих в свете душ,
Презревший прелесть багряницы,
Пленивший Велизар царей
В темнице пал, лишен очей.

Падут. — И не мечты прельщали
Когда меня в цветущий век,
Давно ли города встречали,
Как в лаврах я, в оливах тек?
Давно ль? — Но ах! теперь во брани
Мои не мещут молний длани!

Ослабли силы, буря вдруг
Копье из рук моих схватила;
Хотя и бодр еще мой дух,
Судьба побед меня лишила.
Он рек, — и тихим позабылся сном,
Морфей покрыл его крылом.

Сошла Октябрьска нощь на землю,
На лоно мрачной тишины;
Нигде я ничего не внемлю,
Кроме ревущия волны,
О камни с высоты дробимой,
И снежною горою зримой.

Пустыня, взор насупя свой,
Утесы и скалы дремали;
Волнистой облака грядой
Тихонько мимо пробегали,
Из коих трепетна, бледна
Проглядывала вниз луна.

Глядела, и едва блистала,
Пред старцем преклонив рога,
Как бы с почтеньем познавала
В нем своего того врага,
Которого она страшилась,
Кому вселенная дивилась.

Он спал, — и чудотворный сон
Мечты ему являл Геройски:
Казалося ему, что он
Непобедимы водит войски;
Что вкруг его перун молчит,
Его лишь мановенья зрит.

Что огнедышущи за перстом
Ограды в след его идут;
Что в поле гладком, вкруг отверстом,
По слову одному растут
Полки его из скрытых станов,
Как холмы в море из туманов.

Что только по траве росистой
Ночные знать его шаги;
Что утром пыль, под твердью чистой,

Уж поздно зрят его враги;
Что остротой своих зениц
Блюдет он их, как ястреб птиц.

Что, положа чертеж и меры,
Как волхв невидимый, в шатре,
Тем кажет он в долу химеры,
Тем в тиграх агнцов на горе,
И вдруг решительным умом
На тысячи бросает гром.

Что орлю дерзость, гордость лунну
У черных и янтарных волн,
Смирил Колхиду златорунну,
И белого царя урон
Рая вечерня пред границей
Отмстил победами сторицей.

Что, как румяной луч зари,
Страну его покрыла слава;
Чужие вожди и цари,
Своя владычица, держава,
И все везде его почли,
Триумфами превознесли.

Что образ, имя и дела
Цветут его средь разных глянцов;
Что верх сребристого чела
В венце из молненных румянцов
Блистает в будущих родах,
Отсвечиваяся в сердцах.

Что зависть от его сиянья
Свой бледный потупляя взор,
Среди безмолвного стенанья
Ползет и ищет токмо нор,
Куда бы от него сокрыться,
И что никто с ним не сравнится.

Он спит, — и в сих мечтах веселых
Внимает завыванье псов,
Рев ветров, скрып дерев дебелых,
Стенанье филинов и сов,
И вещих глас вдали животных,
И тихий шорох вкруг бесплотных.

Он слышит: сокрушилась ель,
Станица вранов встрепетала,
Кремнистый холм дал страшну щель,
Гора с богатствами упала;
Грохочет эхо по горам,
Как гром гремящий по громам.

Он зрит одету в ризы черны
Крылату некую жену,
Власы имевшу распущенны,
Как смертну весть, или войну,
С косой в руках, с трубой стоящу,
И слышит он — проснись! — гласящу.

На шлеме у нее орел
Сидел с перуном помраченным,
В нем герб отечества он зрел;

И быв мечтой сей возбужденным,
Вздохнул, и испустя слез дождь,
Вещал: «Знать умер некий вождь!

Блажен, когда, стремясь за славой,
Он пользу общую хранил,
Был милосерд в войне кровавой
И самых жизнь врагов щадил;
Благословен средь поздных веков
Да будет друг сей человеков!

Благословенна похвала
Надгробная его да будет,
Когда всяк жизнь его, дела,
По пользам только помнить будет;
Когда не блеск его прельщал
И славы ложной не искал!

О! слава, слава в свете сильных!
Ты точно есть сей водопад.
Он вод стремлением обильных
И шумом льющихся прохлад
Великолепен, светл, прекрасен,
Чудесен, силен, громок, ясен;

Дивиться вкруг себя людей
Всегда толпами собирает;
Но если он водой своей
Удобно всех не напояет,
Коль рвет брега, — и в быстротах
Его нет выгод смертным: — ах!

Не лучше ль менее известным,
А более полезным быть;
Подобясь ручейкам прелестным,
Поля, луга, сады кропить,
И тихим в далеке журчаньем
Потомство привлекать с вниманьем?

Пусть на обросший дерном холм
Приидет путник и воссядет,
И наклонясь своим челом
На подписанье гроба, скажет:
Не только славный лишь войной,
Здесь скрыт великий муж душой.

О! будь бессмертен, Витязь бранный,
Когда ты весь соблюл свой долг!» —
Вещал сединой муж венчанный,
И в небеса воззрев, умолк. —
Умолк, — и глас его промчался,
Глас мудрый всюду раздавался.

Но кто там идет по холмам,
Глядясь, как месяц, в воды чорны?
Чья тень спешит по облакам
В воздушные жилища горны?
На темном взоре и челе
Сидит глубока дума в мгле!

Какой чудесный дух крылами
От севера парит на юг?
Ветр медлен течь его стезями,

Обозревает царствы вдруг;
Шумит, и как звезда блистает,
И искры в след свой рассыпает.

Чей труп, как на распутьи мгла,
Лежит на темном лоне нощи?
Простое рубище чресла,
Два лепта покрывают очи,
Прижаты к хладной груди персты,
Уста безмолвствуют отверсты!

Чей одр — земля; кров — воздух синь;
Чертоги — вкруг пустынны виды?
Не ты ли счастья, славы сын,
Великолепный князь Тавриды?
Не ты ли с высоты честей
Незапно пал среди степей?

Не ты ль наперсником близь трона
У северной Минервы был;
Во храме Муз — друг Аполлона;
На поле Марса вождем слыл;
Решитель дум в войне и мире,
Могущ — хотя и не в порфире?

Не ты ль, который взвесить смел
Мощь Росса, дух Екатерины,
И опершись на них, хотел
Вознесть твой гром на те стремнины,
На коих древний Рим стоял
И всей вселенной колебал?

Не ты ль, который орды сильны
Соседей хищных истребил,
Пространны области пустынны
Во грады, в нивы обратил,
Покрыл понт черный кораблями,
Потряс среду земли громами?

Не ты ль, который знал избрать
Достойный подвиг Росской силе,
Стихии самые попрать
В Очакове и в Измаиле,
И твердой дерзостью такой
Быть дивом храбрости самой?

Се ты, отважнейший из смертных!
Парящий замыслами ум!
Не шел ты средь путей известных,
Но проложил их сам, — и шум
Оставил по себе в потомки; —
Се ты, о чудный вождь Потемкин!

Се ты, которому врата
Торжественные созидали;
Искусство, разум, красота
Недавно лавр и мирт сплетали;
Забавы, роскошь вкруг цвели,
И счастье с славой следом шли.

Се ты, небесного плод дара
Кому едва я посвятил,
В созвучность громкого Пиндара

Мою настроить лиру мнил,
Воспел победу Измаила,
Воспел: — но смерть тебя скосила!

Увы! и хоров сладкий звук
Моих в стенанье превратился;
Свалилась лира с слабых рук,
И я там в слезы погрузился,
Где бездна разноцветных звезд
Чертог являли райских мест.

Увы! — и громы онемели,
Ревущие тебя вокруг;
Полки твои осиротели,
Наполнили рыданьем слух;
И все, что близь тебя блистало,
Уныло и печально стало.

Потух лавровый твой венок,
Гранена булава упала,
Меч в пол-ножны войти чуть мог,
Екатерина возрыдала!
Полсвета потряслось за ней
Незапной смертию твоей!

Оливы свежи и зелены
Принес и бросил Мир из рук;
Родства и дружбы вопли, стоны,
И Муз Ахейских жалкий звук
Вокруг Перикла раздается:
Марон по Меценате рвется,

Который почестей в лучах,
Как некий царь, как бы на троне,
На сребророзовых конях,
На златозарном фаэтоне,
Во сонме всадников блистал,
И в смертный черный одр упал!

Где слава? — Где великолепье?
Где ты, — о сильный человек?
Мафусаила долголетье
Лишь было б сон, лишь тень наш век;
Вся наша жизнь ничто иное,
Как лишь мечтание пустое.

Иль нет! — тяжелый некий шар
На нежном волоске висящий,
В который бурь, громов удар
И молнии небес ярящи
Отвсюду беспрестанно бьют,
И ах! зефиры легки рвут.

Единый час, одно мгновенье
Удобны царствы поразить,
Одно стихиев дуновенье
Гигантов в прах преобразить;
Их ищут места — и не знают:
В пыли Героев попирают!

Героев? — Нет! — но их дела
Из мрака и веков блистают;
Нетленна память, похвала

И из развалин вылетают,
Как холмы гробы их цветут;
Напишется Потемкин труд.

Театр его — был край Эвксина,
Сердца обязанные — храм;
Рука с венцом — Екатерина;
Гремяща слава — фимиам;
Жизнь — жертвенник торжеств и крови,
Гробница ужаса, любови.

Когда багровая луна
Сквозь мглу блистает темной нощи,
Дуная мрачная волна
Сверкает кровью, и сквозь рощи
Вкруг Измаила ветр шумит,
И слышан стон: — что Турок мнит?

Дрожит, — и во очах сокрытых
Ему еще штыки блестят,
Где сорок тысяч вдруг убитых
Вкруг гроба Вейсмана лежат.
Мечтаются ему их тени,
И Росс в крови их по колени!

Дрожит, — и обращает взгляд
Он робко на окрестны виды;
Столпы на небесах горят
По суше, по морям Тавриды!
И мнит, в Очакове что вновь
Течет его и мерзнет кровь.

Но в ясный день, средь светлой влаги,
Как ходят рыбы в небесах,
И вьются полосаты флаги,
Наш флот на вздутых парусах
Вдали белеет на Лиманах:
Какое чувство в Россиянах?

Восторг, восторг они, — а страх
И ужас Турки ощущают;
Им мох и терны во очах,
Нам лавр и розы расцветают
На мавзолеях у вождей,
Властителей земель, морей.

Под древом, при заре вечерней,
Задумчиво любовь сидит,
От цитры ветерок весенний
Ее повсюду голос мчит;
Перлова грудь ее вздыхает,
Геройский образ оживляет.

Поутру солнечным лучом
Как монумент златый зажжется,
Лежат объяты серны сном
И пар вокруг холмов виется,
Пришедши старец надпись зрит:
«Здесь труп Потемкина сокрыт!»

Алцибиадов прах! — И смеет
Червь ползать вкруг его главы?
Взять шлем Ахиллов не робеет,

Нашедши в поле, Фирс? — увы!
И плоть, и труд коль истлевает:
Что ж нашу славу составляет?

Лишь истина дает венцы
Заслугам, кои не увянут;
Лишь истину поют певцы,
Которых вечно не престанут
Греметь перуны сладких лир;
Лишь праведника свят кумир.

Услышьте ж, водопады мира!
О славой шумные главы!
Ваш светел меч, цветна порфира,
Коль правду возлюбили вы,
Когда имели только мету,
Чтоб счастие доставить свету.

Шуми, шуми, о водопад!
Касаяся странам воздушным,
Увеселяй и слух и взгляд
Твоим стремленьем светлым, звучным,
И в поздней памяти людей
Живи лишь красотой твоей!

Живи! — и тучи пробегали
Чтоб редко по водам твоим,
В умах тебя не затмевали
Разженный гром и черный дым;
Чтоб был вблизи, вдали любезен
Ты всем; сколь дивен, столь полезен.

И ты, о водопадов мать!
Река на севере гремяща,
О Суна! коль с высот блистать
Ты можешь, — и от зарь горяща,
Кипишь и сеешься дождем
Сафирным, пурпурным огнем:

То тихое твое теченье,
Где ты сама себе равна,
Мила, быстра и не в стремленье
И в глубине твоей ясна,
Важна без пены, без порыву,
Полна, велика без разливу;

И без примеса чуждых вод
Поишь златые в нивах бреги.
Великолепный свой ты ход
Вливаешь в светлый сонм Онеги:
Какое зрелище очам!
Ты тут подобна небесам.

НА УМЕРЕННОСТЬ

Благополучнее мы будем,
Коль не дерзнем в стремленье волн,
Ни в вихрь, робея, не принудим
Близь берега держать наш чолн.—
Завиден тот лишь состояньем,
Кто среднею стезей идет,
Ни благ не восхищен мечтаньем,
Ни тьмой не ужасаем бед;
Умерен в хижине, чертоге,
Равен в покое и тревоге.

Собрать не алчет миллионов,
Не скалится на жирный стол;
Не требует ничьих поклонов,
И не лощит ничей сам пол;
Не вьется в душу к царску другу,
Не ловит таинств и не льстит;
Готов на труд и на услугу,
И добродетель токмо чтит.—
Хотя и царь его ласкает,
Он носа вверх не поднимает.

Он видит, что и дубы мшисты
Крехтят, падут с вершины гор,
Перун дробит бугры кремнисты
И пожигает влажный бор.
Он видит, с белыми горами
Вверх скачут с шумом корабли;
Ревут, и черными волнами
Внутрь погребаются земли;
Он видит, — и судьбе послушен,
В пременах света равнодушен.

Он видит, — и душой мужаясь,
В несчастии надежды полн;
Под счастьем же, не утомляясь,
В беспечный не вдается сон;
Себя и ближнего покоя,
Чтит бога, веру и царей;
Царств метафизикой не строя,
Смеется, зря на пузырей,
Летящих флотом к небу с грузом,
И вольным быть не мнит французом.

Он ведает: доколе страсти
Волнуются в людских сердцах,
Нет вольности, нет равной части
Царю в венце, рабу в цепях;
Несет свое всяк в свете бремя,
Других всяк жертва и тиран,
Течет в свое природа стремя;
А сей закон, коль в век ей дан,
Коль в век мы под страстьми стенаем:
Каких же дней златых желаем?

Всяк долгу раб. — Я не мечтаю
На воздухе о городах;
Всем счастливых путей желаю
К фортуне по льду на коньках.
Пускай Язон с Колхиды древней
Златое сбрил себе руно;
Крез завладел чужой деревней,
Марс откуп взял, мне все равно,
Я не завидлив на богатство
И царских сумм на святотатство.

Когда судьба качает в люльке,
Благословляю часть мою;
Нет дел, — играю на бирюльке,
Средь Муз с Горацием пою;
Но если б царь где добрый, редкой
Велел мне грамотки писать,
Я б душу не вертел рулеткой,
А стал бы пнем, — и стал читать
Равно о людях, о болванах,
О добродетелях в карманах.

А ежели б когда и скушно
Меня изволил он принять,
Любя его, я равнодушно
И горесть стал бы ощущать,
И шел к нему опять со вздором
Суда и милости просить.
Рано когда б и светлым взором
Со мной он вздумал пошутить,
И у меня просить прощенья:
Не заплясал бы с восхищенья.

Но с рассужденьем удивлялся
Великодушию его,
Не вдруг на похвалы пускался;
А в жаре сердца моего
Воспел его бы без притворства,
И в сказочке сказал под час:
«Ты громок браньми — для потомства;
Ты мил щедротами — для нас:
Но славы и любви содетель
Тебе твоя лишь добродетель».

Смотри и всяк, хотя б чрез шашни
Фортуны стал кто впереди,
Не сплошь спускай златых змей с башни,
И глядя в небо, не пади;
Держися лучше середины,
И ближнему добро твори;
На завтра крепостей с судьбины
Бессильны сами взять цари.
Есть время, — сей, — оно превратно;
Прошедше не придет обратно.

Хоть чья душа честна, любезна,
Хоть бескорыстен кто, умен:
Но коль умеренность полезна
И тем, кто славою пленен!
Умей быть без обиды скромен,
Осанист, тверд, но не гордец;
Решим без скорости, спокоен,
Без хитрости ловец сердец;
Вздув в ясном паруса лазуре,
Умей их не сронить и в буре.

К Н. А. ЛЬВОВУ

Стократ благословен тот смертный
Кого не тяготит печаль,
Ни зависть потаенным вздохом,
Ни гордость громкогласным смехом
Не жмут, не гонят от двора.

Сокрыта жизнь твоя в деревне
Течет теперь, о милый Львов!
Как светлый меж цветов источник
В лесу дремучем. — Пусть другие,
Взмостясь, из терема глядят:

Как на златые колесницы
Зевает чернь, как ратный строй
В глаза ей мещет блеск от ружей,
И как она, волнам подобно
От бурь, от всадников бежит;

Как витязи в веках позднейших
В меди, иль в мраморе себя
Со удивленьем созерцают,
И плещут уж заране в длани,
Что их народ боготворит:

Но ты умен; — ты постигаешь,
Что тот любимец лишь небес,
Который под шумком потока
Иль сладко спит, иль воспевает
О боге, дружбе и любви.

Восток и запад расстилают
Ему свой пурпур по путям;
Ему благоухают травы,
Древесны помавают ветви,
И свищет громко соловей.

За ним раскаянье не ходит
Ни между нив, ни по садам,
Ни по холмам, покрытым стадом,
Ни меж озер и кущ приятных:
Но всюду радость и восторг.

Труды крепят его здоровье,
Как воздух, кровь его легка;
Поутру, как зефир, летает
Веселы обозреть работы,
А завтракать спешит в свой дом

Тут нежна, милая супруга —
Как лен пушист, ее власы —
Снегоподобною рукою
Взяв шито, брано полотенцо,
Стирает пот с его чела.

Целуя раскрасневши щеки,
На пяльцы посмотреть велит,

Где по соломе разной шерстью
Луга, цветы, пруды и рощи
Градской своей подруге шьет.

«О! если бы — она вещает —
Могло искусство, как природа,
Вливать в сердца свою приятность:
Сии картины наши сельски
К нам наших созвали б друзей!

Моя подруга черноброва,
Любезна, мила горожанка,
На нивах златом здесь пленившись,
Престала б наряжать в шумиху
Свой в граде храмовидный дом».

«Ах, милая! — он отвечает
С улыбкой и со вздохом ей:
Ужель тебе то неизвестно,
Что ослепленным жизнью дворской
Природа самая мертва!»

НА ПТИЧКУ

Поймали птичку голосисту
И ну сжимать ее рукой. —
Пищит бедняжка вместо свисту;
А ей твердят: пой, птичка, пой!

ЛАСТОЧКА

О домовитая Ласточка!
О милосизая птичка!
Грудь краснобела, касаточка,
Летняя гостья, певичка!
Ты часто по кровлям щебечешь,
Над гнездышком сидя поешь,
Крылышками движешь, трепещешь,
Колокольчиком в горлышке бьешь.
Ты часто по воздуху вьешься,
В нем смелые круги даешь;
Иль стелешься долу, несешься,
Иль в небе простряся плывешь.
Ты часто во зеркале водном
Под рдяной играешь зарей,
На зыбком лазуре бездонном
Тенью мелькаешь твоей.
Ты часто, как молния, реешь
Мгновенно туды и сюды;
Сама за собой не успеешь
Невидимы видеть следы;
Но видишь там всю ты вселенну
Как будто с высот на ковре;
Там башню, как жар позлащенну,
В чешуйчатом флот там сребре;

Там рощи в одежде зеленой,
Там нивы в венце золотом,
Там холм, синий лес отдаленной,
Там мошки толкутся столпом;
Там гнутся с утеса в понт воды,
Там ластятся струи к брегам. —
Всю прелесть ты видишь природы,
Зришь лета роскошного храм;
Но видишь и бури ты черны
И осени скучной приход;
И прячешься в бездны подземны,
Хладея зимою, как лед.
Во мраке лежишь бездыханна: —
Но только лишь придет весна,
И роза вздохнет лишь румяна,
Встаешь ты от смертного сна;
Встанешь, откроешь зеницы
И новый луч жизни ты пьешь;
Сизы расправя косицы,
Ты новое солнце поешь.

Душа моя! гостья ты мира:
Не ты ли перната сия? —
Воспой же бессмертие лира!
Восстану, восстану и я, —
Восстану, — и в бездне эфира
Увижу ль тебя я, Пленира?

НА СМЕРТЬ КАТЕРИНЫ ЯКОВЛЕВНЫ 1794 ГОДУ ИЮЛЯ 15 ДНЯ ПРИКЛЮЧИВШЕЙСЯ

Уж не ласточка сладкогласная
Домовитая со застрехи;
Ах! моя милая, прекрасная
Прочь отлетела, — с ней утехи.

Не сияние луны бледное
Светит из облака в страшной тьме;
Ах! лежит ее тело мертвое
Как ангел светлый во крепком сне.

Роют псы землю, вкруг завывают,
Воет ветер, воет и дом;
Мою милую не пробуждают;
Сердце мое сокрушает гром!

О ты ласточка сизокрылая!
Ты возвратишься в дом мой весной;
Но ты, моя супруга милая,
Не увидишься век уж со мной.

Уж нет моего друга верного,
Уж нет моей милой жены,

Уж нет товарища бесценного,
Ах, все они с ней погребены.

Все опустело! Как жизнь мне снести?
Зельная меня съела тоска.
Сердца, души половина, прости,
Скрыла тебя гробова доска.

ВЕЛЬМОЖА

Не украшение одежд
Моя днесь Муза прославляет,
Которое, в очах невежд,
Шутов в вельможи наряжает;
Не пышности я песнь пою;
Не истуканы за кристаллом,
В кивотах блещущи металлом,
Услышат похвалу мою.

Хочу достоинствы я чтить,
Которые собою сами
Умели титлы заслужить
Похвальными себе делами;
Кого ни знатный род, ни сан,
Ни счастие не украшали;
Но кои доблестью снискали
Себе почтенье от граждан.

Кумир, поставленный в позор,
Несмысленную чернь прельщает;
Но коль художников в нем взор
Прямых красот не ощущает:

Сей образ ложныя молвы,
Се глыба грязи позлащенной!
И вы, без благости душевной,
Не все ль, вельможи, таковы?

Не перлы Перские на вас
И не Бразильски звезды, ясны;
Для возлюбивших правду глаз
Лишь добродетели прекрасны,
Они суть смертных похвала.
Калигула! твой конь в Сенате
Не мог сиять, сияя в злате:
Сияют добрые дела.

Осел останется ослом,
Хотя осыпь его звездами;
Где должно действовать умом,
Он только хлопает ушами.
О! тщетно счастия рука,
Против естественного чина,
Безумца рядит в господина,
Или в шумиху дурака.

Каких ни вымышляй пружин,
Чтоб мужу бую умудриться;
Не можно век носить личин,
И истина должна открыться.
Когда не сверг в боях, в судах,
В советах царских сопостатов:
Всяк думает, что я Чупятов
В Марокских лентах и звездах.

Оставя скипетр, трон, чертог,
Быв странником, в пыли и в поте,
Великий Петр, как некий бог,
Блистал величеством в работе:
Почтен и в рубище Герой!
Екатерина, в низкой доле,
И не на царском бы престоле
Была великою женой.

И впрямь, коль самолюбья лесть
Не обуяла б ум надменный:
Что наше благородство, честь,
Как не изящности душевны?
Я князь, — коль мой сияет дух;
Владелец, — коль страстьми владею;
Болярин, — коль за всех болею,
Царю, закону, церкви друг.

Вельможу должны составлять
Ум здравый, сердце просвещенно;
Собой пример он должен дать,
Что звание его священно,
Что он орудье власти есть,
Всех царственных подпора зданий;
Вся мысль его, слова, деяньи
Должны быть — польза, слава, честь.

А ты, вторый Сарданапал!
К чему стремишь всех мыслей беги?
На то ль, чтоб век твой протекал
Средь игр, средь праздности и неги?

Чтоб пурпур, злато всюду взор
В твоих чертогах восхищали,
Картины в зеркалах дышали,
Мусия, мрамор и фарфор?

На то ль тебе пространный свет,
Простерши раболепны длани,
На прихотливый твой обед
Вкуснейших яств приносит дани;
Токай — густое льет вино,
Левант — с звездами кофе жирный,
Чтоб не хотел за труд всемирный
Мгновенье бросить ты одно?

Там воды в просеках текут
И с шумом вверх стремясь, сверкают;
Там розы средь зимы цветут,
И в рощах нимфы воспевают
На то ль, чтобы на все взирал
Ты оком мрачным, равнодушным,
Средь радостей казался скучным,
И в пресыщении зевал?

Орел, по высоте паря,
Уж солнце зрит в лучах полдневных:
Но твой чертог едва заря
Румянит сквозь завет червленных;
Едва по зыблющим грудям
С тобой лежащия Цирцеи
Блистают розы и лилеи,
Ты с ней покойно спишь: — а там? —

А там израненый Герой,
Как лунь во бранях поседевший,
Начальник прежде бывший твой, —
В переднюю к тебе пришедший
Принять по службе твой приказ, —
Меж челядью твоей златою,
Поникнув лавровой главою,
Сидит и ждет тебя уж час!

А там — вдова стоит в сенях
И горьки слезы проливает,
С грудным младенцем на руках,
Покрова твоего желает.
За выгоды твои, за честь,
Она лишилася супруга;
В тебе его знав прежде друга,
Пришла мольбу свою принесть.

А там — на лестничный восход
Прибрел на костылях согбенный
Бесстрашный, старый воин тот,
Тремя медальми украшенный,
Которого в бою рука
Избавила тебя от смерти:
Он хочет руку ту простерти
Для хлеба от тебя куска.

А там, — где жирный пес лежит,
Гордится вратник галунами,
Заимодавцев полк стоит
К тебе пришедших за долгами.

Проснися, Сибарит! — Ты спишь,
Иль только в сладкой неге дремлешь,
Несчастных голосу не внемлешь
И в развращенном сердце мнишь:

«Мне миг покоя моего
Приятней, чем в Исторьи веки;
Жить для себя лишь одного,
Лишь радостей уметь пить реки,
Лишь ветром плыть, гнесть чернь ярмом;
Стыд, совесть — слабых душ тревога!
Нет добродетели! нет бога!» —
Злодей, увы! — И грянул гром.

Блажен народ, который полн
Благочестивой веры к богу,
Хранит царев всегда закон,
Чтит нравы, добродетель строгу
Наследным перлом жен, детей;
В единодушии — блаженство;
Во правосудии — равенство;
Свободу — во узде страстей!

Блажен народ! — где царь главой,
Вельможи — здравы члены тела,
Прилежно долг все правят свой,
Чужого не касаясь дела;
Глава не ждет от ног ума,
И сил у рук не отнимает;
Ей взор и ухо предлагает, —
Повелевает же сама.

Сим твердым узлом естества
Коль царство лишь живет счастливым,
Вельможи! — славы, торжества,
Иных вам нет, как быть правдивым;
Как блюсть народ, царя любить,
О благе общем их стараться:
Змеей пред троном не сгибаться,
Стоять — и правду говорить.

О Росский бодрственный народ,
Отечески хранящий нравы!
Когда расслаб весь смертных род,
Какой ты не причастен славы?
Каких в тебе вельможей нет? —
Тот храбрым был средь бранных звуков;
Здесь дал бесстрашный Долгоруков
Монарху грозному ответ.

И в наши вижу времена
Того я славного Камила,
Которого труды, война
И старость дух не утомила.
От грома звучных он побед
Сошел в шалаш свой равнодушно,
И от сохи опять послушно
Он в поле Марсовом живет.

Тебе, Герой! желаний муж!
Не роскошью вельможа славный;
Кумир сердец, пленитель душ,
Вождь, лавром, маслиной венчанный!

Я праведну здесь песнь воспел.
Ты ею славься, утешайся,
Борись вновь с бурями, мужайся,
Как юный возносись орел.

Пари, — и с высоты твоей
По мракам смутного эфира
Громовой пролети струей;
И опочив на лоне мира,
Возвесели еще царя. —
Простри твой поздный блеск в народе,
Как отдает свой долг природе
Румяна вечера заря.

НА ВЗЯТИЕ ВАРШАВЫ

Пошел, — и где тристаты злобы?
Чему коснулся, все сразил.
Поля и грады — стали гробы;
Шагнул — и царство покорил!
О Росс! о подвиг Исполина!
О всемогущая жена!
Бессмертная Екатерина!
Куда? — И что еще? — Уже полна
Великих ваших дел вселенна.
Как ночью звезд стезя, по небу протяженна,
Деяний ваших цепь в потомстве возблестит
И мудрых удивит. —
Уж ваши имена,
Триумф, победы, труд, не скроют времена,
Как молньи быстрые вкруг мира будут течь.
Полсвета очертил блистающий ваш меч;
И славы гром,
Как шум морей, как гул воздушных споров,
Из дола в дол, с холма на холм,
Из дебри в дебрь, от рода в род,
Прокатится, пройдет,
Промчится, прозвучит,
И в вечность возвестит,
Кто был Суворов!

По браням Александр, по доблести стоик,
В себе он совместил, и в обоих велик.

Чорная туча мрачные крыла,
С цепи сорвав, весь воздух покрыла,
Вихрь полуночный летит богатырь!
Тьма от чела, с посвиста пыль,
Молньи от взоров бегут впереди,
Дубы грядою лежат позади.
Ступит на горы, — горы трещат;
Ляжет на воды, — воды кипят;
Граду коснется, — град упадает;
Башни рукою за облак кидает;
Дрогнет Природа, бледнея пред ним;
Слабые трости щадятся лишь им.
Ты ль, Геркулес наш, новый, полночный,
Буре подобный, быстрый и мочный,
Твой ли, Суворов! се образ побед?
Трупы врагов и лавры твой след!
Кем ты когда бывал побеждаем?
Все ты всегда везде превозмог!
Новый трофей твой днесь созерцаем:
Трон под тобой, — корона у ног, —
Царь в полону! — Ужас ты злобным,
Кто был царице твоей непокорным.

И се в небесном вертограде
На злачных вижу я холмах,
Благоуханных рощ в прохладе,
В прозрачных радужных шатрах,
Пред сонмами блаженных Россов,
В беседе их вождей, царей.

Наш звучный Пиндар, Ломоносов,
Сидит, — и лирою своей
Бесплотный слух их утешает;
Поет бессмертные дела.
Уже, как молния, пронзает
Их светлу грудь его хвала;
Злат мед блестит в устах пунцовых,
Зари играют на щеках;
На мягких, зыблющих, перловых,
Они возлегши облаках,
Небесных арф и дев внимают
Поющий тихострунный хор.
В безмолвьи сладко утопают,
И склабя восхищенный взор,
Взирают с высоты небесной
На храбрый, верный свой народ,
Что доблестью, другим безвестной,
Еще себе венцы берет,
Еще на высоту восходит,
Всевышнего водим рукой.
Великий Петр к ним взор низводит,
И в ревности своей святой,
Как трубный гром меж гор гремит,
Герой Героям говорит:

«О, вы, седящи в сени райской!
Оденьтесь в светлы днесь зари!
Восстань великий муж Пожарской!
И на Россию посмотри:
Ты усмирил ее крамолу,
Избрал преемника престолу,
Рассадник славы насадил;

И се рукой Екатерины
Твои теперь пожаты крины,
Которы сжать я укоснил.
Она наш дом распространила
И славой всех нас превзошла,
Строптиву Польшу покорила,
Которая твой враг была».

Прорек Монарх, и скрылся в сень.
Герои Росски всколебались,
Седым челом приподнимались,
Чтобы узреть Варшавы плен.

Лежит изменница, и взоры
Потупя, обращает вкруг;
Терзают грудь ее укоры,
Что раздражила кроткий дух,
Склонилась на совет змеиный,
Отвергла щит Екатерины,
Не могши дружбы к ней сберечь.
И се днесь над Сарматом пленным,
Навесясь шлемом оперенным,
Всесильный Росс занес свой меч.

Сидит орел на гидре злобной,
Подите, отнимите, львы!
Стремися с фурией сонм грозной!
Герой, от Лены до Невы
Возлегши на лавровом поле,
Ни с кем не съединяясь боле,
Лишь мудрой правимый главой,
Щитом небесным осеняясь,

На веру, верность опираясь,
Одной вас оттолкнет ногой.

О стыд! о срам неимоверный!
Быть Россу другом и робеть.
Пожар тушить стараться зельный,
И быв в огне, охолодеть!
Мнить защищать монарши правы,
И за корысть лишь воевать;
Желать себе бессмертной славы,
И не сражаясь отступать;
Слыть недругом коварству злому
И чтить его внутрь сердца яд!

Но ты, народ, подобно грому
Которого мечи в дали звучат!
Доколе тверд, единодушен,
Умеешь смерть и скорби презирать,
Царю единому послушен,
И с ним по вере поборать
По правде будешь лишь войною:
Великий дух! твой бог с тобою!
На что тебе союз? — О Росс!
Шагни, — и вся твоя вселенна.

О ты, жена благословенна,
У коей сын такой колосс!
К толиким скиптрам и коронам,
Странам, владеемым тобой,
Со звуком, громом и со звоном
Еще одну его рукой
Прийми корону принесенну

И грудь во бранях утомленну
Спеши спокойством врачевать.
Твое ему едино слово
Отраду, дух, геройство ново
И счастье может даровать.

А ты, кому и Музы внемлют,
Младый наперсник, чашник Кронь,
Пред кем орел и громы дремлют
И вседробящий молний огнь!
Налей мне кубок твой сапфирный,
Звездами, перлами кипящ,
Да нектар твой небесный, сильный,
На лоно нежных Муз клонящ,
На место громов, звуков бранных,
Воспеть меня возбудит мир.

И се уже в странах кристальных
Несусь, оставя дольний мир;
Огнистый солнца конь крылатый
Летит по воздуху и ржет.
С ноздрей дым пышет синеватый,
Со удил пена клубом бьет,
Струями искры сыплют взоры;
Как овны, убегают горы,
И в божеском восторге сем
Я вижу в тишине полсвета!

Живи, цвети несметны лета,
О царствующая на нем!
Кто лучший стольких стран владетель,
Как не в короне добродетель?

Хор

Среди грому, среди звону
Торжествуй, прехрабрый Росс!
Ты еще теперь корону
В дар монархине принес.
   Славься сим Екатерина,
   О великая жена!

Где народ какой на свете,
Кто видал и кто слыхал,
Что в едином царство лете
И с царем завоевал?
   Славься сим Екатерина,
   О великая жена!

Чти вселенна, удивляйся
Наших мужеству людей;
Злоба в сердце содрогайся,
Зря в нас твердый щит царей.
   Славься сим Екатерина,
   О великая жена!

Зависть, дерзость и коварство
Преклонись, наш видя строй!
Беспримерно Русско царство,
И младенец в нем Герой.
   Славься сим Екатерина,
   О великая жена!

Царедворец, живший нежно,
Просится на страшный бой,

Сносит труд и скорбь прилежно
И на смерть идет стеной.
Славься сим Екатерина,
О великая жена!

Пули, ядры, раны смертны
За царя приемлем в дар;
Награжденья нам бессмертны
Слово царско, слава, лавр.
Славься сим Екатерина,
О великая жена!

Я всему предпочитаю
За отечество лить кровь,
Я Плениру забываю,
И пою к нему любовь.
Славься сим Екатерина,
О великая жена!

Утешайся восхищеньем
Чад, о матерь, таковым!
Их нелестным поклоненьем
Добродетелям твоим.
Славься сим Екатерина,
О великая жена!

СОЛОВЕЙ

На холме, сквозь зеленой рощи,
При блеске светлого ручья,
Под кровом тихой майской нощи,
Вдали я слышу соловья.
По ветрам легким, благовонным,
То свист его, то звон летит;
То шумом заглушаем водным,
Вздыханьем сладостным томит.

Певец весенних дней пернатый,
Любви, свободы и утех!
Твой глас отрывный, перекаты
От грома к нежности, от нег
Ко плескам, трескам и перунам,
Средь поздних, ранних красных зарь,
Раздавшись неба по лазурям,
В безмолвие приводят тварь.

Молчит пустыня, изумленна,
И ловит гром твой жадный слух,
На крыльях эха раздробленна
Пленяет песнь твоя всех дух.

Тобой цветущий дол смеется,
Дремучий лес пускает гул;
Река бегущая чуть льется,
Стоящий холм чело нагнул.

И свесясь со скалы кремнистой,
Густокудрява мрачна ель
Напев твой яркий, голосистой
И рассыпную звонку трель,
Как очарованна, внимает. —
Не смеет двигнуться луна,
И свет свой слабо ниспускает:
Восторга мысль моя полна!

Какая громкость, живность, ясность
В созвучном пении твоем,
Стремительность, приятность, каткость
Между колен и перемен!
Ты щолкаешь, крутишь, поводишь,
Журчишь и стонешь в голосах;
В забвенье души ты приводишь
И отзываешься в сердцах.

О! если бы одну природу
С тобою взял я в образец,
Воспел богов, любовь, свободу:
Какой бы славный был певец!
В моих бы песнях жар и сила
И чувствы были, вместо слов;
Картину, мысль и жизнь явила
Гармония моих стихов.

Тогда б, подобно Тимотею,
В шатре Персидском я возлег,
И сладкой лирою моею
Царево сердце двигать мог:
То вспламеня любовной страстью,
К Таисе бы его склонял;
То, возбудя грозой, напастью,
Копье ему на брань вручал.

Тогда бы я между прудами
На мягку мураву воссел,
И арфы с тихими струнами
Приятность сельской жизни пел;
Тогда бы Нимфа мне внимала,
Боясь в зерцало вод взглянуть;
Сквозь дымку бы едва дышала
Ее высока, нежна грудь.

Иль храбрых Россиян делами
Пленясь бы, духом возлетал,
Героев полк над облаками
В сияньи звезд я созерцал:
О! коль бы их воспел я сладко,
Гремя поэзией моей
Отважно, быстро, плавно, кратко,
Как ты, — о дивный соловей!

МЕЧТА

Вошед в шалаш мой торопливо,
Я вижу, мальчик в нем сидит;
И в уголку кремнем в огниво,
Мне чудилось, звучит.

Рекою искры упадали
Из рук его, во тьме горя,
И розы по лицу блистали,
Как утрення заря.

Одна тут искра отделилась
И на мою упала грудь,
Мне в сердце, в душу заронилась:
Не смела я дохнуть.

Стояла бездыханна, млела,
И с места не могла ступить;
Уйти хотела, не умела, —
Не то ль зовут *любить?*

Люблю! — кого? — сама не знаю.
Исчез меня прельстивший сон;
Но я с тех пор, с тех пор страдаю,
Как бросил искру он.

Тоскует сердце! Дай мне руку,
Почувствуй пламень сей мечты,
Виновна ль я? Прерви мне муку:
Любезен, мил мне ты.

ГОСТЮ

Сядь, милый гость! здесь на пуховом
Диване мягком, отдохни;
В сем тонком пологу, перловом,
И в зеркалах вокруг, усни;
Вздремли после стола немножко,
Приятно часик похрапеть:
Златой кузнечик, сера мошка
Сюда не могут залететь.

Случится, что из снов прелестных
Приснится здесь тебе какой;
Хоть клад из облаков небесных
Златой посыплется рекой,
Хоть девушки мои домашни
Рукой тебе махнут, — я рад: —
Любовные приятны шашни,
И поцелуй в сей жизни клад.

ПРИГЛАШЕНИЕ К ОБЕДУ

Шекснинска стерлядь золотая,
Каймак и борщ уже стоят;
В крафинах вина, пунш, блистая
То льдом, то искрами, манят;
С курильниц благовоньи льются,
Плоды среди корзин смеются,
Не смеют слуги и дохнуть,
Тебя стола вкруг ожидая;
Хозяйка статная, младая,
Готова руку протянуть.

Приди, мой благодетель давный,
Творец чрез двадцать лет добра!
Приди: — и дом, хоть не нарядный,
Без резьбы, злата и сребра,
Мой посети; — его богатство
Приятный только вкус, опрятство,
И твердый мой нельстивый нрав;
Приди от дел попрохладиться,
Поесть, попить, повеселиться,
Без вредных здравию приправ.

Не чин, не случай и не знатность
На русский мой простой обед
Я звал, одну благоприятность,
А тот, кто делает мне вред,
Пирушки сей не будет зритель.
Ты, ангел мой, благотворитель!
Приди — и насладися благ;
А вражий дух да отженется,
Моих порогов не коснется.
Ничей недоброхотный шаг!

Друзьям моим я посвящаю,
Друзьям и красоте сей день;
Достоинствам я цену знаю,
И знаю то, что век наш тень;
Что лишь младенчество проводим,
Уже ко старости приходим
И смерть к нам смотрит чрез забор,
Увы! — то как не умудриться,
Хоть раз цветами не увиться
И не оставить мрачный взор?

Слыхал, слыхал я тайну эту,
Что иногда грустит и царь;
Ни ночь, ни день покоя нету,
Хотя им вся покойна тварь.
Хотя он громкой славой знатен,
Но ах! — и трон всегда ль приятен
Тому, кто век свой в хлопотах?
Тут зрит обман, там зрит упадок:
Как бедный часовой тот жалок,
Который вечно на часах!

И так, доколь еще ненастье
Не помрачает красных дней!
И приголубливает счастье
И гладит нас рукой своей;
Доколе не пришли морозы,
В саду благоухают розы,
Мы поспешим их обонять.
Так! будем жизнью наслаждаться,
И тем, чем можем, утешаться,
По платью ноги протягать.

А если ты, иль кто другие
Из званых милых мне гостей,
Чертоги предпочтя златые
И яствы сахарны царей,
Ко мне не срядитесь откушать;
Извольте мой вы толк прослушать:
Блаженство не в лучах порфир,
Не в вкусе яств, не в неге слуха;
Но в здравьи и спокойстве духа, —
Умеренность есть лучший пир.

ФЕЛЬДМАРШАЛУ ГРАФУ АЛЕКСАНДРУ ВАСИЛЬЕВИЧУ СУВОРОВУ

Когда увидит кто, что в царском пышном доме
По звучном громе Марс почиет на соломе,
Что шлем его и меч хоть в лаврах зеленеют,
Но гордость с роскошью повержены у ног,
И доблести затмить лучи богатств не смеют:
Не всяк ли скажет тут, что браней страшный бог,
Плоть Эпиктетову прияв, преобразился,
Чтоб мужества пример, воздержности подать,
Как внешних супостат, как внутренних сражать.
Суворов! страсти кто смирить свои решился,
Легко тому страны и царства покорить,
Друзей и недругов себя заставить чтить.

ПАМЯТНИК

Я памятник себе воздвиг чудесный, вечный,
Металлов тверже он и выше пирамид;
Ни вихрь его, ни гром не сломит
быстротечный,
И времени полет его не сокрушит.

Так! — весь я не умру: но часть меня
большая,
От тлена убежав, по смерти станет жить,
И слава возрастет моя, не увядая,
Доколь Славянов род вселенна будет чтить.

Слух пройдет обо мне от Белых вод до
Черных,
Где Волга, Дон, Нева, с Рифея льет Урал;
Всяк будет помнить то в народах неисчетных,
Как из безвестности я тем известен стал,

Что первый я дерзнул в забавном Русском
слоге
О добродетелях Фелицы возгласить,
В сердечной простоте беседовать о боге,
И истину царям с улыбкой говорить.

О Муза! возгордись заслугой справедливой,
И презрит кто тебя, сама тех презирай·
Непринужденною рукой, неторопливой,
Чело твое зарей бессмертия венчай.

ПЧЕЛА

Пчёлка златая!
Что ты жужжишь?
Все вкруг летая,
Прочь не летишь?
Или ты любишь
Лизу мою?

Соты ль душисты
В желтых власах,
Розы ль огнисты
В алых устах,
Сахар ли белый
Грудь у нее?

Пчёлка златая!
Что ты жужжишь?
Слышу, вздыхая,
Мне говоришь:
К меду прилипнув,
С ним и умру.

НА ВОЗВРАЩЕНИЕ ГРАФА ЗУБОВА ИЗ ПЕРСИИ

Цель нашей жизни — цель к покою:
Проходим для того сей путь,
Чтобы от мразу, иль от зною
Под кровом нощи отдохнуть.
Здесь нам встречаются стремнины,
Там терны, там ручьи в тени;
Там мягкие луга, равнины,
Там пасмурны, там ясны дни;
Сей с холма в пропасть упадает,
А тот взойти спешит на холм.

Кого же разум почитает
Из всех, идущих сим путем,
По самой истине счастливым?
Не тех ли, что челом к звездам
Превознесяся горделивым,
Мечтают быть равны богам;
Что в пурпуре и на престоле
Превыше смертных восседят?
Иль тех, — что в хижине, в юдоле,
Смиренно на соломе спят?

Ах нет! — не те и не другие
Любимцы прямо суть небес,
Которых мучат страхи злые,
Прельщают сны приятных грез:
Но тот блажен, кто не боится
Фортуны потерять своей,
За ней на высоту не мчится,
Идет середнею стезей,
И след во всяком состояньи
Цветами усыпает свой. —

Кто при конце своих ристаний
Вдали зреть может за собой
Аллею подвигов прекрасных;
Дав совести своей отчет
В минутах светлых и ненастных,
С улыбкою часы те чтет,
Как сам благими насладился,
Как спас других от бед, от нужд,
Как быть всем добрым торопился,
Раскаянья и вздохов чужд.

О юный вождь! — сверша походы,
Прошел ты с воинством Кавказ,
Зрел ужасы, красы природы:
Как с ребр там страшных гор лиясь
Ревут в мрак бездн сердиты реки;
Как с чел их с грохотом снега
Падут, лежавши целы веки;
Как серны, вниз склонив рога,
Зрят в мгле спокойно под собою
Рожденье молний и громов.

Ты зрел, — как ясною порою
Там солнечны лучи, средь льдов,
Средь вод, играя, отражаясь,
Великолепный кажут вид;
Как, в разноцветных рассеваясь
Там брызгах, тонкий дождь горит;
Как глыба там сизоянтарна,
Навесясь, смотрит в темный бор:
А там заря златобагряна
Сквозь лес увеселяет взор.

Ты видел, Каспий, протягаясь,
Как в камышах, в песках лежит,
Лицем веселым осклабляясь,
Пловцов ко плаванью манит;
И вдруг как, бурей рассердяся,
Встает в упор ее крылам,
То скачет в твердь, то в ад стремяся,
Трезубцом бьет по кораблям:
Столбом власы седые вьются,
И глас его гремит в горах.

Ты видел, — как во тьме секутся
С громами громы в облаках,
Как бездны пламень извергают,
Как в тучах роет огнь бразды,
Как в воздухе пары сгорают,
Как светят свеч в лесах ряды.
Ты видел, — как в степи средь зною
Огромных змей стога кишат,
Как блещут пестрой чешуею
И льют, шипя, друг в друга яд.

Ты домы зрел царей, — вселенну —
Внизу, вверху, ты видел все;
Упадшу спицу, вознесенну,
Вертяще мира колесо.
Ты зрел — и как в вратах железных,
(О! вспомни ты о сем часе!)
По духу войск, тобой веденных,
По младости твоей, красе,
По быстром Персов покореньи
В тебе я Александра чтил!

О! вспомни, как в том восхищеньи,
Пророча, я тебя хвалил:
Смотри, — я рек, — триумф минуту,
А добродетель век живет.
Сбылось! — Игру днесь счастья люту,
И как оно к тебе хребет
Свой с грозным смехом повернуло,
Ты видишь, — видишь, как мечты
Сиянье вкруг тебя заснуло,
Прошло, — остался только ты.

Остался ты! — и та прекрасна
Душа почтенна будет в век,
С которой ты внимал несчастна
И был в вельможе человек,
Который с сердцем откровенным
Своих и чуждых принимал,
Старейших вкруг себя надменным
Воззрением не огорчал.
Ты был что есть, — и не страшися
Объятия друзей своих.

Приди ты к ним! Иль уклонися
Познать премудрость царств иных.
Учиться никогда не поздно,
Исправь поступки юных лет;
То сердце прямо благородно,
Что ищет над собой побед.
Смотри, как в ясный день, как в буре
Суворов тверд, велик всегда!
Ступай за ним! — небес в лазуре
Еще горит его звезда.

Кто был на тысяще сраженьях
Непобедим, а победил,
Нет нужды в блесках, в украшеньях
Тому, кто царство покорил!
Умей лишь сделаться известным
По добродетелям своим,
И не тужи по снам прелестным,
Мечтавшимся очам твоим:
Они прошли, и возвратятся;
Пройти вновь могут, и притти.

Как страннику в пути встречаться
Со многим должно, и итти,
И на горах и под горами,
Роскошничать и глад терпеть:
Бывает так со всеми нами,
Премены рока долг наш зреть.
Но кто был мужествен душою,
Шел равнодушней сим путем,
Тот ближе был к тому покою,
К которому мы все идем.

ХРАПОВИЦКОМУ

Храповицкой! дружбы знаки
Вижу я к себе твои;
Ты ошибки, лесть и враки
Кажешь праведно мои;
Но с тобой не соглашуся
Я лишь в том, что я орел.

А по твоему коль станет,
Ты мне путы развяжи;
Где свободно гром мой грянет,
Ты мне небо покажи;
Где я в поприще пущуся
И препон бы не имел?

Где чертог найду я правды? —
Где увижу солнце в тьме? —
Покажи мне те ограды
Хоть близь трона в вышине,
Чтоб где правду допущали
И любили бы ее.

Страха связанным цепями
И рожденным под жезлом,
Можно ль орлими крылами

К солнцу нам парить умом? —
А хотя б и возлетали:
Чувствуем ярмо свое.

Должны мы всегда стараться,
Чтобы сильным угождать,
Их любимцам покланяться,
Словом, взглядом их ласкать.
Раб и похвалить не может,
Он лишь может только льстить.

Извини ж, мой друг, коль лестно
Я кого где воспевал;
Днесь скрывать мне тех бесчестно,
Раз кого я похвалял.
За слова — меня пусть гложет,
За дела — сатирик чтит.

РАЗВАЛИНЫ

Вот здесь, на острове Киприды,
Великолепный храм стоял:
Столпы, подзоры, пирамиды
И купол золотом сиял.
Вот здесь дубами осененна
Резная дверь в него была,
Зеленым свесом покровенна,
Во внутрь святилища вела.
Вот здесь хранилися кумиры,
Дымились жертвой олтари,
Сбирались на молитву миры
И били ей челом цари.
Вот тут была уединенной
Поутру каждый день с зарей,
Писала, как владеть вселенной,
И как сердца пленить людей.
Тут поставлялася трапеза,
Круг юных дев, и сонм жрецов;
Богатство разливалось Креза
Сребро и злато средь столов.
Тут арфы звучные гремели
И повторял их хор певцов;
Особо тут Сирены пели
И гласов сладостью, стихов

Сердца и ум обворожали.
Тут нектар из сосудов бил,
Курильницы благоухали,
Зной летний провевал Зефир;
А тут крылатые служили
Полки прекрасных метких слуг,
И от богининой носили
Руки амброзию вокруг.
Она, тут сидя, обращалась
И всех к себе влекла сердца;
Воставши тихо покланялась,
Блистая щедростью лица.
Здесь в полдень уходила в гроты,
Покоилась прохлад в тени;
А тут Амуры и Эроты
Уединялись с ней одни;
Тут был Эдем ее прелестный
Наполнен меж купин цветов,
Здесь тек под синий свод небесный
В купальню скрытый шум ручьёв,
Здесь был театр, а тут качели,
Тут Азиатских домик нег;
Тут на Парнассе Музы пели,
Тут звери жили для утех.
Здесь в разны игры забавлялась,
А тут прекрасных Нимф с полком
Под вечер красный собиралась
В прогулку с легким посошком;
Ходила по лугам, долинам,
По мягкой мураве близь вод,
По желтым среди роз тропинам;
А тут, затея хоровод,

Велела Нимфам, Купидонам
Играть, плясать между собой
По слышимым приятным тонам
Вдали музыки роговой.
Они, кружась, резвясь, летали,
Шумели, говорили вздор;
В зерцале вод себя казали,
Всем тешили богинин взор.
А тут, оставя хороводы,
Верхом скакали на коньках;
Иль в лодках рассекая воды,
В жемчужных плавали струях.
Киприда тут средь мирт сидела,
Смеялась, глядя на детей,
На восклицающих смотрела
Поднявших крылья лебедей;
Иль на станицу сребробоких
Ей милых, сизых голубков;
Или на пестрых, красноооких
Ходящих рыб среди прудов;
Иль на собачек, ей любимых,
Хвосты несущих вверх кольцом,
Друг другом с лаяньем гонимых,
Мелькающих между леском.
А здесь, исполнясь важна вида,
На памятник своих побед
Она смотрела: на Алкида,
Как гидру палицей он бьет;
Как прочие ее Герои,
По манию ее очес,
В ужасные вступали бои
И тьмы поделали чудес;

Приступом грады тверды брали,
Сжигали флоты средь морей,
Престолы, царствы покоряли,
И в плен водили к ней царей.
Здесь в внутренни она чертоги
По лестнице отлогой шла,
Куда гостить ходили боги,
И где она всегда стрегла
Тот пояс, в небе ей истканный
На коем меж Харит с ней жил
Тот хитрый Гений, изваянный,
Который счастье ей дарил,
Во всех ее делах успехи,
Трофеи мира и войны,
Здоровье, радости и смехи
И легкие приятны сны.
В сем тереме, Олимпу равном,
Из яшм прозрачных, перлов гнезд,
Художеством различным славном,
Горели ночью тучи звезд,
Красу богини умножали;
И так средь сих блаженных мест
Ее как солнце представляли. —

Но здесь ее уж ныне нет,
Померк красот волшебных свет,
Все тьмой покрылось, запустело;
Все в прах упало, помертвело;
От ужаса вся стынет кровь,
Лишь плачет сирая любовь.

К МУЗЕ

Строй, Муза, арфу золотую
И юную весну воспой:
Как нежною она рукой
На небо, море голубую —
На долы и вершины гор
Зелену — ризу надевает,
Вкруг ароматы разливает;
Всем осклабляет взор.

Смотри: как цепью птиц станицы
Летят под небом и трубят,
Как жаворонки вверх парят;
Как гусли тихи, иль цевницы,
Звенят их гласы с облаков;
Как ключ шумит, свирель взывает,
И между всех их пробегает
Свист громкий соловьев.

Смотри: в проталинах желтеют,
Как звезды, меж снегов цветы;
Как распустившись роз кусты
Смеются в люльках и алеют;
Сквозь мглу восходит злак челом,
Леса ветвями помавают,

По рдяну вод стеклу мелькают
Вверх рыбы серебром.

Смотри: как солнце золотое
Днесь лучезарнее горит;
Небесное лице глядит
На всех, веселое, младое;
И будто вся играет тварь,
Природа блещет, восклицает:
Или какой себя венчает
Короной мира царь?

КАПНИСТУ

Спокойства просит от небес
Застиженный в Каспийском море,
Коль скоро ни луны, ни звезд
За тучами не зрит, и вскоре
Ждет корабельщик бед от бурь.
Спокойства просит Перс пужливый,
Турк гордый, Росс властолюбивый,
И в ризе шолковой Манжур.

Покою, мой Капнист! покою,
Которого нельзя купить
Казной серебряной, златою,
И багряницей заменить.
Сокровищми всея вселенной
Не может от души смятенной
И самый царь отгнать забот,
Толпящихся вокруг ворот.

Счастлив тот, у кого на стол,
Хоть не роскошный, но опрятный,
Родительские хлеб и соль
Поставлены, и сон приятный

Когда не отнят у кого
Ни страхом, ни стяжаньем подлым:
Кто малым может быть довольным,
Богаче Креза самого.

Так для чего ж в толь краткой жизни
Метаться нам туды, сюды,
В другие земли из отчизны
Скакать от скук или беды,
И чуждым солнцем согреваться?
От пепелища удаляться,
От родины своей, кто мнит:
Тот самого себя бежит.

Заботы наши и беды
Везде последуют за нами,
На кораблях чрез волны, льды,
И конницы за тороками;
Быстрей оленей и погод,
Стадами облаки женущих,
Летят они, и всюду сущих
Терзают человеков род.

О! будь судьбе твоей послушным,
Престань о будущем вздыхать;
Веселым нравом, равнодушным
Умей и горесть услаждать.
Довольным быть, неприхотливым,
Сие-то есть, что быть счастливым:
А совершенных благ в сей век
Вкушать не может человек.

Век Задунайского увял,
Достойный в памяти остаться!
Рымникского печален стал;
Сей муж, рожденный прославляться,
Проводит ныне мрачны дни:
Чего ж не приключится с нами?
Что мне предписано судьбами,
Тебе откажут в том они.

Когда в Обуховке стремятся
Твоей стада блея на луг,
С зеленого холма глядятся
В текущий сткляный Псёл вокруг;
Когда волы и кобылицы
Четвероместной колесницы
Твоей краса, и честь плугов,
Блестят, и сад твой тьмой плодов —

Когда тебя в темнозелену,
Подругу в пурпурову шаль
Твою я вижу облеченну,
И прочь бежит от вас печаль; —
Как вкруг вас радости и смехи,
Невинны сельские утехи,
И хоры дев поют весну:
То скука вас не шлет ко сну.

А мне Петрополь населять
Когда велит судьба с Миленой:
К отраде дом дала и сад,
Сей жизни скучной, развлеченной,

И некую Поэта тень,
Да правду возглашу святую, —
Умей презреть и ты златую,
Злословну, площадную чернь

ЦЕПИ

Не сетуй, милая, со груди что твоей
Сронила невзначай ты цепи дорогие:
Милее вольности нет в свете для людей;
Оковы тягостны, хотя они златые.

Так наслаждайся ж здесь ты вольностью святой,
Свободною живя, как ветерок в полянке;
По рощам пролетай, кропися вод струей,
И чем в Петрополе, будь счастливей на Званке.

А если и тебе под бремя чьих оков
Подвергнуться велит когда-нибудь природа:
Смотри, чтоб их плела любовь лишь из цветов;
Приятней этот плен, чем самая свобода.

РОЖДЕНИЕ КРАСОТЫ

Сотворя Зевес вселенну,
Звал богов всех на обед.
Вкруг нектара чашу пенну
Разносил им Ганимед;
Мед, амброзия блистала
В их устах, по лицам огнь,
Благовоний мгла летала
И Олимп был света полн;
Раздавались песен хоры
И звучал весельем пир;
Но незапно как-то взоры
Опустил Зевес на мир;
И увидя царствы, грады,
Что погибли от боев;
Что богини мещут взгляды
На беднейших пастухов;
Распалился столько гневом,
Что курчавой головой
Покачнув, шатнул всем небом,
Адом, морем и землей.
В миг сокрылся блеск лазуря:
Тьма с бровей, огонь с очес,
Вихорь с риз его, и буря
Восшумела от небес;

Разразились всюду громы,
Мрак во пламени горел,
Яры волны, будто холмы,
Понт стремился и ревел;
В растворенны бездн утробы
Тартар искры извергал;
В тучи Феб, как в черны гробы
Погруженный трепетал;
И средь страшной сей тревоги
Коль еще бы грянул гром:
Мир, Олимп, богов чертоги
Повернулись бы вверх дном.
Но Зевес вдруг умилился,
Стало, знать, красавиц жаль;
А как с ними не смирился,
Новую тотчас создал:
Ввил в власы пески златые,
Пламя — в щеки и уста;
Небо — в очи голубые,
Пену — в грудь; — и красота
В миг из волн морских родилась.
А взглянула лишь она,
Тотчас буря укротилась,
И настала тишина.
Сизы, юные дельфины,
Облелея табуном,
На свои ее взяв спины,
Мчали по пучине волн.
Белы голуби станицей,
Где откуда ни взялись,
Под жемчужной колесницей
С ней на воздух поднялись;

И летя под облаками,
Вознесли на звездный холм:
Зевс объял ее лучами
С улыбнувшимся лицом.
Боги, молча, удивлялись,
На красу разинув рот,
И согласно в том признались:
Мир и брани — от красот.

ЛЮСИ

О ты, Люсинька любезна!
Не беги меня, мой свет,
Что млада ты и прелестна,
А я дурен, стар и сед.
Взглянь на розы и лилеи,
Лель из них венки плетет;
Вкруг твоей приятен шеи
Розовый и белый цвет.

СОЛОВЕЙ ВО СНЕ

Я на холме спал высоком,
Слышал глас твой, Соловей,
Даже в самом сне глубоком
Внятен был душе моей:
То звучал, то отдавался,
То стенал, то усмехался
В слухе издалече он;
И в объятиях Калисты
Песни, вздохи, клики, свисты
Услаждали сладкий сон.

Если по моей кончине,
В скучном, бесконечном сне,
Ах! не будут так, как ныне,
Эти песни слышны мне;
И веселья и забавы
Плясок, ликов, звуков славы
Не услышу больше я:
Стану ж жизнью наслаждаться,
Чаще с милой целоваться,
Слушать песни соловья.

ДАР

Вот, сказал мне Аполлон,
Я даю тебе ту лиру,
Коей нежный, звучный тон
Может быть приятен миру.

Пой вельможей и царей,
Коль захочешь быть им нравен;
Лирою чрез них ты сей
Можешь быть богат и славен.

Если ж пышность, сан, богатство
Не по склонностям твоим;
Пой любовь, покой, приятство:
Будешь красотой любим.

Взял я лиру и запел, —
Струны правду зазвучали;
Кто внимать мне захотел?
Лишь красавицы внимали.

Я доволен, света бог!
Даром сим твоим небесным.
Я богатым быть не мог:
Но я мил женам прелестным.

ЖЕЛАНИЕ

К богам земным сближаться
Ничуть я не ищу,
И больше возвышаться
Никак я не хощу.

Души моей покою
Желаю только я:
Лишь будь всегда со мною
Ты, Дашинька моя!

К ЛИРЕ

Петь Румянцова сбирался,
Петь Суворова хотел;
Гром от лиры раздавался
И со струн огонь летел;
Но завистливой судьбою
Задунайский кончил век;
А Рымникский скрылся тьмою,
Как неславный человек.
Что ж? Приятна ли им будет,
Лира! — днесь твоя хвала?
Мир без нас не позабудет
Их бессмертные дела.
Так не надо звучных строев,
Переладим струны вновь;
Петь откажемся Героев,
А начнем мы петь любовь

К САМОМУ СЕБЕ

Что мне, что мне суетиться,
Вьючить бремя должностей,
Если мир за то бранится,
Что иду прямой стезей?
Пусть другие работают,
Много мудрых есть господ:
И себя не забывают,
И царям сулят доход.
Но я тем коль бесполезен,
Что горяч, и в правде чорт:
Музам, женщинам любезен
Может пылкой быть Эрот.
Стану ныне с ним водиться,
Сладко есть и пить и спать;
Лучше, лучше мне лениться,
Чем злодеев наживать.
Полно быть в делах горячим,
Буду лишь у правды гость;
Тонким сделаюсь подьячим;
Растворю пошире горсть.
Утром раза три в неделю
С милой Музой порезвлюсь;
Там опять пойду в постелю
И с женою обоймусь.

БОГАТСТВО

Когда бы было нам богатством
Возможно кратку жизнь продлить,
Не ставя ничего препятством,
Я стал бы золото копить.
Копил бы для того я злато,
Чтобы, как придет смерть сражать,
Тряхнуть карманом таровато
И жизнь у ней на откуп взять.
Но ежели нельзя казною
Купить минуты ни одной,
Почто же злата нам алчбою
Так много наш смущать покой?
Не лучше ль в пиршествах приятных
С друзьями время проводить;
На ложах мягких, ароматных
Младым красавицам служить?

ПАРАШЕ

Белокурая Параша,
Сребророзова лицом,
Коей мало в свете краше
Взором, сердцем и умом!

Ты, которой повторяет
Звучну арфу нежный глас,
Как Палаша ударяет
В струны, утешая нас.

Встань, пойдем на луг широкой,
Мягкий скатистый, к прудам;
Там под сенью древ далекой
Сядем, взглянем по струям:

Как скользя по них сверкает
Луч от царских теремов,
Звезды, солнцы рассыпает
По теням между кустов.

Как за сребреной плотицей
Линь златой по дну бежит;
За прекрасною девицей,
За тобой, Амур летит.

АРФА

Не в летний ль знойный день прохладный ветерок
В легчайшем сне на грудь мою приятно дует?
Не в злаке ли журчит хрустальный ручеек?
Иль милая в тени древес меня целует?

Нет! арфу слышу я: ее волшебный звук,
На розах дремлющий, согласьем тихострунным
Как эхо мне вдали щекочет нежно слух;
Иль шумом будит вдруг вблизи меня перунным.

Так ты, подруга Муз! лиешь мне твой восторг
Под быстрою рукой играющей Хариты,
Когда ее чело венчает вкуса бог,
И улыбаются любовию ланиты.

Как весело внимать, когда с тобой она
Поет про родину, отечество драгое,
И возвещает мне, как там цветет весна,
Как время катится в Казани золотое!

О колыбель моих первоначальных дней!
Невинности моей и юности обитель!
Когда я освещусь опять твоей зарей,
И твой попрежнему всегдашний буду
житель?

Когда наследственны стада я буду зреть,
Вас, дубы Камские, от времени почтенны!
По Волге между сел на парусах лететь,
И гробы обнимать родителей священны?

Звучи, о арфа! ты все о Казани мне!
Звучи, как Павел в ней явился благодатен!
Мила нам добра весть о нашей стороне:
Отечества и дым нам сладок и приятен.

ВЕНЕЦ БЕССМЕРТИЯ

Беседовал с Анакреоном
В приятном я недавно сне,
Под жарким, светлым небосклоном,
В тени он пальм явился мне.

Хариты вкруг его, Эроты,
С братиною златою Вакх,
Вафиль прекрасный, в рощи, гроты
Ходили в розовых венках.

Он дев пласаньем забавлялся,
Тряхнув подчас сам сединой,
На белы груди любовался,
На взор метал их пламень свой.

Или, возлегши раменами
На мягки розы, отдыхал;
Огнистыми склонясь устами,
Из кубка мед златый вкушал.

Иль сидя с юным другом, нежным,
Потрепывал его рукой;
А взором вкруг себя прилежным
Искал красавицы какой.

Цари к себе его просили,
Поесть, попить и погостить,
Таланты злата подносили,
Хотели с ним друзьями быть:

Но он покой, любовь, свободу
Чинам, богатству предпочел;
Средь игр, веселий, короводу
С красавицами век провел.

Беседовал, резвился с ними,
Шутил, пел песни и вздыхал,
И шутками себе такими
Венец бессмертия снискал.

Посмейтесь, красоты Российски,
Что я в мороз, у камелька,
Так вами, как певец Тииский,
Дерзнул себе искать венка.

СТРЕЛОК

Я охотник был измлада
За дичиною гулять:
Меду сладкого не надо,
Лишь бы в поле пострелять.

На лету я птиц пернатых,
Где завидел, тут стрелял;
В нехохлатых и хохлатых,
Лишь прицелил, попадал.

Но вечор вдруг повстречалась
Лебедь белая со мной,
В миг крылами размахалась
И пошла ко мне на бой.

Хвать в колчан, ан стрел уж нету,
Лук опущен; стал я в пень.
Ах! беречь было монету
Белую на черный день.

РУССКИЕ ДЕВУШКИ

Зрел ли ты, Певец Тииский!
Как в лугу весной бычка
Пляшут девушки российски
Под свирелью пастушка?
Как, склонясь главами, ходят,
Башмаками в лад стучат,
Тихо руки, взор поводят,
И плечами говорят?
Как их лентами златыми
Челы белые блестят,
Под жемчугами драгими
Груди нежные дышат?
Как сквозь жилки голубые
Льется розовая кровь,
На ланитах огневые
Ямки врезала любовь?
Как их брови соболины,
Полный искр соколий взгляд,
Их усмешка — души львины
И орлов сердца — разят?
Коль бы видел дев сих красных:
Ты б гречанок позабыл,
И на крыльях сладострастных
Твой Эрот прикован был.

НА ПОБЕДЫ В ИТАЛИИ

Ударь во сребреный, священный,
Далеко-звонкий, Валка! щит:
Да гром твой, эхом повторенный,
В жилище Бардов восшумит.
Встают. — Сто арф звучат струнами,
Пред ними сто дубов горят,
От чаши круговой зарями
Седые чела в тьме блестят.

Но кто там белых волн туманом
Покрыт по персям, по плечам,
В стальном доспехе светит рдяном,
Подобно синя моря льдам? —
Кто, на копье склонясь главою,
Событье слушает времен? —
Не тот ли, древле что войною
Потряс Парижских твердость стен?

Так; он пленяется певцами,
Поющими его дела,
Смотри, как блещет битв лучами
Сквозь тьму времен его хвала.
Так он! — Се Рюрик торжествует
В Валкале звук своих побед,

И перстом долу показует
На Росса, что по нем идет.

«Се мой (гласит он) воевода!
Воспитанный в огнях, во льдах,
Вождь бурь полночного народа,
Девятый вал в морских волнах,
Звезда прешедша мира тропы,
Которой след огня черты,
Меч Павлов, щит царей Европы,
Князь славы!» — Се, Суворов, ты!

Се ты, веков явленье чуда!
Сбылось пророчество, сбылось!
Луч, воссиявший из-под спуда,
Герой мой вновь свой лавр вознес!
Уже вступил он в славны следы,
Что древний витязь проложил;
Уж водит за собой победы
И лики сладкогласных лир.

БРАТСКОЕ СОГЛАСИЕ

Коль красно зрелище, приятно,
Где вкупе братия живет!
Благоуханье ароматно
Как на браду с главы течет,
Браду почтенну Аарона,
Струяся на ометы риз;
Или Синая и Эрмона
Когда верхи, преклоньшись вниз,
Багряным серебром сверкают,
И каплет на цветы роса:
Так в век на дом их низливают
Благословенье небеса.

СНИГИРЬ

Что ты заводишь песнь военну
Флейте подобно, милый Снигирь?
С кем мы пойдем войной на гиенну?
Кто теперь вождь наш? Кто богатырь?
Сильный где храбрый, быстрый Суворов?
Северны громы в гробе лежат.

Кто перед ратью будет, пылая,
Ездить на кляче, есть сухари;
В стуже и в зное меч закаляя,
Спать на соломе, бдеть до зари;
Тысячи воинств, стен и затворов,
С горстью Россиян все побеждать?

Быть везде первым в мужестве строгом,
Шутками зависть, злобу штыком,
Рок низлагать молитвой и богом,
Скиптры давая, зваться рабом,
Доблестей быв страдалец единых,
Жить для царей, себя изнурять?

Нет теперь мужа в свете столь славна:
Полно петь песню военну, Снигирь!

Бранна музыка днесь не забавна,
Слышен отвсюду томный вой лир;
Львиного сердца, крыльев орлиных
Нет уже с нами! — что воевать?

Всторжествовал — и усмехнулся
Внутри души своей тиран,
Что гром его не промахнулся,
Что им удар последний дан
Непобедимому герою,
Который в тысящи боях
Боролся твердой с ним душою
И презирал угрозы страх.

Нет, не тиран, не лютый рок,
Не смерть Суворова сразила:
Венцедаятель, славы бог
Архистратига Михаила
Послал, небесных вождя сил,
Да приведет к нему вождя земного,
Приять возмездия венец,
Как луч от свода голубого...

НА СМЕРТЬ ГРАФА АЛЕКСАНДРА ВАСИЛЬЕВИЧА СУВОРОВА-РЫМНИКСКОГО, КНЯЗЯ ИТАЛИЙСКОГО, В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ .... ГОДА

О вечность! прекрати твоих шум вечных споров,
Кто превосходней всех героев в свете был?
В святилище твое от нас в сей день вступил Суворов.

НА ГРОБНИЦУ СУВОРОВА В НЕВСКОМ

Здесь лежит Суворов

ПРИНОШЕНИЕ КРАСАВИЦАМ

Вам, Красавицы младые,
И супруге в дар моей,
Песни Леля золотые
Подношу я в книжке сей.
Нравиться уж я бессилен
И копьем и сайдаком,
Дурен, стар и не умилен:
Бью стихами вам челом.
Бью челом; — и по морозам
Коль вы ездите в санях,
Летом ходите по розам,
По лугам и муравам:
То и праха не лобзаю
Я прелестных ваших ног;
Чувствы те лишь посвящаю,
Что любви всесильный бог
С жизнью самой в кровь мне пламень,
В душу силу влил огня;
Сыплют искры снег и камень
Под стопами у меня.

ТОНЧИЮ

Бессмертный Тончи! ты мое
Лицо в том, слышу, пишешь виде,
В каком бы мастерство твое
В Омире древнем, Аристиде,
Сократе и Катоне в век
Потомков поздних удивляло;
В сединах лысиной сияло,
И в нем бы зрелся человек.

Но лысина, или парик,
Но тога, иль мундир кургузый
Соделали, что ты велик?
Нет! философия и Музы;
Они нас славными творят.
О! если б осенял дух правый
И освещал меня луч славы:
Пристал бы всякой мне наряд.

Так, Живописец-философ!
Пиши меня в уборах чудных,
Как знаешь ты, но лишь любовь
Увековечь ко мне премудрых.
А если слабости самим
И величайшим людям сродны,

Не позабудь во мне подобны,
Чтоб зависть улыбалась им.

Иль нет: ты лучше напиши
Меня в натуре самой грубой:
В жестокий мраз с огнем души,
В косматой шапке, скутав шубой;
Чтоб шел, природой лишь водим,
Против погод, волн, гор кремнистых,
В знак, что рожден в странах я
льдистых,
Что был прапращур мой Багрим.

Не испугай жены, друзей,
Придай мне нежности немного:
Чтоб был я ласков для детей,
Лишь в должности б судил всех строго;
Чтоб жар кипел в моей крови,
А очи мягкостью блистали;
Красотки бы по мне вздыхали.
Хоть в Платонической любви.

БЕСЕДА С ГЕНИЕМ

Восхищенный явным сном
В небо я моей душою,
Видел, Гений под венцом
Собеседовал со мною.
Белокур, голубоок,
Молод и лицом прекрасен,
Ростом строен и высок,
Тих, приветлив и приятен
Взору, сердцу и уму. —
И во сне его был внятен
Голос сердцу моему:
«Слушай, старый песнопевец!
Послужи еще мне, рек:
Я не грозный громовержец,
Кроткий царь и человек:
Прозвучи мою ты славу». —
Взял я лиру, строю вновь, —
И пою его державу
И к отечеству любовь.

К ЦАРЕВИЧУ ХЛОРУ

Прекрасный Хлор! Фелицын внук,
Сын матери премилосердной,
Сестер и братьев нежный друг,
Супруг супруге милый, верный —
О ты! чей рост, и взор, и стан
Есть витязя, породы царской,
Который больше друг, чем хан
Орды, страны своей татарской!
Послушай, неба серафим,
Ниспосланный счастливить смертных.
Что пишет Солнцев сын, брамин,
Желая благ тебе несметных!

Достиг незапно громкий слух
До нас, живущих в Кашемире,
Что будто Зороастров дух
Воскрес в подлунном здешнем мире,
И воплотясь в тебе, о Хлор!
Воссел на некоем престоле,
Дабы расцвел доброт собор
На нем, неслыханных дотоле.

Так точно, говорят: что ты
Какой-то чудный есть владетель;
Души и тела красоты

Совокупя на добродетель,
Быть хочешь всех земных владык
Страшней не страхом, — но любовью:
Блаженством подданных велик,
Не покореньем царств и кровью.

Так шепчут: будто саму власть,
В твоих руках самодержавну,
Господства беспредельну страсть,
Ты чтишь за власть самоуправну;
Что будто мудрая та блажь
Нередко в ум тебе приходит,
Что царь — законов только страж,
Что он лишь в действо их приводит
И ставит в том в пример себя;
Что ты живешь лишь для народов,
А не народы для тебя,
И что не свыше ты законов;
А тех пашей, эмиров, мурз
Не любишь и не терпишь точно,
Что, сами ползая средь уз,
Мух давят в лапах полномочно
И бить себе велят челом; —
Что ты не кажешься им богом,
Не ездя на царях верхом,
Сидишь и ходишь в ряд с народом;
Что не стирая с туфлей прах
У муфтьев, дервишей, иманов,
В седых считаешь бородах
Их глас за глас ты Алкоранов; —
Что, чувствуя в себе одном
Ты власть небес, а слабость смертных,

Им разбирать себя судом
Велишь чрез граждан частных, честных;
Раздоры миром прекращать,
Закону с совестью поладить,
И больше шерсть чтоб не терять,
Овцам в репейники не лазить.

Еще толкуют тож, что глас
К тебе народа тайно входит,
Что тысячью ты смотришь глаз
И в шапке-невидимке бродит
Везде твой дух, — и на коврах
Летает будто самолетах,
В чалмах, жупанах, чеботах,
А нужно где, то и в жилетах,
Чтоб как-нибудь невинность спасть;
И словом: многими путями
Ты кротку простирая власть,
Как солнце, греешь мир лучами.

И даже будто бы с собой
Даешь ты случай всем встречаться,
Писать на голубях, с тобой
Так-сяк и лично объясняться;
И злость и глупость на позор
Печатав, выставлять листами,
Молоть языком всякий вздор,
И в лавках торговать умами;
И будто бы, увидя раз
Лису иль волка в агнчей коже,
В миг от своих сгоняешь глаз,
Хотя б их зрел в каком вельможе.

А наконец, хотя и хан,
Но так ты чудно, странно мыслишь,
Что будто на себе кафтан
Народу подлежащим числишь;
Пиров богатых не даешь,
Убранство, роскошь презираешь,
В чертогах низменных живешь,
Царицу четверней катаешь;
И ходя иногда пешком,
Ты по садам цветы срываешь,
Но злата не соришь мешком;
Торопишься в делах не скоро,
Так шьешь, чтоб после не пороть;
Мнишь, не доходом в доме споро,
А где умеренный расход.

И подлинно, весьма чудесный
Бывал ли где такой султан?
Да Оромаз блюдет небесный
Тебя, гарем, седой диван,
И всю твою орду татарску!
Да ангел сам Инсфендармас,
Покрыв главу крылами ханску,
С своих тебя не спустит глаз,
И узел укрепит священный
На поясе твоем всегда!
Да ароматом растворенный
Твой огнь не гаснет никогда,
И я дивлюсь и восхищаюсь
Лишь добродетелям твоим,
Как той звезде, что поклоняюсь,
И коей подношу здесь гимн!

В хвалу тебе, и в присвоенье
Ее красот и всех потреб,
Да имя Хлор твое, правленье,
Напишется на доске судеб.

Когда же подлая и даже подкупная,
Прищуря мрачный взор, где зависть или злость
На нас прольет свой яд: простим им грех, вздыхая;
Не прейдут бедные чрез Ариманов мост.

ВЕСНА

Тает зима дыханьем Фавона,
Взгляда бежит прекрасной весны;
Мчится Нева к Бельту на лоно,
С брега суда спущены.

Снегом леса не блещут, ни горы,
Стогнов согреть не пышет огонь;
Ломят стада, играя, затворы,
Рыща, ржет на поле конь.

Нимфы в лугу, под лунным сияньем,
Став в хоровод, вечерней зарей,
В песнях поют весну с восклицаньем,
Пляшут, топочут стопой.

Солнце лучом лиловым на взморье
Бросит как огнь, Петрополь вкушать
Свежий зефир валит в лукоморье:
Едешь и ты там гулять.

Едешь, — и зришь злак, небо, лес, воды,
Милу жену, вкруг рощу сынов;

Прелесть всю зришь с тобой ты природы,
Счастлив сим, счастлив ты, Львов!

Что ж ты стоишь так мало утешен?
Плюнь на твоих лихих супостат!
Если прибыток оный безгрешен,
Ревель что дал и Кронштадт?

Выкати, дай, ты дай непременно
Бочку скорей нам устриц на стол;
Портер, вино, что искрами пенно,
Каплет что златом, как смоль;

В толстом стекле что выжимки силы,
В свертках травы, что слаще сота;
Сок нам подай, что молнией в жилы,
Быстро летит что в уста!

Выставь нам все. — Так, время приятно,
Должно твоих друзей угощать.
Дышут пока сады ароматно,
Розы спеши собирать.

Видишь, мой друг, и сам ты вседневно,
Миг что один не сходен с другим;
В мире земном все, видишь, пременно;
Гладкий понт часто холмим.

Самый твой торг, — империй цвет, слава,
Первый к вреду, растлению шаг;
Блага лишь суть: здоровье, забава,
Честность; — все прочее прах.

ЛЕТО

Знойное лето весна увенчала
Розовым, алым по кудрям венцом;
Липова роща, как жар, возблистала
Вкруг меда листом.

Желтые грозди, сквозь лист продираясь,
Запахом, рдянцом нимф сельских манят;
Травы и нивы, косой озираясь,
Как волны шумят.

Стклянные реки лучом полудневным
Жидкому злату подобно текут,
Кравы и овцы с млеком накопленным
Под кущи бегут.

Сизые враны, орлы быстропарны,
Крылья спустивши, под хврастом сидят;
Тучная роскошь в тени сок прохладный
Пьет, ищет отрад.

Видишь ли, Дмитрев! всего изобилье,
Самое благо быть может нам злом;
Счастье и нега разума крылья
Сплошь давят ярмом.

В доме жив летом, в раю ты небесном,
В славном поместье Сызранском с отцом,
Мышлю, ленишься петь в хоре прелестном,
Цвесть Муз под венцом.

ЗИМА

Поэт

Что ты, Муза, так печальна,
Пригорюнившись, сидишь?
Сквозь окошечка хрустальна,
Склоча волосы, глядишь;
Цитры, флейты и скрыпицы
В белы руки не берешь;
Ни божественной Фелицы,
Ни Плениры не поешь?

Муза

Что мне петь? — Ах! где Хариты?
И друзей моих уж нет!
Львов, Хемницер в гробе скрыты,
За Днепром Капнист живет.
Вельяминов, лир любитель,
Богатырь, певец в кругу,
Беззаботный света житель,
Согнут скорбями в дугу.

Поэт

Да! Фелицы нет, Плениры,
Нет Харит, и нет друзей:
Звук торжественныя лиры

Посвятишь кому твоей?
Посвятишь ли в честь ты Хлору,
Иль Добраде в славу ты?
Труб у них неслышно хору,
Дни их тихи, как листы.

Муза

Тот сидит всегда за делом,
Та покоит вдов, сирот;
В покрывале скромном, белом,
Так Зима готовит плод.
Не видать ее работы,
Не слыхать ее машин;
Но по скуке зрятся льготы,
И земля цветет как крин.

Поэт

Между тем к нам, Вельяминов,
Ты прийди хотя согбен,
Огнь разложим средь каминов,
Милых сердцу соберем;
И под арфой тихогласной
Наливая алый сок,
Воспоем наш хлад прекрасной:
Дай Зиме здоровье, бог!

НА ПАСТУШИЙ БАЛЕТ

На дерну лежа зеленом,
Я в свирель мою играл;
В сердце цельном, не плененном,
Я любви еще не знал.
Но, откуда ни возьмися,
Подбежал ко мне дитя:
Дай свирелку, потрудися,
Поучи, сказал шутя.
Отдал я ему свирелку,
Начал он в нее играть;
Поиграв, мне кинул стрелку,
Стал я с стрелкой той плясать;
И со стрелкой таковою
Шестьдесят уж лет пляшу:
Не скучаю красотою
И любовь в душе ношу.

ЦЫГАНСКАЯ ПЛЯСКА

Возьми, Египтянка, гитару,
Ударь по струнам, восклицай;
Исполнясь сладострастна жару,
Твоей всех пляской восхищай.
Жги души, огнь бросай в сердца
От смуглого лица.

Неистово, роскошно чувство,
Нерв трепет, мление любви,
Волшебное зараз искусство
Бакханок древних оживи.
Жги души, огнь бросай в сердца
От смуглого лица.

Как ночь, — с ланит сверкай зарями,
Как вихорь, — прах плащом сметай,
Как птица, — подлетай крылами,
И в длани с визгом ударяй.
Жги души, огнь бросай в сердца
От смуглого лица.

Под лесом нощию сосновым,
При блеске бледныя луны,
Топоча по доскам гробовым,

Буди сон мертвой тишины.
    Жги души, огнь бросай в сердца
        От смуглого лица.

Да вопль твой, эвоа! ужасный,
Вдали мешаясь с воем псов,
Лиет повсюду гулы страшны,
А сластолюбию любовь.
    Жги души, огнь бросай в сердца
        От смуглого лица.

Нет, стой, прелестница! довольно,
Муз скромных больше не страши;
Но плавно, важно, благородно,
Как русска дева, пропляши.
    Жги души, огнь бросай в сердца
        И в нежного певца.

ЛЕБЕДЬ

Необычайным я пареньем
От тленна мира отделюсь,
С душой бессмертною и пеньем,
Как лебедь, в воздух поднимусь.

В двояком образе нетленный,
Не задержусь в вратах мытарств;
Над завистью превознесенный,
Оставлю под собой блеск царств.

Да, так! Хоть родом я не славен,
Но, будучи любимец Муз,
Другим вельможам я не равен,
И самой смертью предпочтусь.

Не заключит меня гробница,
Средь звезд не превращусь я в прах;
Но, будто некая цевница,
С небес раздамся в голосах.

И се уж кожа, зрю, перната
Вкруг стан обтягивает мой;
Пух на груди, спина крылата,
Лебяжьей лоснюсь белизной.

Лечу, парю, — и под собою
Моря, леса, мир вижу весь;
Как холм, он высится главою,
Чтобы услышать богу песнь.

С Курильских островов до Буга,
От Белых до Каспийских вод,
Народы, света с полукруга,
Составившие Россов род,

Со временем о мне узнают:
Славяне, Гунны, Скифы, Чудь,
И все, что бранью днесь пылают,
Покажут перстом, — и рекут:

«Вот тот летит, что строя лиру,
Языком сердца говорил,
И проповедуя мир миру,
Себя всех счастьем веселил».

Прочь с пышным, славным погребеньем,
Друзья мои! Хор Муз не пой!
Супруга! облекись терпеньем!
Над мнимым мертвецом не вой.

ОБЛАКО

Из тонкой влаги и паров
Исшед невидимо, сгущенно,
Помалу, тихо вознесенно
Лучем над высотой холмов,
Отливом света осветяся,
По бездне голубой носяся,
Гордится облако собой,
Блистая солнца красотой.

Или прозрачностью сквозясь
И в разны виды пременяясь,
Рубином, златом испещряясь
И багряницею стелясь,
Струясь, сбираясь в сизы тучи,
И вдруг схолмяся в холм пловучий,
Застенивает солнца зрак;
Забыв свой долг и благодарность,
Его любезну светозарность
Сокрыв от всех — наводит мрак.

Или недолго временщик
На светлой высоте бывает;
Но вздувшись туком, исчезает
Скорей, чем сделался велик.

Под лучезнойной тяготою
Разорван молнии стрелою,
Обрушась, каплями падет, —
И уж его на небе нет!

Хотя ж он в чадах где своих,
Во мглах, в туманах возродится
И к выспренностям вновь стремится;
Но редко достигает их:
Давленьем воздуха гнетомый
И влагой вниз своей влекомый,
На блаты, тундры опустясь,
Ложится в них, — и зрится грязь.

Не видим ли вельмож, царей
Живого здесь изображенья?
Одни: — из праха, из презренья
Пренизких возводя людей
На степени первейших санов,
Творят богов в них истуканов,
Им вверя власть и скипетр свой;
Не видя, их что ослепляют,
Любезной доброты лишают,
Темня своею чернотой.

Другие: — счастья быв рабы,
Его рукою вознесенны,
Сияньем ложным украшенны,
Страстей не выдержав борьбы —
И доблестей путь презря, правды,
Превесясь злом, как водопады,

Падут стремглав на низ во мглах: —
Быв идолы, — бывают прах.

Но добродетель красотой
Своею собственной сияет;
Пускай несчастье помрачает,
Светла она сама собой.
Как Антонины на престоле,
Так Эпиктиты и в неволе
Почтенны суть красой их душ. —
Пускай чей злобой блеск затмится:
Но днесь, иль завтра прояснится
Бессмертной правды солнца луч.

О вы, имеющи богов
В руках всю власть и всю возможность,
В себе же смертного ничтожность,
Ввергающую бедствий в ров!
Цари! От вас ваш трон зависит
Унизить злом, добром возвысить;
Имейте вкруг себя людей,
Незлобьем, мудростью младенцев;
Но бойтесь счастья возведенцев,
Ползущих пестрых вкруг вас змей.

И вы, наперсники царей,
Друзья, цветущи их красою!
Их пишущи жизнь, смерть рукою
Поверх земель, поверх морей!
Познайте: — с вашим всем собором
Вы с тем равны лишь метеором,

Который блещет от зари;
А сами по себе — пары.

И ты, кто потерял красу
Наружну мрачной клеветою!
Зри мудрой, твердою душою:
Подобен мир сей колесу.
Се спица вниз и вверх вратится,
Се капля мглой, иль тучей зрится:
Так что ж снедаешься тоской?
В кругу творений обращаясь,
Той вниз, — другою вверх вздымаясь, —
Умей и в прахе быть златой.

РАДУГА

Взглянь, Апеллес! взглянь в небеса!
В сумрачном облаке там,
Видишь, какая из лент полоса,
Огненна ткань блещет очам,
Склонясь над твоею главою
Дугою!

Пурпур, лазурь, злато, багрянец,
С зеленью тень, слиясь с серебром,
Чудный, отливный, блещущий глянец
Сыплют вокруг, тихим лучом
Зениц к утешенью сияют,
Пленяют!

Где красота, блеск разноцветных
Камней драгих, светлость порфир,
Прелести красок ярких, несметных,
Чем завсегда славится мир,
Чем могут монархи хвалиться, —
Светиться?

О Апеллес! взявши орудье,
Кисти свои, — дерзкой рукой
С разных цветов вмиг полукружье

Сделай, составь твердой чертой; —
Составь, — и сзови зреть Афины
Картины.

Нет, Изограф! — хоть превосходишь
Всех мастерством дивным твоим;
Вижу, что средств ты не находишь
С мастером в том спорить таким,
Чей взгляд все один образует, —
Рисует.

Только одно солнце лучами
В каплях дождя, в дол отразясь,
Может писать сими цветами
В мраке и мгле, вечно светясь. —
Умей подражать ты ему,
Лей свет в тьму.

Зри, как оно лишь отвращает
Светлый свой взор с облака вспять,
Живость цветов вмиг исчезает,
Краски картин тмятся опять:
Беги ты такого труда
От стыда.

Может ли кто в свете небесном
Чтиться равно солнцу тому,
В сердце моем мрачном, телесном
Что озарив тяжкую тьму,
Творит его радугой мира?
Пой, лира! —

Бога воспой, — смелым пареньем
Чистого внутрь сердца взноси
Дух мой к нему утренним пеньем,
Чтобы творец, вняв с небеси,
Влиял чувств моих в глубину
Тишину.

Светлая чтоб радуга мира,
В небе явясь в цвете зарей,
Стала в залог тихих дней мира,
К счастию всех царств и царей.
Он всех их один просветит,
Примирит.

ПЕРСЕЙ И АНДРОМЕДА

Прикованна цепьми к утесистой скале,
Огромной, каменной, досягшей тверди звездной,
Нахмуренной над бездной,
Средь яра рева волн, в нощи, во тьме, во мгле,
Напасти Андромеда жертва,
По ветру распустя власы,
Трепещуща, бледна, чуть дышуща, полмертва,
Лишенная красы,
На небо тусклый взор вперя, ломая персты,
Себе ждет скорой смерти;
Лия потоки слез, в рыдании стенет
И тако вопиет:

Ах, кто спасет несчастну?
Кто гибель отвратит?
Прогонит смерть ужасну,
Которая грозит?

Чье мужество, чья сила,
Чрез меч и крепкий лук,

Покой мне возвратила
И оживила б дух!

Увы! мне нет помоги,
Надежд, отрады нет;
Прогневалися боги,
Скрежеща рок идет.

Чудовище... Ах! вскоре
Сверкнет зубов коса.
О горе мне! О горе!
Избавьте, небеса!

Но небеса к ее молению несклонны.

На скачущи вокруг седые, шумны волны,
Змеями молнии летя из мрачных туч
Жгут воздух, пламенем горюч,
И рдяным заревом понт синий обагряют.
За громом громы ударяют,
Освечивая в тьме бездонну ада дверь,
Из коей дивий вол, иль преисподний зверь
Стальночешуйчатый, крылатый,
Серпокохтистый, двурогатый,
С наполненным зубов ножей разверстым ртом,
Стоящим на хребте щетинным тростником,
С горящими, как угль, кровавыми глазами,
От коих по водам огнь стелется струями,
Между раздавшихся воспененных валов,
Как остров между стен, меж синих льда бугров

Восстал, плывет, на брег заносит лапы
мшисты,
Колеблет холм кремнистый
Прикосновением одним.
Прочь ропщущи бегут гнетомы волны им.

Печальная страна
Вокруг молчит,
Из облаков луна
Чуть, чуть глядит;
Чуть дышут ветерки,
Чуть слышан стон
Царевниной тоски
Сквозь смертный сон;
Никто ей не дерзает
Защитой быть;
Чудовище зияет,
Идет сглотить.

Но внемлет плач и стон Зевес
Везде без помощи несчастных.
Вскрыл вежди он очес
И всемогущий скиптр судеб всевластных
Подъял. — И се Герой
С Олимпа на коне крылатом,
Как быстро облако, блестяще златом,
Летит на дол, на бой,
Избавить страждущую деву;
Уже не внемлет он его гортани реву,
Ни свисту бурных крыл, ни зареву очей,
Ни ужасу рогов, ни остроте кохтей,

Ни жалу, издали смертельный яд точащу,
Все в трепет приводящу.
Но светлы звезды как чрез сине небо рея,
Так стрелы быстрые, копье стремит на змея.

—

Частая сеча меча
Сильна, могуща плеча,
Стали о плиты стуча,
Ночью блеща как свеча,
Эхо за эхами мча,
Гулы сугубят, звуча.

—

Уж чувствует Дракон, что сил его превыше
Небесна воя мочь;
Он становится будто тише,
И удаляется коварно прочь;
Но кольцами склубясь, вдруг с яростию злою,
О бездны опершись изгибистым хвостом,
До звезд восстав, как дуб, ветвистою главою,
Он сердце раздробить рогатым адским лбом
У витязя мечтает;
Бросается, — и вспять от молний упадает
Священного меча,
Чуть движа по земле свой труп, в крови влача.
От воя зверя вкруг вздрогнули черны враны,
Шумит их в дебрях крик: сокрыло море раны,
Но чермна кровь его по пенным вод буграм,
Как рдяный блеск видна пожара по снегам.

—

Вздохи и стоны царевны
Сердца уж больше не жмут;
Трубят Тритоны, Сирены,
Музы и Нимфы поют.
Вольность поют Андромеды,
Храбрость Персея гласят;
Плеск их и звук про победы
Холмы и долы твердят.

Победа! победа!
Жива Андромеда!
Живи, о Персей,
Век славой твоей!

Не зрим ли образа в Европе Андромеды,
Во Россе бранный дух, Персея славны следы,
В Наполеоне баснь живого Саламандра, —
Не насытима кровью? —
Во плоти божества могуща Александра?
Полн милосердием, к отечеству любовью,
Он рек: «когда еще злодею попущу,
Я царства моего пространна не сыщу,
И честолюбию вселенной не достанет.
Лети, Орел! — да гром мой грянет!

Грянул меж Бельта заливов,
Вислы и Шпреи брегов;
Галлы средь жарких порывов
Зрели, дух Русских каков!
Знайте, языки, страшна колосса:
С нами бог, с нами; чтите все Росса!

Весело Росс проливает
Кровь за закон и царя;
Страху в бою он не знает,
К ним лишь любовью горя.
Знайте, языки, страшна колосса:
С нами бог, с нами; чтите все Росса!

Росс добродетель и славу
Чтит лишь наградой своей;
Труд и походы в забаву,
Ищет побед иль смертей.
Знайте, языки, страшна колосса:
С нами бог, с нами; чтите все Росса!

Жизнь тех прославим полезну,
Кто суть отчизны щитом:
Слава монарху любезну!
Слава тебе, Бенингсон!
Знайте, языки, страшна колосса,
С нами бог, с нами; чтите все Росса!

Повеся шлем на меч, им в землю водруженной,
Пред воинства лицем хвалу творцу вселенной,
Колено преклоня с простертьем рук, воспел
На месте брани вождь: — в России гром взгремел.

ЕВГЕНИЮ.
ЖИЗНЬ ЗВАНСКАЯ

Блажен, кто менее зависит от людей,
Свободен от долгов и от хлопот приказных,
Не ищет при дворе ни злата, ни честей,
И чужд сует разнообразных!

Зачем же в Петрополь на вольну ехать страсть,
С пространства в тесноту, с свободы за затворы,
Под бремя роскоши, богатств, Сирен под власть
И пред вельможей пышны взоры?

Возможно ли сравнять что с вольностью златой,
С уединением и тишиной на Званке?
Довольство, здравие, согласие с женой,
Покой мне нужен — дней в останке.

Восстав от сна, взвожу на небо скромный взор;
Мой утренниюет дух правителю вселенной;

Благодарю, что вновь чудес, красот позор
Открыл мне в жизни толь блаженной.
Пройдя минувшую, и не нашедши в ней,
Чтоб черная змия мне сердце угрызала,
О! коль доволен я, оставил что людей,
И честолюбия избег от жала!

Дыша невинностью, пью воздух, влагу рос,
Зрю на багрянец зарь, на солнце восходяще,
Ищу красивых мест между лилей и роз,
Средь сада храм жезлом чертяще.

Иль накормя моих пшеницей голубей,
Смотрю над чашей вод, как вьют под небом круги;
На разноперых птиц, поющих средь сетей,
На кроющих, как снегом, луги.

Пастушьего вблизи внимаю рога зов.
Вдали тетеревей глухое токозанье,
Барашков в воздухе, в кустах свист соловьев,
Рев крав, гром жолн и коней ржанье.

На кровле ж зазвенит как ласточка, — и пар
Повеет с дома мне манжурской иль левантской,
Иду за круглый стол: и тут-то раздобар
О снах, молве градской, крестьянской;

О славных подвигах великих тех мужей,
Чьи в рамах по стенам златых блистают лицы,

Для вспоминанья их деяний, славных дней,
И для прикрас моей светлицы. —

В которой поутру, иль ввечеру, порой
Дивлюся в Вестнике, в газетах, иль журналах,
Россиян храбрости, как всяк из них Герой,
Где есть Суворов в генералах!

В которой к госпоже, для похвалы гостей,
Приносят разные полотна, сукна, ткани,
Узоры, образцы салфеток, скатертей,
Ковров, и кружев, и вязани.

Где с скотен, пчельников, и с птичников, прудов
То в масле, то в сотах зрю злато под ветвями,
То пурпур в ягодах, то бархат-пух грибов,
Сребро, трепещуще лещами.

В которой, обозрев больных в больнице, врач
Приходит доносить о их вреде, здоровье,
Прося на пищу им: тем с поливкой калач,
А тем лекарствица, в подспорье.

Где также иногда по палкам, по костям,
Усастый староста, иль скопидом брюхатой,
Дают отчет казне, и хлебу, и вещам,
С улыбкой часто плутоватой.

И где случается, художники млады
Работы кажут их на древе, на холстине,
И получают в дар подачи за труды:
А в час и денег по полтине.

И где до ужина, чтобы прогнать как сон,
В задоре иногда в игры зело горячи
Играем в карты мы, в ерошки, в фараон,
По грошу в долг и без отдачи.

Оттуда прихожу в святилище я Муз,
И с Флакком, Пиндаром, богов восседши в пире,
К царям, к друзьям моим, иль к небу возношусь;
Иль славлю сельску жизнь на лире.

Иль в зеркало времен, качая головой,
На страсти, на дела зрю древних, новых веков,
Не видя ничего, кроме любви одной
К себе, — и драки человеков.

Все суета сует! я воздыхая мню:
Но бросив взор на блеск светила полудневна,
О коль прекрасен мир! Что ж дух мой бременю?
Творцом содержится вселенна.

Да будет на земли и в небесах его
Единого во всем вседействующа воля!

Он видит глубину всю сердца моего,
И строится моя им доля.

Дворовых между тем, крестьянских рой детей,
Сбираются ко мне не для какой науки:
А взять по нескольку баранок, кренделей,
Чтобы во мне не зрели буки.

Письмоводитель мой тут должен на моих
Бумагах мараных, пастух как на овечках,
Репейник вычищать. — Хоть мыслей нет больших;
Блестят и жучки в епанечках.

Бьет полдня час, рабы служить к столу бегут;
Идет за трапезу гостей хозяйка с хором. —
Я озреваю стол, — и вижу разных блюд
Цветник, поставленный узором.

Багряна ветчина, зелены щи с желтком,
Румяно-желт пирог, сыр белый, раки красны,
Что смоль, янтарь, икра, и с голубым пером
Там щука пестрая: — прекрасны!

Прекрасны потому, что взор манят мой, вкус;
Но не обилен, иль чуждых стран приправой:
А что опрятно все и представляет Русь;
Припас домашний, свежий, здравой.

Когда же мы Донских и Крымских кубки вин,
И липца, воронка и чернопенна пива

Запустим несколько в румяный лоб хмелин:
Беседа за сластьми шутлива.

Но молча вдруг встаем: — бьет, искрами горя,
Древ. русских сладкий сок до подвенечных
бревен:
За здравье с громом пьем любезного царя,
Цариц, царевичей, царевен.

Тут кофе два глотка; схрапну минут пяток;
Там в шахматы, в шары, иль из лука
стрелами,
Пернатый к потолку лаптой мечу леток,
И тешусь разными играми.

Иль из кристальных вод, купален, между древ,
От солнца, от людей, под скромным
осененьем,
Там внемлю юношей; — а здесь плесканье
дев,
С душевным неким восхищеньем.

Иль в стекла оптики картинные места
Смотрю моих усадьб; — на свитках грады,
царства,
Моря, леса, — лежит вся мира красота
В глазах, искусств через коварства.

Иль в мрачном фонаре любуюсь, звезды зря
Бегущи в тишине по синю волн стремленью:
Так солнцы в воздухе, я мню, текут горя,
Премудрости ко прославленью.

Иль смотрим, как вода с плотины с ревом льет,
И движа машину древа на доски делит;
Как сквозь чугунных пар столпов на воздух бьет,
Клокоча огнь, толчет и мелет.

Иль любопытны, как бумажны руны волн
В лотки сквозь игл, колес, подобно снегу льются
В пушистых локонах, и тьмы вдруг веретен
Марииной рукой прядутся.

Иль как на лен, на шелк, цвет, пестрота и лоск
Все прелести, красы, берутся с поль царицы;
Сталь жесткая, глядим, как мягкий, алый воск,
Куется в бердыши милицы.

И сельски ратники как, царства став щитом,
Бегут с стремленьем в строй во рыцарском убранстве,
За веру, за царя, мы — говорят — помрéм,
Чем у Французов быть в подданстве.

Иль в лодке вдоль реки, по брегу пеш, верхом,
Качусь на дрожках я соседей с вереницей;
То рыбу удами, то дичь громим свинцом,
То зайцев ловим псов станицей.

Иль стоя внемлем шум зеленых, черных волн,
Как дерн бугрит соха, злак трав падет
косами,
Серпами злато нив, — и ароматов полн
Порхает ветр меж Нимф рядами.

Иль смотрим, как бежит под черной тучей
тень
По копнам, по снопам, коврам желтозеленым,
И сходит солнышко на нижнюю степень
К холмам и рощам синетемным.

Иль, утомясь, идем скирдов, дубов под сень;
На бреге Волхова разводим огнь дымистый;
Глядим, как на воду ложится красный день,
И пьем под небом чай душистый.

Забавно! в тьме челнов с сетьми как рыбаки,
Ленивым строем плыв, страшат тварь влаги
стуком:
Как парусы суда, и лямкой бурлаки
Влекут одним под песнью духом.

Прекрасно! тихие, отлогие брега
И редки холмики, селений мелких полны,
Как, полосаты их клоня поля, луга,
Стоят над током струй безмолвны.

Приятно! как вдали сверкает луч с косы
И эхо за лесом под мглой гамит народа,
Жнецов поющих, жниц полк идет с полосы,
Когда мы едем из похода.

Стекл заревом горит мой храмовидный дом,
На гору желтый всход меж роз осиявая,
Где встречу водомет шумит лучей дождём,
Звучит музыка духовая.

Из жерл чугунных гром по праздникам ревет;
Под звездной молнией, под светлыми древами
Толпа крестьян, их жен вино и пиво пьет,
Поет и пляшет под гудками.

Но скучит как сия забава сельска нам,
Внутрь дома тешимся столиц увеселеньем;
Велим талантами родных своих детям
Блистать: музыкой, пляской, пеньем.

Амурчиков, Харит плетень, иль хоровод,
Заняв у Талии игру и Терпсихоры,
Цветочные венки пастух пастушке вьет:
А мы на них и пялим взоры.

Там с арфы звучныя порывный в души
гром, —
Здесь *тихогрома* с струн смягченны, плавны
тоны
Бегут, — и в естестве согласия во всем
Дают нам чувствовать законы.

Но нет как праздника, и в будни я один,
На возвышении сидя столпов перильных,
При гуслях под вечер, челом моих седин
Склонясь, ношусь в мечтах умильных;

Чего в мой дремлющий тогда не входит ум?
Мимолетящи суть все времени мечтаньи:
Проходят годы, дни, рев морь и бурей шум,
И всех зефиров поеваньи.

Ах! где ж, ищу я вкруг, минувший красный день?
Победы слава где, лучи Екатерины?
Где Павловы дела? — Сокрылось солнце, — тень! . .
Кто весть и впредь полет орлиный?

Вид лета красного нам Александров век:
Он сердцем нежных лир удобен двигать струны;
Блаженствовал под ним в спокойстве человек,
Но мещет днесь и он перуны.

Умолкнут ли они? — Сие лишь знает тот,
Который к одному концу все правит сферы;
Он перстом их своим, как строй какой ведёт,
Ко благу общему склоняя меры.

Он корни помыслов, он зрит полет всех мечт,
И поглумляется безумству человеков:
Тех освещает мрак, тех помрачает свет,
И днешних и грядущих веков.

Грудь Россов утвердил, как стену, он в отпор
Темиру новому под Пультуском, Прейсш-лау;
Младых вождей расцвел победами там взор,
А скрыл орла седого славу.

Так самых светлых звезд блеск меркнет
от нощей.
Что жизнь ничтожная? Моя скудельна лира!
Увы! и даже прах спахнет моих костей
Сатурн крылами с тленна мира.

Разрушится сей дом, засохнет бор и сад,
Не воспомянется нигде и имя Званки;
Но сов, сычей из дупл огнезеленый взгляд,
И разве дым сверкнет с землянки.

Иль нет, Евгений! ты, быв некогда моих
Свидетель песен здесь, взойдешь на холм
тот страшный,
Который, тощих недр и сводов внутрь своих,
Вождя, волхва, гроб кроет мрачный.

От коего, как гром катается над ним
С булатных ржавых врат, и збруи медной
гулы
Так слышны под землей, как грохотом глухим
В лесах трясясь звучат стрел тулы.

Так, разве ты, отец! святым твоим жезлом
Ударив об доски, заросши мхом, железны,
И свитых вкруг моей могилы змей гнездом
Прогонишь — бледну зависть —
в бездны

Не зря на колесо веселых, мрачных дней,
На возвышение, на пониженье счастья,

Единой правдою меня в умах людей
Чрез Клии воскресишь согласья.

Так, в мраке вечности она своей трубой
Удобна лишь явить то место, где отзывы
От лиры моея шумящею рекой
Неслись чрез холмы, долы, нивы.

Ты слышал их, — и ты, будя твоим пером
Потомков ото сна, близь севера столицы,
Шепнешь в слух страннику, в дали как тихий гром:
«Здесь бога жил певец, — Фелицы».

ПРИЗНАНИЕ

Не умел я притворяться,
На святого походить,
Важным саном надуваться
И философа брать вид;
Я любил чистосердечье,
Думал нравиться лишь им,
Ум и сердце человечье
Были Гением моим.
Если я блистал восторгом,
С струн моих огонь летел:
Не собой блистал я, — богом;
Вне себя я бога пел.
Если звуки посвящались
Лиры моея царям:
Добродетельми казались
Мне они равны богам.
Если за победы громки
Я венцы сплетал вождям:
Думал перелить в потомки
Души их и их детям.
Если где вельможам властным
Смел я правду брякнуть вслух:
Мнил быть сердцем беспристрастным
Им, царю, отчизне друг.

Если ж я и суетою
Сам был света обольщен:
Признаюся, красотою
Быв плененным, пел и жен.
Словом: жег любви коль пламень,
Падал я, вставал в мой век.
Брось, мудрец! на гроб мой камень,
Если ты не человек.

ПОСЫЛКА ПЛОДОВ

Когда делящая часы небес планета,
К нам возвращаяся, приходит жить
с тельцом:
От пламенных рогов щедрота льется света,
Мир облекается и блеском и теплом.

Не только лишь земля с наружности одета,
Цветами дол пестрит и кроет злаком холм;
Но и в безжизненной внутрь влажности
нагрета,
Плодотворительным чреватеет лучом,
И сими нас дарит, другими ли плодами.

Подобна солнцу ты меж красными женами,
Очей твоих лучом пронзая сердце мне,
И помыслы родишь, и словеса любовны: —
Но ах! они к тебе колико ни наклонны,
В цветущей не живал я никогда весне.

ПРОГУЛКА

Находятся с таким в природе твари зреньем,
Что быстро свой взносить на солнце могут
взор;
Но суть и те, кому луч вреден удареньем;
А под вечер они выходят лишь из нор.

Иные ж некаким безумным вожделеньем
И на огонь летят, красот в нем зря собор;
Но лишь касаются, сгорают мановеньем.
И я, бедняк, сих толп и образ и позор!

Бессилен будучи сносить лучи светила,
Которым я прельщен; ни тени, коя б скрыла
Меня где от него, ни места я не зрю;
Но с потупленными, слезящими очами
Влекусь чрез силу зреть на солнце меж
женами,
Не мысля, ах! о том, хоть ею и сгорю.

ЗАДУМЧИВОСТЬ

Задумчиво, один, широкими шагами
Хожу, и меряю пустых пространство мест;
Очами мрачными смотрю перед ногами,
Не зрится ль на песке где человечий след.

Увы! я помощи себе между людями
Не вижу, не ищу, как лишь оставить свет;
Веселье коль прошло, грусть обладает нами,
Зол внутренних печать на взорах всякий чтет.

И мнится, мне кричат долины, реки, холмы:
Каким огнем мой дух и чувствия жегомы,
И от дражайших глаз что взор скрывает мой;
Но нет пустынь таких, ни дебрей мрачных, дальных,
Куда любовь моя в мечтах моих печальных
Не приходила бы беседовать со мной.

ЯВЛЕНИЕ

Лежал я на травном ковре зеленом,
На берегу шумящего ручья,
Под тенносвесистым, лаплистным кленом;
От зноя не пеклася грудь моя,
И мня о сих, о тех делах отчизны,
Я в сладостном унынии дремал,
Припомня все, что претерпел в сей жизни,
Хотя и прав бывал.

И се с страны из рощи вылетает
Жена мне юна солнечной красы!
Как снег тончица бела обвевает
Ее орехокурчаты власы;
С очей ее блестяща отливалась
Эфира чистого лазурна даль,
Среди ланит лилейных расширялась
Заря, сквозясь в кристаль. —

Вкруг уст ее видна была червленых
Усмешка, ласка искренней любви,
Блистали капли рос с ресниц чуть смежных;
В очах щедрота, тихий нрав в крови
Показывали мне ее в печали. —
Я зрел, иль мнил так быть в мечтаньи ей.

Но кто блаженнее, кого видали,
Как я мечтой был сей?

Восстал, — и к ней объятья простираю;
Она же от меня уходит прочь!
Я бледность на лице ее встречаю,
Она померкла так, как лунна ночь,
Но с чувством на меня взглянув усердно,
Взор важный и глубокомудрый свой
С десницею взведя на небо звездно, —
Исчезла предо мной!

Гряди в свой путь, я рек: небес явленье,
Гряди, — довольно я познал тебя,
И ясно все твое мне мановенье
Я понял, как вперед вести себя:
Не стоит хвал, любви, но паче слезно
Само-блестяще на земли житье;
Но там, но там с тобой цветет любезно
Отечество мое.

ЦАРЬ-ДЕВИЦА

Царь жила-была девица,
Шепчет русска старина:
Будто солнце светлолица,
Будто тихая весна.

Очи светлы голубые,
Брови черные дугой,
Огнь — уста, власы — златые,
Грудь — как лебедь белизной.

В жилках рук ее пуховых,
Как эфир, струилась кровь;
Между роз, зубов перловых
Усмехалася любовь.

Родилась она в сорочке
Самой счастливой порой,
Ни в полудни, ни в полночке,
Алой, утренней зарей.

Кочет хлопал на нашесте
Крыльями, крича сто раз:
Северной звезды на свете
Нет прекрасней, как у нас.

Маковка злата церковна
Как горит средь красных дней,
Так священная корона
Мило теплилась на ней,

И вливала чувство тайно
С страхом чтить ее дивясь;
К ней придти необычайно
Было не перекрестясь.

На нее смотреть не смели
И великие цари;
За решоткою сидели
На часах богатыри.

И Полканы всюду чудны
Дом стрегли ее и трон;
С колоколен самогудный
Слышался и ночью звон.

Терем был ее украшен
В солнцах, в месяцах, в звездах,
Отливались блески с башен
Во осьми ее морях.

В рощах злачных, в лукоморье
Въявь гуляла и в саду,
Летом в лодочке на взморье,
На санка́х зимой по льду.

Конь под ней, как вихрь, крутился,
Чув девицу ездока, —

Полк за нею Нимф тащился
По следам издалека.

Коз и зайцев быстроногих
Страсть была ее гонять,
Гладить ланей златорогих
И дерев под тенью спать.

Ей ни мошки не мешали,
Ни кузнечики дремать;
Тихо ветерки порхали,
Чтоб ее лишь обвевать.

И по веткам птички райски,
Скакивал заморский кот,
Пели соловьи китайски
И жужукал водомет.

Статно стоя няньки, мамки
Одаль смели чуть дышать,
И бояр к ней спозаранки
В спальню с делом допущать.

С ними так она вещала,
Как из облак божество;
Лежа царством управляла,
Их журя за шаловство.

Иногда же и тазала
Не одним уж язычком,
Если больно рассерчала,
То по кудрям башмачком.

Все они царя-девицы
Так боялись, как огня,
Крылиц, прятали их лицы
От малейшего пятна.

И без памяти любили,
Что бесхитростна была;
Ей неправд не говорили,
Что сама им не лгала.

Шила ризы золотые,
Сплошь низала жемчугом,
Маслила брады седые
И не ссорилась с умом.

Жить давала всем в раздолье,
Плавали как в масле сыр;
Ездила на богомолье, —
Божеством ее всяк чтил.

Все поля ее златились
И шумели под серпом,
Тучные стада водились,
Горы капали сребром.

Слава доброго правленья
Разливалась всюду в свет;
Все кричали с восхищенья,
Что ее мудрее нет.

Стиходеи ту ж бряцали
И на гуслях милу ложь;

В царствах иншых повторяли
О царе-девице то ж.

И от этого-то грому
Поднялись к ней женихи
Вереницей к ее дому,
Как фазаньи петухи.

Царств за тридевять мудруя,
Вымышляли, как хвалить;
Вздохами любовь толкуя,
К ней боялись подступить.

На слонах и на верблюдах
Хан иной дары ей шлет,
Под ковром на Хинских блюдах,
Камень с гору самосвет.

Тот Эдемского Индея,
Гребень — звезд на нем нарост,
Пурпур — крылья, яхонт — шея,
Изумрудный — зоб и хвост.

Колпиц алы черевички
Нес — с бандорой тот плясать
Горлиц нежные яички, —
Нежно петь и воздыхать.

Но она им не склонялась,
Набожна была чрез чур.
Только в шутках забавлялась,
Напущая на них дур.

Иль велела им трудиться:
Яблок райских ей искать,
Хохлик солнцев, чтоб светиться,
В тьме век младостью блистать.

Но они понадорвали
Свой живот, — и стали в пень;
Что искали, — не сыскали,
И исчезли будто тень.

Тут откуда ни явился
Царь царевич, или круль,
Ни людям не поклонился,
Ни на спаса не взглянул.

По бедру коня хлесть задню
И в тот миг невидим стал, —
Шасть к царю-девице в спальню
И ее поцеловал.

Хоронилася платочком
И ворчала хоть в сердцах;
Но как вслед его окошком
Хлопнула, — вскричала: ах!

Конь к тому ж в пути обратном
Тронул сеть садовых струн:
Град познал в сем звуке страшном,
Что был дерзок Маркобрун.

Вот и встал дым коромыслом
От маяков по горам;

В мрачном воздухе, навислом,
Рев завыл и по церквам.

Клич прокликали в столице,
И гонцы всем дали весть,
Чтоб скакать к царю-девице
И служа ей, — мстить за честь.

Заскрипели двери ржавы
Оружейниц древних лет.
Воспрянули мужи славы
И среди пустынных мест.

Правят снасти боевые
И булат и сталь острят;
Старые орлы, седые
С соколами в бой летят.

И свирепы кони в стойлах
Топают, храпят и ржут,
На холмах и на раздольях
Пыль вздымают, пену льют.

Вслух пищали стенобойны,
Растворя чугунны рты,
Воют в час полночный, сонный,
Чтоб скорей в поход идти.

Идет в шкурах рать звериных,
С дубом, с пращей, с кистенем;
В перьях птичьих, в кожах рыбных,
И как холм течет чрез холм.

Занимает степи, луги
И насадами моря,
И кричит: помремте, други,
За девицу и царя!

Не пленила златом, сбойством
Нас она, ни серебром;
Но лишь девичьим геройством,
Здравым и простым умом.

И так сими вождь речами
Взбудоражил войнов дух,
Что подняв бугры плечами,
Растрепали круля в пух.

И еще в его бы царстве
Только раз один шагнуть,
Света б не было в пространстве
Чем его и вспомянуть.

Кровь народа Маркобруна
Уподобилась реке;
Он дрожал ее перуна
И в своем уж чердаке.

Но как он царя-девицы
Нежный нрав довольно знал;
Стал пастух — и глас цевницы
Часто ей своей внушал.

«Виноват, — пел: пред тобою,
Что прекрасна ты, мила». —

«Сердце тронь мое рукою.
Сядь со мной!» — она рекла...

Так и все красотки славны
Дерзостей не могут несть;
Все бывают своенравны,
Любят жены, девы честь.

Уж я стою при мрачном гробе
И полно умницей мне слыть;
Дай в пищу зависти и злобе
Мои все глупости открыть:
Я разум подклонял под веру,
Любовью веру возрождал,
Всему брал совесть в вес и меру
И мог кого прощать — прощал.
Вот в чем грехи мои, недуги
Иль лучше пред людьми прослуги.

Тебе в наследие, Жуковской!
Я ветху лиру отдаю;
А я над бездной гроба скользкой
Уж преклоня чело стою.

ПОЛИГИМНИИ

Муза Эллады, пылкая Сафа,
Северных стран Полигимния!
Твоя ли сладкозвучная арфа?
Твои ли то струны златые,
Что молнии в души бросая,
Что громами тихо гремя,
Грудь раздробляют мою!

Иль, о румянощека, чернокудра,
Агатовоокая Дева!
Ты мне древнего слога премудра
Витиев Эольских напева
С розовых уст глас проливаешь?
Слышу журчащие токи
И во гармоньи тону!

Так, ты, Греко-Российска Харита!
Вблизи как меня восседая,
Коснулась во мне дланью Пиита,
Со мной однодушно дыхая,
Мой гимн возглашаючи богу,
Сердце во мне вспламенялось,
Слезы ручьями лились!

И если б миг еще продолжила
Твое небозвучное чтенье,
Всю жизнь бы мою как былье спалила,
Растаял бы я в восхищенье
Юной красой упоясь,
Блаженства снести бы не мог,
Умер, любовью сгорев.

Но холодная старость, седая,
Бледным покрыв щитом костяным,
Стрелы твоих очес отражая,
Хоть упасть ко стопам мне твоим
Строго тогда воспретила,
Избег я тебя; — но твой взгляд,
Луч как в льде, блещет во мне.

Зрится в моем, горит вображенье,
Ах, как солнце, твоя красота!
Слышу тобой мое выраженье
И очаровательна мечта
Всю душу мою наполняет
Пеньем твоим песен моих. —
Буду я, буду бессмертен!

Река времен в своем стремленьи
Уносит все дела людей
И топит в пропасти забвенья
Народы, царства и царей.
А если что и остается
Чрез звуки лиры и трубы,
То вечности жерлом пожрется
И общей не уйдет судьбы!

ПРИМЕЧАНИЯ

Ключ. Написано в 1779 г. в связи с выходом в свет поэмы М. М. Хераскова «Россиада»; в оде воспет ключ, протекавший в подмосковном имении Хераскова Гребеневе.

На смерть к. Мещерского. Князь А. И. Мещерский, приятель Державина, умер в 1779 г., и в том же году была написана эта ода (переработана в 1783 г.).
С. В. *Перфильев* — друг Мещерского.

На рождение порфирородного отрока. Александр Павлович, будущий император, родился в 1777 г.; однако настоящая ода, посвященная этому событию, написана позднее, видимо в 1779 г.
В конце оды — *родители* — Павел и Мария Федоровна, а *их мать* — Екатерина II.

К первому соседу. В 1780 г., когда была написана эта ода, Державин жил в Петербурге, на Сенной площади; недалеко от него жил купец М. С. Голиков, богач, взявший на откуп петербургские питейные сборы,

а ранее бравший откупа в Сибири. К нему и обращается Державин в своем стихотворении.

Из глин китайских — из фарфора. *Твоя уж Панелопа в скуке.* В Сибири Голиков оставил жену.

Властителям и судиям. Содержание этой оды заимствовано из 81-го псалма. Первая редакция переложения этого псалма относится ко времени около 1780 г. и не была напечатана. Вторая редакция была изъята из журнала — в том же 1780 г. Третья редакция появилась в 1787 г. Впоследствии Екатерина II очень гневалась на Державина за эту оду. При Павле I цензура не пропустила ее в печать (в «Сочинениях Державина», 1798).

На новый год. Написано в конце 1780 г. или нач. 1781 г. *Пленира* — этим именем Державин называл в стихах свою первую жену, Екатерину Яковлевну.

Фелица. Написано в 1782 г. Державин прославлял в своей оде Екатерину под именем царевны Фелицы, взятым из «Сказки о царевиче Хлоре», сочиненной самой Екатериной. Здесь рассказывается, как русского царевича Хлора похитил киргизский хан и повелел ему найти розу без шипов — символ добродетели. Хлору помогла в его задаче

дочь ханская Фелица (от латинского слова felicitas — счастье). Хлор, руководимый сыном Фелицы Рассудком, взобрался на гору, на вершине которой он и нашел розу без шипов. «Мурза» (татарский дворянин), от лица которого написана ода, в патетических местах оды дан как авторское «я», в сатирических же местах собирает в себе черты вельмож двора Екатерины — Г. А. Потемкина, А. Г. Орлова, П. И. Панина, А. А. Вяземского и др.

К духам в собранье не въезжаешь и *Не ходишь с трона на Восток* — т. е. чужда масонских интересов («секта духов» — масоны; «Востоки» — ложи масонов). *Цуг* — упряжка в несколько лошадей попарно, бывшая привилегией высших чинов. *Лентяй и Брюзга* — персонажи сказки о Хлоре; говорили, что царица намекала этими образами на Потемкина и Вяземского. *Что отреклась и мудрой слыть.* Екатерина отказалась от поднесенных ей дворянством титулов Великой, Премудрой и Матери отечества. *Там можно пошептать в беседах* и сл. — речь идет о жестоких порядках времен Анны Ивановны.

Благодарность Фелице. После того, как ода «Фелица» появилась в свет, Екатерина прислала Державину золотую табакерку с деньгами. Державин ответил этой одой, написанной летом 1783 г.

Видение Мурзы. «Фелица» возбудила много толков и нападок в Петербурге, — равно как награды, полученные почти неизвестным дотоле поэтом. По поводу этих толков и нападок Державин начал в 1783 г. писать «Видение Мурзы», но окончил его только в 1790 г.

Одежда белая и т. д. — описание Екатерины точно в том виде, как она изображена на знаменитом портрете Левицкого. *Виссон* — драгоценная ткань. *Кадиев, факиров* — судей и монахов в мусульманских странах; здесь — в смысле вельмож.

Бог. Начато в 1780 г. и окончено в 1784 г.

На смерть гр. Румянцовой. М. А. Румянцова, мать знаменитого военачальника, умерла в 1788 г. девяноста лет от роду. Державин обращается в своей оде к кн. Е. Р. Дашковой, причем поводом для его моральных (и весьма ядовитых) рассуждений была женитьба ее сына без ее разрешения. Дашкова была честолюбива, и ее рассердило, что жена ее сына была не знатна. Державин намекает и на англоманию Дашковой. Первые стихи оды представляют собою подражание оде Горация (II, 9).

Затмившего мать лунный свет — т. е. мать того, кто победил Турцию (луна, полумесяц — герб и символ Турции). *Сын твой* —

сын Дашковой был в армии, воевавшей с Турцией. *Фессальский насаждая сад*, т. е. Парнасс; имеется в виду Российская академия, президентом которой была Дашкова. *Ареопагом* Державин называет Сенат, во главе которого стоял Вяземский, неприятель Дашковой. *Терпи!* и т. д. В это время Россия воевала не только с Турцией (луна), но и с Швецией (в гербе Швеции был лев).

Осень во время осады Очакова. Зимой 1788 г. армия под командованием Потемкина осадила Очаков. В это время Державин обратился со своей одой к кн. С. Ф. Голицыну, генералу, находившемуся под Очаковом; его жена была племянницей Потемкина. Во время отсутствия мужа она жила в имении Зубриловке недалеко от Тамбова, где губернаторствовал Державин.

Колпик — аист. *Выжлята* — щенки гончих собак. *Древнее царство Митридата* — Крым. *Темнит луну* — т. е. побеждает турок. *Эвксин* — Черное море. *Пленира* — здесь жена Голицына.

На счастие. Ода написана Державиным в Москве, где он жил, ожидая решения Сената по делу об отрешении его от тамбовского губернаторства и о ряде обвинений, выдвинутых против него его начальником Гудовичем; это было в 1789 г. В оде дано

полушуточное обозрение ряда тем политического и культурного характера.

Султана Баязета Тамерлан, взяв в плен, *заключил в клетку* (XIV в.); *казнен* был *король* английский Карл I во время революции в 1649 г. *Раб* — шах Надир в 1737 г. «из разбойника сделавшийся царем персидским» (объяснение Державина). *Магнизируешь* — речь идет о светской моде на «животный магнитизм», учение о присутствии в человеке магнитической силы внушения. *Золото варишь* — речь идет об увлечении в среде масонов алхимией. *Полна земля вся кавалеров* и сл. — Державин был недоволен легкостью раздачи чинов и орденов. Далее Державин рисует в выгодном свете внешнюю политику правительства Екатерины: войну с Турцией и взятие Очакова *зимой* 1788 г., присоединение Крыма *(Тавр)*, войну с Швецией *(задать Стокгольму перцу)*, переговоры о союзе с Пруссией *(Берлином)*; попытку английской королевы занять место регента при больном короле и искание ею поддержки со стороны русского двора *(Темзу в фижмы наряжаешь*, т. е. в женское платье) и т. д. *Ерихонцами* названы подьячие, чиновники. Тут же — выпад против моды на *полосатые* фраки. *Мартышки* — ненавистные Екатерине масоны (от «мартинисты»). *Фонари* — французские просветители, которым и Екатерина и Державин, напуганные французской революцией, стали выражать неодобрение, именно

как агитаторам «разрушительных» идей. *Мишурные цари* — генерал-губернаторы (видимо, намек на Гудовича). *Макароны* любил изготовлять испанский король Карл IV, *слесарным делом* занимался французский король Людовик XVI. *Хем-хем-хем* — кашель «дедушки», идеального персонажа серии фельетонов Екатерины «Были и небылицы». *Страны железны* — Швеция; *лунно государство* — Турция. *Гудок* — намек на гр. Гудовича; *хохол* — намек на гр. Безбородко и других вельмож-украинцев. *Жить буду в тереме богатом* — сатира на гр. Завадовского. *Беатус* — начало эпода Горация «Beatus ille...» — «Блажен тот, кто вдали от дел, как в старину, возделывает отцовскую землю своими волами...» и т. д.

Изображение Фелицы. Написано в 1789 г., когда Державин, оправданный по обвинениям в проступках по должности губернатора, тщетно ждал нового назначения.

На 42 столпах—тогда в России было 42 губернии. *Скрижаль заповедей* — Наказ Екатерины Комиссии 1767 года. *Я вам даю свобо/.у мыслить* и т. д. — здесь формулируются «заслуги» Екатерины перед дворянством, указ 1786 г. о том, чтобы прошения на ее имя не назывались челобитными и чтобы в

подписи под ними называли себя не рабами, а верными подданными, разрешение присылать из провинции депутатов по губернским делам и др. *Халдеи* (чародеи) — масоны. *Разделение хаоса* — устройство бюрократической системы управления губерний. *С ристалища* — Речь идет о «карусели» 1766 г., кавалерийском спортивном празднике, в котором участвовали приближенные Екатерины в разных экзотических костюмах. *Зороастр* — здесь Петр I. *Так в царство бы текли Фелицы...* Речь идет о вызове иностранцев для поселения их колониями в России. *Царя великого поставить* — о памятнике Петру I (Фальконета), открытом в 1782 г. *Без ужаса пила бы яд...* В 1768 г. врач Димсдаль привил оспу Екатерине, впервые в России. *Младенцев миллионы*, т. е. младенцев, спасенных от смерти введением оспопрививания. *Стоглавой гидрой* Державин называет, в соответствии с принятыми в придворном кругу реакционными понятиями, Пугачевское восстание, а *фуриями* — чумный бунт в Москве в 1771 г. *Никто в бою им не равнялся* и сл. — слова о русских воинах шведского вице-адмирала Вахтмейстера, взятого в плен русскими в 1788 г. *Недоуменье* — комедия Екатерины II «Недоразумения» (1789). *Щедроту, славу и любовь* — намек на расточительство, тщеславие и любострастие царицы.

Н а в з я т и е И з м а и л а. Ода написана в 1790 г. В ней прославлен подвиг русских войск, взявших 11 декабря 1790 г. под предводительством Суворова крепость Измаил, считавшуюся неприступной.

...*Из трехсот жерл*... Измаил обороняло почти 300 пушек. *Курций, Деций, Буароз*... Первые два — герои древнеримских легенд, принесшие жизнь в жертву отечеству; третий (Буа-Розе) — француз, подвиг которого помог взять крепость в XVI в. *Мармора* — Мраморное море. Александр Македонский взял *Тир* в 333 г. до н. э. *Хин* — китаец. *Среда вселенной* — Константинополь. *Рындой* Державин по ошибке называет дубину, палицу. *Ахеяне* — греки; *агаряне* — в смысле «турки». *Пророки, камни*... — Державин объяснил это место так: «В Византии находятся камни с надписями,.. которые пророчествуют о взятии северными народами Константинополя; мистики находят о том пророчества и в самом священном писании». *О вы, что в мыслях суетитесь*... и следующие стихи — относятся к Англии и Пруссии, мешавшим реализовать русские победы над Турцией. *Темир* — Тамерлан. *Омар*, зять Магомета, завоевавши Александрию, «сжег славную библиотеку» (объясн. Державина). *Афинам возвратить Афину*, «то есть город Афины возвратить богине его Минерве, под которою разумеется имп. Екатерина» (объясн. Державина). *Кон-*

стантину — т. е. внуку Екатерины Конст. Павловичу, которого царица, мечтавшая о завоевании Турции, прочила на греческий трон под властью России. Библейским именем *Афета* (Иафета) Державин обозначает здесь Европу.

Любителю художеств. Написано в 1781 г. в честь гр. А. С. Строганова ко дню его рождения в виде «Песни», исполнявшейся на празднике в доме графа (с музыкой Д. С. Бортнянского). А. С. Строганов, вельможа и богач, проявлял интерес к искусству; дом его, построенный Растрелли (на углу Невского пр. и наб. р. Мойки), представлял собой музей, полный произведений искусств.

С горы зеленой, двухолмистой — с Парнасса. *Тифон* — чудовище.

Прогулка в Сарском Селе. Написано в 1791 г. и напечатано в «Московском журнале» Карамзина. Сарское Село — старинное название г. Пушкина.

Именем *Фемиды* здесь названа Екатерина; в парке ее дворца были поставлены памятники в честь побед Орлова, Румянцова и др.

Ко второму соседу. Написано в 1791 г., когда Державин купил дом в Петербурге, на Фонтанке (теперь № 118) и приступил к переделке его. Рядом с до-

мом Державина возводил огромное здание М. А. Гарновский, управитель Потемкина, наживший значительное состояние. К нему-то и обратился Державин с этой одой.

Тивда — река в Карелии, близ которой производилась ломка мрамора. *Рифей* — Урал. *Бакц*, т. е. Баку. *Глазумей* — дорогой сорт чая. *Твой Феб* — Потемкин. *Сокровища Тавриды...* — Гарновский управлял Таврическим дворцом Потемкина и, после его смерти, стал свозить в свой новый дом всё, что только мог, а наследники Потемкина препятствовали этому грабежу с помощью полиции. *Хижина Петра* — домик Петра I на Петербургской стороне. *Народ гробницы Матвееву принес* — Державин имеет в виду легенду о боярине царя Алексея Михайловича — Матвееве, который якобы так был любим народом, что для фундамента строящегося его дома народ принес камни с гробниц отцов своих. *Плющ* — символ любви к отечеству.

Водопад. Ода написана в 1791—1794 гг. на смерть Потемкина (5 октября 1791 г.). Он умер в степи по дороге из Ясс в Николаев. Потемкину в оде противопоставлен идеальный вельможа — Румянцов. Начата ода описанием водопада Кивач на р. Суне, в 60 километрах от Петрозаводска.

Стук млатов от Кончезерского чугунопла-

вильного завода, находившегося недалеко от Кивача. Трава *повилика* — символ любви к отечеству. *Велизарий* — византийский полководец VI века, был обвинен в заговоре и заключен в тюрьму; по легенде, он был ослеплен и потом нищенствовал. *Ослабли силы...* и т. д. — имеется в виду опала Румянцова. *Луна* — Турция. *Ограды* — каре, четырехугольное расположение войск, введенное Румянцовым. *Орел* — Пруссия; речь идет о победах Румянцова над Пруссией в «семилетнюю» войну 1756—1762 гг. и о победах его над Турцией в войну 1768—1774 гг. (*гордость лунну...*) *Колхида* — Крым. *Белого царя урон...* и т. д. — т. е. отомстил за неудачу Петра I в Прутском походе. *Князь Тавриды...* Потемкин получил титул князя Таврического. *Среда земли* — Константинополь. *Мою настроить лиру мнил* — Державин говорит о своей оде «На взятие Измаила» и своем описании праздника, данного Потемкиным в 1791 г. *Меч в полножны войти лишь мог...* Речь идет о начале мирных переговоров с Турцией. *Оливы* — Вскоре после смерти Потемкина мир был заключен. *Муз Ахейских* — намек на греческую эпитафию Потемкину, сочиненную архиепископом Евгением Булгарисом. *Марон* (Виргилий) — Его именем обозначен В. П. Петров, переводчик «Энеиды», воспевший смерть Потемкина, своего друга и покровителя. *В одр упал...* — Незадолго

до смерти Потемкин по ошибке, выходя из церкви, взошел вместо своей кареты на стоявшую здесь погребальную колесницу. *Вкруг гроба Вейсмана...* — Русский генерал Вейсман, убитый в первую турецкую войну (в 1773 г.), был погребен в Измаиле, взятом во вторую турецкую войну. *В Очакове* — Очаков был взят зимой, 6 декабря 1788 г., в лютый мороз. *Как ходят рыбы в небесах...* — В ясный день в воде видны и рыбы и отраженные в ней облака. *Альцибиадов прах!* Алкивиад — полководец и политический деятель древних Афин. *Фирс,* т. е. Терсит, действ. лицо «Илиады», — трус; намек на П. А. Зубова, решавшегося критиковать Потемкина. *Водопадов мать* — намек на императрицу, от власти которой проистекала власть вельмож.

На умеренность. Написано в 1792 г., когда Державин был секретарем Екатерины. В начале оды — мотивы Горация (ода III, 10).

Вольным... французом — речь идет о французской революции. *К фортуне по льду* — имеются в виду зимние походы русской армии в 1788 г. и 1790 г. и взятие Очакова и Измаила зимой. *Язон* — имеется в виду Потемкин, ограбивший Крым. *Крез* — имеется в виду обер-прокурор Зубов, отец фаворита, нагло отнявший у соседа имение (Державин добился возвращения его владельцу). *Марс* — князь Долгоруков и граф

Салтыков, генералы, наживались на винных откупах. *Нет дел* — жалоба на то, что Екатерина не хотела заниматься внутренними делами, докладчиком по которым был Державин. *Шел... со вздором* — Екатерина, гневаясь на Державина за его настойчивость, говорила, что он «со всяким вздором» к ней лезет. *Чрез шашни* — намек на фаворита Зубова. *Златый змей* — Зубов любил пускать змея.

К Н. А. Львову. Ода написана в 1792 г. и адресована другу Державина Львову, поэту, архитектору, художнику. В это время Державин имел неприятности по службе при дворе, а Львов жил в деревне. Жена Львова была приятельницей первой жены Державина («подруги чернобровой»); она вышивала по соломе картины для отделки дома Державиных.

На птичку. Когда Державин был назначен секретарем Екатерины, она хотела, чтобы он воспевал ее. Но Державин разочаровался в ней и не хотел и не мог хвалить ее; тогда-то (ок. 1792—1793 г.) он и написал это четверостишие.

Ласточка. Написано в 1792 г. без последних двух стихов, добавленных в 1794 г., когда умерла первая жена Державина.

Косицы — перья.

На смерть Катерины Яковлевны — первой жены Державина, умершей в 1794 г.

Зельная — сильная.

Вельможа. Первый очерк этой оды был закончен еще в 1774 г. (напеч. в 1776 г.) под названием «На знатность» В 1794 г. Державин заново написал оду, увеличив ее при этом в два с половиной раза. Это, в сущности, совсем новое произведение.

Перлы перские — персидские жемчуга. *Бразильские звезды* — бриллианты. *Чупятов* — купец-банкрот, разыгрывавший сумасшедшего и заявлявший, что ленты и медали, навешенные им на себя, — это ордена, подарки влюбленной в него «марокккской принцессы». *Мусия* — мозаика. *А ты, второй Сарданапал* и след. строфы — имеется в виду Потемкин и др. вельможи того времени. *А там — вдова стоит в сенях* и т. д. — речь идет о вдове Костогоровой, муж которой был убит, защищая честь Потемкина, и которая тщетно выпрашивала у Потемкина помощи. *Кн. Я. Долгоруков* — вельможа времени Петра I, о котором рассказывали, что он смело порицал действия царя, если признавал их неправильными. Последние три строфы относятся к Румянцову.

Н а взятие Варшавы. Написано в 1794 г.

Тристаты — военачальники. *Александр* — Македонский. *Царь в полону...* — Самостоятельное польское государство было ликвидировано и последний король польский — Станислав-Август Понятовский — должен был поселиться в России. *Совет змеиный* — французского правительства, поддержавшего польское. *Сарматы,* т. е. поляки. *Лев* — Швеция (по ее гербу); *О стыд!* и т. д. — эти строки направлены против Пруссии и ее короля Фридриха-Вильгельма, союзника Екатерины, предавшего ее. *А ты... чашник кронь* (т. е. Кронида, Зевса) — имеется в виду фаворит Зубов.

Соловей. Написано в 1794 или 1795 г. *Тимотей* — древнегреческий музыкант, состоявший при дворе Александра Македонского; по преданию, он умел своей игрой успокаивать и возбуждать страсти Александра. *Таиса* — возлюбленная Александра.

Мечта. Написано в конце 1794 — нач. 1795 г. в связи с вторичной женитьбой Державина — на Д. А. Дьяковой (1795).

Мальчик — купидон, амур.

Гостю. Написано около 1794 или 1795 г. по поводу посещения Державина его приятелем П. Л. Вельяминовым.

Приглашение к обеду. Написано в 1795 г. Посвящено сразу двум вельможам, И. И. Шувалову и А. А. Безбородко. Последняя строфа относится к фавориту П. А. Зубову, который обещал приехать на тот же званый обед к Державину, но перед обедом прислал сказать, что его удержала императрица.

Случай — успех, «милость» при дворе.

Суворову. Написано в конце 1795 г., когда Суворов после побед в Польше приехал в Петербург; Екатерина поместила его в Таврическом дворце. Суворов, по своему обычаю, велел приготовить себе и во дворце постель из соломы. Державин посетил его. В этот же день, принимая фаворита царицы Зубова, Суворов явственно выразил ему пренебрежительное отношение к его «высокому» положению.

Эпиктет — древнегреческий философ, стоик, именем которого обозначали мудрость отречения от земных благ.

Памятник. Написано в 1796 г. Это — свободное переложение знаменитой оды Горация (III, 30).

Пчела. Написано около 1796 г.

На возвращение гр. Зубова из Персии. В 1796 г. В. А. Зубов, брат

фаворита, во главе русского войска вторгся в Персию. Когда умерла Екатерина, Павел I отозвал армию назад. Зубов оказался в опале. И вот, один из вельмож сказал Державину, что теперь он, мол, не воспоет Зубова, которому ранее посвятил оду на взятие Дербента. Тогда Державин, настаивая на искренности своей как поэта, написал эту оду — в 1797 г.

Врата железные — Дербент (по-турецки Темир-Капу — железные врата). *Александра* Македонского. *О вспомни* и т. д. — воспоминание об оде на взятие Дербента. *Иль уклонися* и т. д. — Зубов просил у царя разрешения уехать за границу.

Храповицкому. Написано в 1797 г. в ответ на стихотворное послание А. В. Храповицкого, в котором тот упрекнул Державина в лести вельможам, и в частности фаворитам недавно умершей Екатерины. Храповицкий писал тут же: «Орел державный ты, я — пташка».

Развалины. Написано в 1797 г., вскоре после смерти Екатерины, и описывает опустевший после нее царскосельский парк.

Подзоры — навесы. *Азиатских домик нег* — так наз. Турецкая беседка. *Парнас* — гора в парке. *Верхом скакали на коньках* — на карусели. *Нимфы и купидоны* — дети придворных. *Алкид* — имеется в виду па-

мятник А. Г. Орлову посреди озера. Далее речь идет о других памятниках в парке. *Перлов гнезда* — перламутр perle Mutter.

К музе. Написано в 1797 г. по поводу коронации Павла I, состоявшейся в день Пасхи 5 апреля.

Люлька — клумба.

Капнисту. Написано в 1797 г. В это время друг Державина, поэт В. В. Капнист, собирался ехать за границу. Стихотворение местами представляет собою вольное подражание оде Горация (II, 16).

Тороки — ремни у седла. *Румянцов-Задунайский* умер в конце 1796 г., а *Суворов-Рымникский* был в 1797 г. в опале и сослан Павлом I в деревню. *Обуховка* — имение Капниста в Полтавской губ. на р. Псле. Именем *Милены* Державин обозначал в стихах свою вторую жену, Дарью Алексеевну.

Цепи. Написано в 1797 г. на Званке, по поводу того, что гостья Державиных, молодая свойственница их, А. М. Бакунина, потеряла золотую цепочку.

Рождение красоты. Написано около 1797 г.

Люси. Написано около 1797 г. Перевод-подражание 34-й оды Анакреона (точнее, сборника стихотворений, обозначавшегося его именем).

Соловей во сне. Написано около 1797 г.

Дар. Написано около 1797 г.

Желание — то же.

Дашенька — Дарья Алексеевна, вторая жена Державина.

К лире. Написано в 1797 г. Вольное переложение 1-й оды Анакреона.

К самому себе. Написано в 1797—1798 гг.

Богатство. Написано в 1798 г. Вольный перевод 23-й оды Анакреона.

Параше. Написано в 1798 г. в Гатчине.

Параша — П. М. Бакунина, свойственница Державина, долго жившая у него в доме. Державин намекает на ухаживание за Парашей П. А. Нилова, офицера, сына приятеля Державина; вскоре П. А. Нилов женился на Параше. *Палаша* — сестра Параши.

Арфа. Написано в 1798 г. Пелагее Бакуниной, жившей в доме Державина; она

играла на арфе. В мае 1798 г. Казань, родину Державина, посетил Павел I. Последний стих этого стихотворения сделался пословицей. Его приводит Чацкий в «Горе от ума» (с перестановкой слов); прообраз стиха Державина — в 1-й песне «Одиссеи».

Венец бессмертия. Написано около 1798 г.

Вафилл — имя юноши из сборника Анакреона. *Певец Тииский* — Анакреон (из города Теоса или Тиоса).

Стрелок. Написано ок. 1799 г. Державин намекает на богача А. Л. Щербачева.

Русские девушки. Написано ок. 1799 г.

Певец. Тииский — Анакреон. *Бычок* — крестьянский танец.

На победы в Италии. Написано в 1799 г. по поводу первых побед Суворова, вызванного Павлом I из ссылки и направленного в Италию воевать с французской армией.

Валка (Валкирия) — дева-воин древнегерманских легенд. *Валкал (Валгалла)* — рай храбрых. *Рюрик*, по легенде, воевал победоносно во Франции. *Сбылось пророчество* — см. оду на возвращение гр. Зубова из Персии.

Братское согласие. Написано в 1799 г. Переложение 132-го псалма. *Аарон* — библейский первосвященник.

Ометы риз — края одежд. *Синай* и *Эрмон* — палестинские горы.

Снигирь. Написано на смерть Суворова, в мае 1800 г. Державин присутствовал при кончине полководца. У Державина был снигирь, обученный петь начало военного марша. Вернувшись после смерти Суворова домой, Державин услышал пение снигиря и написал эту оду.

Гиенна — имеется в виду французская революция, которую Державин реакционно понимал, как нечестивое разрушение всех устоев старозаветной государственности, привычных ему.

«Вторжествовал и усмехнулся»... отрывок неоконченного стихотворения на смерть Суворова.

Тиран — Павел I.

На смерть Суворова. Написано в 1800 г.

На гробницу Суворова — 1800 г. Эта надпись Державина вырезана на могиле Суворова в Александро-Невском монастыре (Лавре).

П р и н о ш е н и е к р а с а в и ц а м. Это стихотворение, написанное около 1801 г., служит вступлением к сборнику «Анакреонтических песен» (1804), а также к III тому Сочинений Державина (1808 г.).

Т о н ч и ю. Написано в 1801 г., когда художник Н. И. Тончи приступил к работе над большим портретом Державина. Тончи так и написал Державина, как сказано в этой оде.

Багрим — татарский мурза, от которого вел свой род Державин.

Б е с е д а с г е н и е м. Стихотворение написано в конце 1801 г. по поводу того, что новый царь Александр I пригласил к себе Державина и дал ему поручение.

К ц а р е в и ч у Х л о р у. Написано в 1802 г. Это стихотворение, написанное в манере «Фелицы» и рисующее державинский идеал главы государства, было предназначено служить не только похвалой, но и назиданием молодому царю Александру I.

Царевичем татарским *Хлором*, именем, взятым из сказки Екатерины II (см. примеч. к «Фелице»), здесь обозначен Александр I. Стихотворение написано от лица индийского *брамина*. Именем *Зороастра* (или Заратустры), преобразователя персидской

религии, обозначен здесь Петр I. *Пашей, эмиров, мурз*, т. е. вельмож. *Муфтьев, дервишей, иманов*, т. е. духовенство. *Глас алкоранов*, — т. е. ты уважаешь их мнение, как Коран, только потому, что они — старые люди. *Им разбирать себя судом* и т. д. — речь идет о правилах третейского суда, которые царь приказал составить Державину и утвердил предварительно; «при оных нельзя уже бы было заводить ябедою в суды и давить народ неправосудием в судебных местах, из которых, как овцы из репейников, не выходят без того тяжущиеся, чтоб не потерять своей шерсти» (объясн. Державина). *Писать на голубях*. — «В Египте было обыкновение, что писали к своим приятелям чрез голубей; то и относится сей стих к тому, что к императору доходили нередко письма неизвестно чрез кого, так, как бы приносимы были птицами» (объясн. Державина). *Выставлять листами* — имеется в виду «весьма мерзкое происшествие, что женщина хорошего состояния тирански и постыдным образом была умерщвлена неизвестными людьми: то и выставлены были публикации о сыске сих мерзавцев» (там же). Державин скорей всего знал, что участником в этом преступлении был брат царя, Константин Павлович. В дальнейших стихах говорится о смягчении цензурного и полицейского режима в начале царствования Але-

ксандра. *Царицу четверней катаешь,* т. е. не цугом в 6 и более лошадей, как раньше. *Оромаз* (Ормузд) — «дух добрый или бог индейских браминов» (объясн. Державина). *Гарем* — дворец; *диван* — Сенат. *Инсфендармас* — ангел-покровитель страны (по книге Зенд-Авеста). *И коей подношу здесь гимн* — стихотворение «К царевичу Хлору» было издано вместе с другим — «Гимн солнцу». *Ариманов мост.* — Ариман — «злой дух; брамины верят, что по смерти души переходят чрез его мост, и ежели они не очищены, то свергаются в неизмеримые бездны» (объясн. Державина). В последних четырех стихах — намек на стихотворное нападение на Державина; автор этого нападения имел слабое зрение и «смотрел всегда через лорнет» (там же).

Весна. Написано в 1804 г,; адресовано знакомому и свойственнику Державина, писателю Ф. П. Львову, служившему по министерству коммерции, — в связи с приглашением Львовым Державина на дачу 1 мая.

Фавон — весенний ветер. *Бельт* — Балтийское море. *Солнце лучем* и т. д. — Речь идет о ежегодном гуляньи в Екатерингофе на взморьи 1 мая. *Роща сынов.* — Львов имел семь сыновей. В *Ревеле* и *Кронштадте* были таможни. Ф. П. Львов, по своей должности,

не раз конфисковал на этих таможнях контрабанду; молва упрекала его в злоупотреблениях при этих конфискациях. *В свертках травы* — итальянские вина в бутылках, оплетенных травою.

Лето. Написано в 1804 г. как стихотворное письмо к поэту И. И. Дмитриеву, который, по сведениям Державина, проводил лето под Сызранью (он был на самом деле в Москве).

Зима. Написано в 1804 г.

Фелица — Екатерина II, умершая в 1796 г. *Пленира* — первая жена Державина, умершая в 1794 г. *Хариты* — сестры Александра I, умершие в 1801 и 1803 гг. *Н. А. Львов* умер в 1803 г., *И. И. Хемницер* — в 1784 г. *В. В. Капнист* в 1804 г. жил в Обуховке на Украине. *П. Л. Вельяминов*, друг Державина, был в 1804 г. болен (он умер вскоре). *Хлор* — Александр I (по имени героя сказки Екатерины II). *Добрада* — мать Александра, Мария Федоровна (*хлад* и *зима* в конце стих. — тоже имеется в виду Александр).

На пастуший балет. Написано в 1804 г.

Дитя — Амур.

Цыганская пляска. Написано в 1804 г. в ответ на стихотворное послание

И. И. Дмитриева, в котором он писал, что живет в Москве, где вдохновенью поэта мешает все, в том числе песни и пляски цыган, промышляющих в Марьиной роще на заброшенном кладбище; затем он писал:

О песнопевец! один ты способен
Петь и под шумом сердитых валов ... и т. д.

Державин, очевидно, хотел показать, что он действительно может найти предмет для вдохновения и в пляске цыганок на кладбище.

Египтянами в XVIII в. считали цыган. *Эвоа* — вакхический возглас. *Нежный певец* — Дмитриев.

Лебедь. Написано ок. 1805 г. Вольный перевод оды Горация (II, 20).

В двояком образе, т. е. по душе и по сочинениям. *Мытарства* — чистилище. *Средь звезд*, т. е. среди орденов. *Богу песнь* — ода «Бог» Державина. *Бранью днесь пылают* — война с Наполеоном 1805 г.

Облако. Написано в 1806 г.

Радуга. Написано в 1806 г.
Изограф — живописец.

Персей и Андромеда. Написано в 1807 г. в прославление успеха русской армии под начальством Бенигсена в войне

с Наполеоном под Прейсиш-Эйлау в январе этого года. В основе стихотворения-кантаты — миф о царевне Андромеде, спасенной от чудовища Персеем. Под Андромедой разумеется Европа; дракон — Наполеон; Персей — Александр I.

Дивий — дикий, лесной.

Евгению. Жизнь званская. Написано в 1807 г. на Званке, где Державин, будучи в отставке, проводил лето в своем имении. Посвящено историку епископу Евгению Болховитинову, написавшему первую биографию Державина.

Барашков в воздухе и т. д., т. е. бекасов, которые кричат, как барашки, и настоящих баранов. *Желна* — дятел. *Пар манжурский иль левантский,* т. е. чай или кофе. *Вестник* — журнал «Вестник Европы». *Ерошки, фараон* — карточные игры. *Зеркало времен* — история. *Блестят и жу́чки в епанечках,* т. е. «посредственные мысли, хорошо сказанные, чистым слогом, делают красоту сочинения» (объясн. Державина); жу́чки — собачки. *Липец, воронок* — пьянящие медовые напитки. *Древ русских сладкий сок* — шипучий напиток из березового или яблочного сока. *Пернатый легок* — игра в волан. *Стекла оптики* — род волшебного фонаря. *Мрачный фонарь* — камера-обскура. *Движа машину* и т. д. — речь идет о водяной лесопилке, а далее — о паровой машине.

Марииной рукой — Мария Федоровна, мать царя, выписала из Англии прядильную машину. *Поль царица* — Флора (царица полей). Речь идет о красильне. *Милицы*, т. е. милиции, ополчения из крестьян во время войны с Наполеоном. *Жерла чугунные* пушечек для стрельбы во время праздников. *Тихогром* — перевод слова «пианофорте» (или фортепиано). *Пультуск*, *Прейсш-Лау* — удачные для России сражения в войне с Наполеоном (Темиром новым) 1806—1807 гг. *Орел седой* — М. Ф. Каменский, смененный с поста главнокомандующего почти сразу после начала войны. *Вождя, волхва* — по легенде, холм в Званке скрывал могилу древнего чародея. *Тул* — колчан.

Признание. Написано ок. 1807—1808 гг.

Посылка плодов. Написано в 1808 г. Перевод 8-го сонета Петрарки.

Когда делящая часы небес планета, т. е. весной.

Телец — одно из созвездий и знаков зодиака.

Прогулка. Написано в 1808 г. Перевод 15-го сонета Петрарки.

Задумчивость. Написано в 1808 г. Перевод 22-го сонета Петрарки.

Явление. Написано в 1810 г. Свободный перевод стихотв. Л. Г. Козегартена.

Царь-девица. Написано в 1812 г. *Полканы* — сказочные чудища, полулюди-полукони. *Восемь морей*, окружающих территорию России, по счету Державина. Ряд черт характеристики царь-девицы указывает на то, что Державин имел здесь в виду имп. Елизавету Петровну. *Эдемский индей* (т. е. райский индюк) — павлин. *Колпица* — аист. *Маркобрун* — имя из сказки о Бове. *Насад* — плоскодонное судно. *Сбойство* — ухищренность, хитрость.

«Уж я стою при мрачном *гробе*»... Отрывок написан в последние годы жизни Державина.

«Тебе в наследие, Жуковский»... — то же.

Полигимнии. Посвящено фрейлине Р. С. Стурдзе, полумолдаванке, полугречанке по происхождению, которая очаровала старика-Державина, прочитав ему его оду «Бог». Повидимому, это — последнее законченное Державиным стихотворение.

«Река времен в своем стремленьи...» Эту первую строфу так и не дописанного стихотворения «На тленность» Державин написал за несколько дней до смерти. Это — последние его стихи.

ОСНОВНЫЕ ИЗДАНИЯ СОЧИНЕНИЙ ДЕРЖАВИНА

В 1808 году вышло четырехтомное издание «Сочинений Державина», составленное самим поэтом. В 1816 году вышел пятый (как бы дополнительный) том этого издания. Пять томов издания 1808—1816 годов — основной источник текста стихотворений Державина. Конечно, это издание очень неполно.

С 1864 по 1883 год выходило большое научное издание сочинений Державина под редакцией Я. К. Грота (изд. Академии Наук). Оно сопровождено обширными комментариями. I—III томы этого издания содержат стихотворения Державина; IV том — его драматические произведения; V—VII — переписку, записки, прозаические произведения; VIII том занят биографией Державина, написанной Я. К. Гротом; IX том — составленными им же материалами по биографии, библиографии, изучению творчества поэта.

Параллельно Академией Наук было выпущено «малое» издание сочинений Держа-

вина в семи томах меньшего формата, повторяющее текст первых семи томов «большого» издания.

В 1933 году в большой серии «Библиотека поэта» вышло издание стихотворений Державина (избранных) под редакцией Гр. Гуковского, со вступительной статьей И. А. Виноградова.

В 1935 году в малой серии «Библиотека поэта» вышло издание избранных стихотворений Державина под редакцией и со вступительной статьей Гр. Гуковского (настоящее, второе издание значительно увеличено по сравнению с первым).

СОДЕРЖАНИЕ

СТИХОТВОРЕНИЯ

Редактор В. Саянов

Переплет и титул по макету художника *Л. Хижинского.* Техн. редактор *А. Кирнарская.*
М 05911. Подписано к печати 31/VII 47 г.
Зак. № 532. Печ. л. $9^5/_8$. Уч.-изд. л. 11,8.
А. л. 14,9. Тираж 20 000. Цена 8 р. 50 к.
Типография № 3 Управления издательств
и полиграфия Исполкома Ленгорсовета

UNIVERSITY OF CALIFORNIA-LOS ANGELES
L 010 622 902 4

